

ЭЛИСОН УЭЙР

ВЕЛИКИЕ
ЖЕНЩИНЫ
В ИСТОРИИ

ШЕСТАЯ ЖЕНА

РОМАН
О ЕКАТЕРИНЕ ПАРР

Ни один из современных писателей не знает
о династии Тюдоров так много, как
Элисон Уэйр. Подлинная энциклопедия.

Kirkus Reviews

Шесть королев Тюдоров

Элисон Уэйр

**Шестая жена. Роман
о Екатерине Парр**

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Уэйр Э.

Шестая жена. Роман о Екатерине Парр / Э. Уэйр — «Азбука-Аттикус», 2021 — (Шесть королев Тюдоров)

ISBN 978-5-389-20629-8

После казни в феврале 1542 года любимой, но неверной жены Екатерины Говард Генрих VIII обращает внимание на дважды овдовевшую Екатерину Парр. Однако та влюблена в Томаса Сеймура, брата покойной королевы Джейн. Узнав о сопернике, король отправляет Сеймура за границу, и у Екатерины Парр не остается выбора, кроме как стать шестой королевой Генриха VIII. Она старается быть ему хорошей женой и с радостью занимается воспитанием его детей. Через четыре года после свадьбы Генрих умирает, оставив трон Англии девятилетнему Эдуарду, марионетке в руках амбициозных придворных, и жизнь Екатерины круто меняется. В восторге от возможности выйти замуж за свою первую любовь, она не понимает, что Томас Сеймур теперь видит в ней всего лишь ступеньку к трону, а на самом деле его цель – дочь Генриха, четырнадцатилетняя Елизавета... «Шестая жена. Роман о Екатерине Парр» – это последняя книга популярного автора и известного историка Элисон Уэйр, решившей создать драматическую серию, посвященную женам короля Генриха VIII. Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20629-8

© Уэйр Э., 2021

© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Часть первая	9
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	24
Часть вторая	29
Глава 4	30
Глава 5	41
Глава 6	52
Часть третья	54
Глава 7	55
Глава 8	61
Глава 9	70
Глава 10	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Элисон Уэйр
Шестая жена
Роман о Екатерине Парр

Alison Weir
KATHARINE PARR. THE SIXTH WIFE
Copyright © 2021 Alison Weir
All rights reserved
Перевод с английского Евгении Бутенко
Серийное оформление Ильи Кучмы
Оформление обложки Андрея Саукова

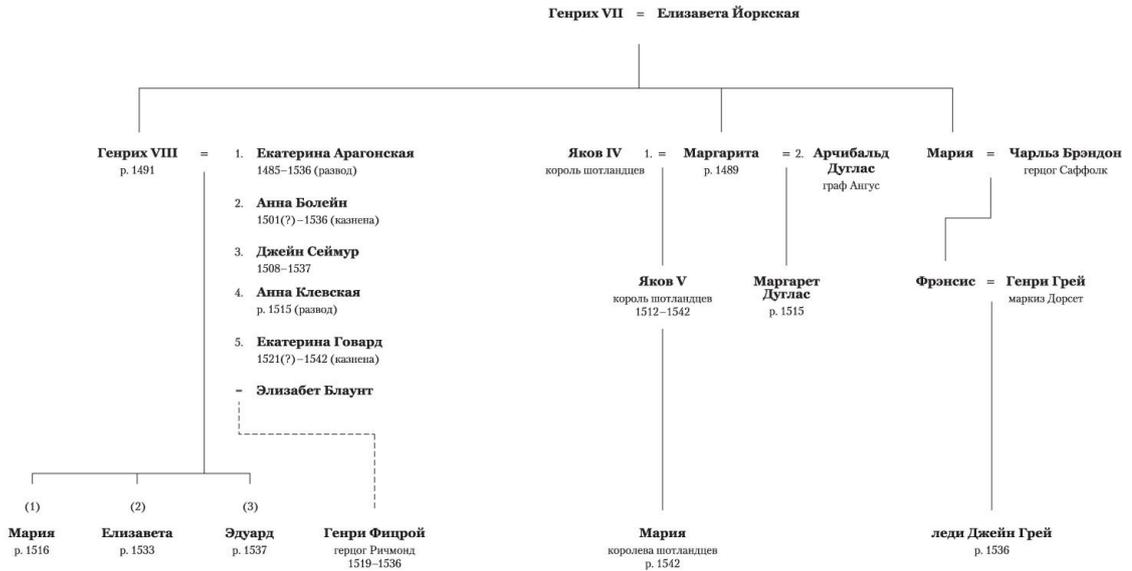
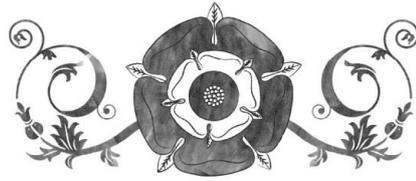
Серия «Великие женщины в истории»

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

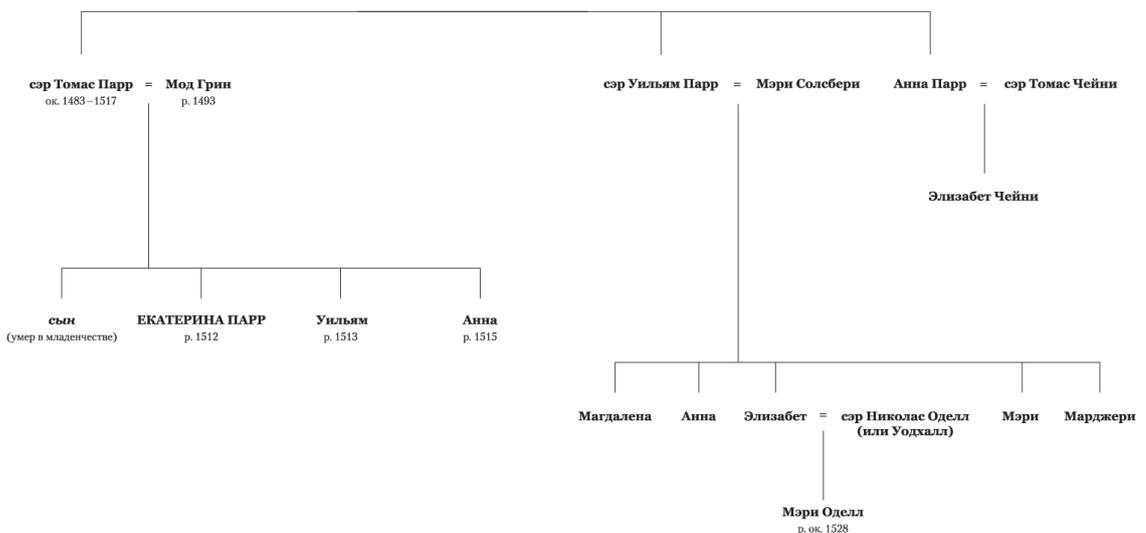
* * *

*Посвящается
светлой памяти нашего любимого сына
Джона Уильяма Джеймса Уэйра (1982–2020)
и моей дорогой матери
Дорин Этель Каллен (1927–2020)*

1543 ДОМ ТЮДОРОВ

1517 ПАРРЫ

Эта женщина, по моему рассуждению, добродетелью, мудростью и добротой больше всех подходит для его высочества. И я уверен, что

*его величество никогда не имел супруги более приемлемой для его сердца,
чем она.*

Сэр Томас Ризли

*Если говорить о моей несчастной жизни, то сердце мое из
мрамора, непокорное, безрассудное.*

Королева Екатерина Парр

Часть первая
«Живая и милостивая»

Глава 1 *1517–1520 годы*

Кэтрин было пять, когда смерть бросила свою черную тень на ее жизнь. В это тяжкое время страха и печали ужасная болезнь под названием «потливая лихорадка» опустошала Лондон. Девочка забилась в угол в доме, стоявшем на территории монастыря Черных Братьев, который закрыли от всех посторонних из-за эпидемии, и сжималась от ужаса, слыша колокольный звон городских церквей и чужа запахи травяных снадобий, которые готовила мать на случай, если кто-нибудь в доме заболит. Хотя она и была мала, но понимала тяжесть ситуации. Занимаясь разными простыми делами на винокурне, Кэти слышала разговоры взрослых на соседней кухне о том, что лихорадка убивает мгновенно и люди ни с того ни с сего падают замертво прямо на улицах. Ей было известно, что даже король покинул Лондон. Как и все, она отлично знала признаки болезни и с тревогой наблюдала за собой: не начнется ли у нее озноб, не закружится ли голова, не появятся ли жажда, головная боль и другие недомогания. Знала и то, что если проживешь с потницей целый день и целую ночь, то поправишься. И это будет ее единственной надеждой.

Мать вернулась со службы у королевы, и Кэтрин очень этому радовалась. Своим спокойствием и уверенностью хозяйка дома внушала всем веру в лучшее, и было не так страшно. Мать научила Кэти и ее четырехлетнего брата Уильяма особой молитве: «Даруй свет моим глазам, о Господь, если я засну мертвым сном». Каждый день они обязательно исповедовались в своих маленьких грехах священнику доктору Мелтону, чтобы всегда находиться в состоянии благодати и быть готовыми к встрече с Создателем. Двухлетняя Анна была еще слишком мала, чтобы осмысленно произносить молитвы, но мать позаботилась и о ней: каждый вечер молилась за свою младшую дочь, прижимая ее к пухлому животу. Кэти знала, что скоро у нее появится еще один брат или сестра. Она надеялась, что ужасная потливая лихорадка уйдет до того, как родится ребенок, и что это будет девочка. Но болезнь продолжала свирепствовать даже в ноябре, тогда и заболел отец.

Ей запретили входить в его комнату, чтобы не подцепила заразу, и Кэтрин наблюдала, как мать носится туда-сюда с тазами горячей воды и полотенцами. Она видела, как открыли входную дверь, чтобы впустить врача, и через два дня – поверенного отца. Нос и рот у обоих были закрыты отдушенными гвоздикой льняными повязками. Девочка чувствовала, что на дом опустилась тишина, и понимала: шуметь нельзя.

На следующий день появился любимый дядя Уильям, младший брат отца, и отец Катберт Танстолл, которого дети хорошо знали. Священник был человек незлобивый, умный и мягкий, с гладко выбритым лицом и крючковатым носом. Он не только приходился им родственником, но и был большим другом всем и очень важной персоной, так как служил королю Генриху. Кэтрин обожала его, как и дядю Уильяма, мужчину довольно грузного, с искрящимися глазами и веселым круглым лицом. Они оба очень по-доброму говорили с детьми и уверяли их, что отец в безопасности, что он в руках Божьих и Господь лучше знает, какой исход для него предпочтительнее. Этот урок Кэтрин будет помнить всю жизнь. Однако от нее не укрылась слеза, нагнувшись на глаза грубоватого в манерах, привычного к военной службе дядюшки.

Трудно было смириться с тем, что Господь знает лучше, когда в тот же вечер мать, храбро подавив всхлипы, сообщила им: отец умер и отправился на Небеса. Дом завесили черными тканями, все надели траур. Услышав громкие удары главного колокола в монастыре Черных Братьев по соседству, Кэтрин поняла: звонят по ее отцу. Дядя Уильям сказал, что прозвучит тридцать четыре удара, по одному за каждый год жизни сэра Томаса Парра.

Дети не присутствовали на похоронах в монастырской капелле Святой Анны; отец хотел, чтобы его тело было погребено именно там, рядом со старшим братом, умершим сразу после рождения. Они смотрели, как мать, светлые волосы которой были спрятаны под похожим на монашеский плат головным убором и черной вуалью, выходит из дверей, опираясь на руку дяди Уильяма. Маленький Уилл плакал, Кэтрин и сама была опасно близка к слезам, пытаясь свыкнуться с тем фактом, что ее отец никогда не проснется и она больше не увидит его. Ей хотелось помнить отца таким, каким он был при жизни.

Человек умный и образованный, сэр Томас занимал важные посты при дворе короля Генриха. Он был близок к королю, как мать была близка к королеве, крестной матери Кэтрин, принимавшей в девочке живое участие, несмотря на то что Кэтрин никогда с ней не встречалась. Но ее родители проводили много времени при дворе, у матери даже имелись там свои покои, и Кэтрин теперь размышляла, вернется ли мать к своим обязанностям.

Для нее не имело значения, что отец был богатым и важным человеком; она будет помнить жизнерадостного мужчину, у которого в уголках глаз появлялись морщинки, когда он смеялся; прекрасного отца, который ценил и любил своих детей. По нему Кэти станет горевать.

– Не плачьте, дети, – мягко сказал доктор Мелтон, выходя с молитвенником в руке из дома вслед за членами семьи. – Ваш отец отправился к Господу. Мы должны радоваться за него и не подвергать сомнению Божью волю.

Кэтрин хотелось бы так легко принять ее, быть как мать, а та стойко сносила утрату. Но стоило ей подумать об отце, и слезы непроизвольно катились у нее из глаз.

Няня Агнес, положив руки на плечи детям, увела их в холл, где в очаге приветливо потрескивал огонь.

– Я расскажу вам историю, – сказала она и принялась за цветистую легенду о Робин Гуде и деве Мариан, потом увлекла детей строительством картонного домика.

За этим делом и застали их вернувшиеся с похорон взрослые. Глаза матери были красны, но Мод улыбалась, когда взяла Кэтрин и Уилла за руки и повела их в зал, где была устроена поминальная трапеза. Из-за лихорадки гостей было немного.

После еды семья вернулась в холл, и дети снова увлеклись игрой, а взрослые сели у камина.

– Не могу поверить, что он умер, – убитым голосом проговорила мать. – Нам выпало провести вместе всего девять лет. Не думала, что останусь вдовой в двадцать пять и буду одна растить детей.

Кэтрин увидела, как дядя Уильям положил ладонь на руку матери и сказал:

– Вы не одна.

– Нет, вы не одна, Мод, – заверил ее отец Катберт. – Мы позаботимся о вас. Этого хотел Томас и потому назначил нас исполнителями своей последней воли.

– Вы не останетесь в нужде, – вставил дядя Уильям. – Уилл будет наследовать отцу. Девочкам оставлено приданое, которое обеспечит им приличных мужей. Может, не самых знатных, но вполне достойные партии.

– Да, и я должна быть благодарна за это, но он ничего не оставил младшему. – Мать вздохнула и похлопала себя по животу. – Если родится мальчик, у него не будет никакого наследства. Если девочка, мне самой придется обеспечивать ей приданое. Томас не мог рассуждать здраво. Болезнь помутила его разум. Без доходов от его службы при дворе у меня станет меньше денег на жизнь, и я должна сохранить наследство Уилла. А хранить-то особо нечего. Мне придется вести очень скромное существование.

– Вы вернетесь на службу к королеве? – поинтересовался отец Катберт.

– Когда родится ребенок, ничего другого мне не останется, – ответила мать. – Я подумывала уехать на север, в Кендал, где жизнь дешевле, но замок там стоит в запустении, и это очень далеко от всех моих друзей.

– Даже не думайте об этом, – твердо заявил дядя Уильям. – Вы должны запереть этот дом и переехать жить ко мне и Мэри в Рай-Хаус.

Кэтрин наострила ушки. Все, слышанное до сих пор о Рай-Хаусе, привело девочку к мысли, что это сказочное место. Там жили ее кузины и кузены, и какое это будет счастье – уехать подальше от пораженного эпидемией Лондона.

Лицо матери просветлело.

– Уильям, не могу выразить, что значит для меня ваша доброта. Я с удовольствием приеду. Это будет хорошо для детей. Там такой здоровый воздух. Но, боюсь, я должна попросить вас еще об одном одолжении.

– Только скажите, – галантно ответил дядя Уильям.

– Мне нужна помощь с финансами, – сказала Мод, – и человек, который будет управлять нашими поместьями на севере, потому что сама я предпочту обустроиться на юге, чтобы обеспечить будущее детям. Отныне я должна посвятить свою жизнь им.

– Вы можете спокойно доверить все это мне, – сказал дядя Уильям.

Мать встала и обняла его:

– Ни у одной женщины не было лучшего деверя.

– А ваши родные не помогут? – поинтересовался отец Катберт.

– Грины? – Мод покачала головой. – Вы знаете, мой отец умер в Тауэре под подозрением в измене. Я осталась последней в роду и единственной его наследницей. Все, что имела, я принесла Томасу. У меня есть родственные связи на севере и в Мидленде, но...

Кэтрин часто слышала разговоры родителей об их родстве с такими знатными семьями, как Воксы, Трокмортоны, Невиллы, Дакры, Тальботы и Танстоллы, семья отца Катберта, и это только некоторые. Родственные связи были источником великой гордости для них всех, но запомнить имена этих людей Кэтрин удавалось с трудом. Она не знала никого из многочисленной родни и подозревала, что у ее матери тоже мало общего с этими людьми.

– Ни к чему думать о них, когда у вас есть я, – сказал дядя Уильям.

– А я помогу вам организовать переезд в Рай-Хаус, – предложил отец Катберт.

– Спасибо вам, мои дорогие друзья, – ответила мать. – Честно говоря, мне очень хочется туда.

В последовавшие за этим дни все они были заняты подготовкой к отъезду. Дом в монастыре Черных Братьев предстояло запереть и оставить на попечении управляющего. Мать попросила Кэтрин и Уилла собрать их любимые вещи, и Кэтрин положила в сундук с обитыми железом углами своих кукол, Часослов с раскрашенными полями, роговую книгу, по которой учила буквы и цифры, волчок, мяч и лютню. Не забыла тетрадки и коробку с ручками. Это было самое важное, ведь мать учила ее писать в изящной итальянской манере, и Кэтрин занималась письмом ежедневно.

На самый верх девочка поместила самые дорогие сердцу вещи: красивую крестильную пелену, подаренную ей королевой, в честь которой она получила имя и которая собственно-ручно вышила на ней в золотом круге инициалы «К. И. П.», что, по словам матери, означало: «Кэтрин. Инфанта. Принцесса», а также девиз: «Plus Oultre» – «Дальше вперед». Это был девиз Испании, откуда королева приехала, но мать полагала, он подходит Екатерине, которая, по ее мнению, превзойдет то, чего от нее ожидали. Королева очень дорожила этой пеленой, сшитой ее матерью. Вероятно, Екатерина высоко ценила свою придворную даму, раз отдала ее дочери такое сокровище.

Кроме этого, королева подарила Кэтрин немецкие лакированные бусы, украшенные золотом, которые девочка часто носила на шее. Ей очень хотелось увидеть добрую королеву, и она жаждала наступления того дня, когда подрастет и сможет поехать ко двору.

В декабре, когда они были готовы к отъезду, потница наконец завершила свое убийственное шествие по стране, и люди снова потянулись в Лондон.

– Я так рада, что жизнь налаживается, – говорила мать, натягивая перчатки, а потом ее лицо погрузнело. – Но едва ли все вернется в норму. – Кэтрин понимала, что она вспомнила об отце, но знала: мать не позволит себе грустить долго. – Я беспокоилась, как мы отправимся в путь, когда повсюду эта зараза, и готова была отсрочить переезд, если понадобится. Но теперь мы отправляемся! – Она улыбнулась детям, взяла на руки полнощековую малышку Анну и повела их всех через главный вход к ожидавшим на улице конным носилкам.

Сидя рядом с матерью, закутанная в меха и с завернутым в войлок разогретым кирпичом под ногами, Кэтрин оглянулась на дом, в котором родилась, и постаралась запомнить каждую деталь его фахверкового фронтона, ромбовидные стекла в окнах со средниками, поблескивавшие под зимним солнцем, щит над дверью с гербом Парров в сине-красных лентах и девиз под ним: «Любовь с преданностью». Жизнь никогда не будет прежней, и тоска по отцу не отпустит Кэтрин, но она уже начинала смотреть в будущее, так как отправлялась в восхитительное путешествие.

Мать не хотела торопиться, поэтому они ехали в Ходдесдон не спеша и остановились на ночлег в гостинице рядом с Энфилдом к северу от Лондона. На следующий день ближе к вечеру прибыли в Рай-Хаус, и Кэтрин, завидев его, разинула рот от восторга. Возвышавшийся над широким рвом и окруженный высокой стеной главный дом поместья был похож на дворец из волшебной сказки с маленькими башенками и зубчатыми стенами. Когда они проехали через гейтхаус, Кэти увидела, что большую часть пространства за оградой занимает сад, а краснокирпичный главный дом оказался довольно скромным по размеру. Дядя Уильям проводил их в квадратный холл, где тетя Мэри, пухленькая и со щеками, как спелые яблочки, ждала гостей, чтобы приветствовать их и угостить горячим элем с пряниками. Она обняла своего супруга и сноху, потом расцеловала детей.

– Входите и усаживайтесь в гостиной, – пригласила их Мэри и провела через одну из двух деревянных дверей, расположенных позади стола на помосте, в комнату с побеленными стенами и ярко-красными занавесками, где поставила на стол угощение. Тут, скромно выстроившись в ряд, ожидали гостей пять маленьких девочек; они все сделали быстрые реверансы и усталились на Кэтрин, ее сестру и брата.

– Ты помнишь своих кузин? – спросил дядя Уильям, и Кэтрин кивнула, ведь она видела старших из них на каком-то давнишнем семейном торжестве, хотя мало что помнила. – Они составят вам всем компанию.

Девочек представили, назвав по именам: Магдалена, Нан, Элизабет, Мэри и Марджери. Магдалена была на два года старше Кэтрин, а Марджери исполнилось два – ровесница Анны. Все девочки были миловидные блондинки с голубыми глазами. Они немного косо поглядывали на Уилла как единственного мальчика в комнате, но в целом, казалось, радовались появлению новых товаров по играм. Не прошло и часа, как дружба завязалась, и Кэтрин ощутила, что загорающаяся впереди новая веселая жизнь уже затмевает печальную старую.

Зима выдалась мягкая, и старшие дети много времени проводили на улице – играли в мяч, догонялки и прятки в саду или в обширном охотничьем парке, плавали в деревянных лодочках по реке Ли, от которой питался водой замковый ров, или собирали зеленые ветки для изготовления рождественских гирлянд. Им давали пони, учили управляться с ними и позволяли вместе со взрослыми ездить на охоту, в том числе соколиную. Кэтрин нравилось бывать на свежем морозном воздухе; ее завораживал парящий полет соколов, захватывал азарт погони и бодрило ощущение свободы, которое давала быстрая скачка в седле. Она бесстрашно погоняла своего послушного пони, побуждая его мчаться быстрее и совершать рискованные прыжки.

Уилл тоже был счастлив. Если кухни поначалу не особенно хотели принимать мальчика в свою компанию, то очень скоро забыли об этом; Уилл стал для них своим. Каждый день с наступлением сумерек дети вваливались на кухню, раскрасневшиеся, со спутанными волосами и в облепленных грязью высоких ботинках, и повар наливал им горячего ягодного эля.

Вскоре после того, как Кэтрин и ее родные обосновались в Рай-Хаусе, туда же приехала двенадцатилетняя кузина детей Парров Элизабет Чейни. Несмотря на большую разницу в возрасте, она радостно подключилась к их играм и пыталась по-матерински за ними приглядывать, хотя старания юной воспитательницы были по большей части отвергнуты. Только самые младшие терпели суету вокруг них. Кэтрин сочувствовала Анне, которой не нравилось, что ее наряжают как куклу и водят за ручку, но в то же время была благодарна Элизабет за то, что та отвлекала младшую сестренку. Разумеется, Кэтрин любила ее и проводила бы с ней больше времени, но Анна была еще слишком мала, чтобы участвовать во многих веселых забавах в Рай-Хаусе, и не могла разделить крепнущую дружбу старшей сестры с Магдаленой Парр. Эта девочка, дружелюбная и жизнерадостная, привлекла к себе Кэтрин, и вскоре они стали неразлучны. Так проходили насыщенные событиями зимние дни, но наконец в саду появились первые весенние бутоны.

Дни удлинялись, мать готовилась к родам. Она достала со дна дорожного сундука свивальники и маленькие одежки, которые раньше носили Кэтрин, Уилл и Анна, и отдала их в стирку.

Послали за повитухой. Детей прогнали из комнат, когда у матери начались схватки. Элизабет велели отвести их в парк, где они счастливо носились целый день. А когда вернулись, то застали в холле дядю Уильяма с очень хмурым лицом.

– С вашей матерью все в порядке, – сказал он, – но, к несчастью, ребенок родился мертвым.

Кэтрин разразилась шумными всхлипами, горюя о сестренке, которую никогда не увидит. Тетя Мэри поспешила утешить ее, прижала к своей теплой груди; Анна мигмом присоединилась к общему плачу, чтобы о ней не забыли.

– Можно нам к маме? – спросил Уилл.

– Пусть она сперва отдохнет, дитя, – ответила тетя Мэри.

Наконец детей пустили в спальню, и мать протянула к ним руки.

– Господь решил забрать к себе вашу сестру, – сказала она дрожащим голосом, когда они все залезли к ней на постель. – Но Он оставил мне вас троих, мои дорогие. А малышка ушла к своему отцу. Мы не должны слишком сильно горевать о них. Они на Небесах, с Господом, куда нам всем нужно стремиться. Мы будем вспоминать их обоих в своих молитвах.

Через две недели мать встала с постели; она часами сидела, затворившись в кабинете с дядей Уильямом и отцом Катбертом, который заглянул в Рай-Хаус перед возвращением в Линкольн, где служил каноником в местном соборе.

– Мы составляем план вашего обучения, – сказала мать Кэтрин однажды вечером, когда они все вместе сидели в гостиной. – В какой-то момент мне придется вернуться на службу к королеве, и дядя Уильям согласился, чтобы вы остались здесь и обучались вместе со своими кузинами. Я буду приезжать как можно чаще, чтобы проверить, какие вы делаете успехи.

Хотя Кэтрин и была мала, но понимала, что ее мать – женщина умная, с особой страстью занимавшаяся учением. Она умела говорить по-французски и даже на латыни.

– Ваша мать придерживается весьма просвещенных взглядов, – сказал дядя Уильям. – Она решила, что вы, девочки, получите такое же образование, как Уилл. Мне этого не понять. Я простой вояка, так что организацию всего этого предоставляю вам, Мод.

– Ваша мать следует примеру нашего родственника, сэра Томаса Мора, – обратился отец Катберт к Кэтрин. – Он давал своим дочерям образование на одном уровне с сыновьями. Ученость этих юных леди широко известна. Король и королева пользуются советами сэра Томаса о том, чему и как учить принцессу Марию.

– Девочки обладают не меньшими способностями, чем мальчики, – заявила мать. – Они не так слабы и беспомощны, как уверяют нас некоторые.

– Именно, они не слабы! – согласился отец Катберт, хотя у дяди Уильяма эти слова вызвали некоторые сомнения.

– Я буду широко смотреть на вещи, – с усмешкой проговорил он. – Кто я такой, чтобы не доверять мудрости сэра Томаса Мора и короля?

– Ой, да ладно вам! – махнула рукой тетя Мэри и игриво стукнула его.

Кэтрин нравились уроки матери, которые та проводила с ней в течение последнего года, когда была отпущена со службы при дворе. Она была хорошим учителем и с удовольствием делилась своими знаниями с детьми. Слушая, что говорили взрослые о новом плане обучения, Кэтрин решила, что ее ждет захватывающе интересное приключение.

Дядя Уильям задумчиво смотрел на мать:

– Это только начало, Мод. Вы еще молоды, и какой-нибудь джентльмен при дворе может предложить вам брак. Если это случится...

– Нет! – отрезала мать, и ее бледные щеки вспыхнули. – Больше я замуж выходить не намерена. Я не могу подвергать опасности наследство Уилла, за которое отвечаю. Нет, Уильям, я собираюсь посвятить свою жизнь детям. Я прослежу, чтобы они получили хорошее образование и нашли себе достойных супругов. Кроме того, у меня есть обязанности перед королевой.

– Ну, если передумаете, знайте, что дети всегда будут здесь как дома. – Дядя Уильям улыбнулся.

Он сказал матери, что она может использовать для учебных занятий маленькую гостиную позади помоста. Там поставили столы и стулья для всех детей, кроме самых младших, которые должны были ждать, пока им исполнится четыре года, прежде чем приступить к урокам.

Месяцы проходили безмятежно. Они провели в Рай-Хаусе год, полтора года... Каждый день начинался с молитвы. Мать была женщина набожная и хотела внушить своим детям и подопечным глубокую любовь к Господу и послушание Его слову. Она нашла прекрасного духовного наставника в лице домашнего священника дяди Уильяма, доктора Кларка, который преподавал своим ученикам нечто под названием Новое Учение.

– Вы знаете, что в Библии содержатся Писания, а это Слово Божье? – спросил он их, и все кивнули. – Сотни лет Писания всегда были на латинском языке, и священники объясняли их нам. Теперь ученые мужи стараются лучше понять латинский и греческий языки, чтобы изучать Библию самостоятельно. Однажды, если Господу будет угодно, мы все сможем читать ее на английском, и именно по этой причине больше, чем по какой бы то ни было еще, вы, дети, должны быть усердны в учебе.

Кэтрин нравились истории из Библии, которые рассказывала им мать. Как здорово будет читать их самой! Она старательно занималась латинским языком и так хорошо успевала, что доктор Кларк вдобавок даже немного поучил ее греческому.

– У вас способности к языкам, дитя, – сказал он ей, сияя улыбкой.

Мать занималась с ней французским, который Кэтрин схватывала на лету, как и Анна, которая, когда подросла, стала приходить на уроки вместе со старшими детьми. Все учились с удовольствием: восемь белокурых и рыжих головок склонялись над книгами в комнате, куда сквозь окна с ажурными решетками лился солнечный свет. Утром они занимались, а после обеда свободно бегали на улице, бесконечно играли в мяч, пятнашки или во что-нибудь понарошку, а зимой лепили снеговиков, устраивали перестрелки снежками, собирали остролист и

плющ. Кэтрин была так счастлива в эти восхитительные дни детства, что, когда мать отправилась обратно ко двору, оставив дочку стоять в слезах под аркой гейтхауса и следить за скрывающейся вдали маленькой кавалькадой, то почти не скучала по ней. А вот оставшись весной 1520 года без Уилла, которого благодаря связям матери при дворе в шестилетнем возрасте взяли пажом в свиту его величества, отправлявшегося на встречу с королем Франции, Кэтрин почувствовала себя потерянной. Вернувшись домой в июле, Уилл без умолку рассказывал об увиденных во время поездки чудесах.

– Это называли Полем золотой парчи, – говорил он, – потому что все люди оделись в свою лучшую одежду. Там было столько роскоши и блеска, и я никогда не видел такой огромной толпы. Король весь сверкал украшениями! Он очень могущественный человек! Когда я вырасту, Кейт, то буду придворным! – После этой поездки жизнь в Рай-Хаусе уже не так радовала Уилла.

Дядя Уильям приезжал в свое поместье чаще, чем мать, и был для детей как любящий отец. Кэтрин знала, что именно благодаря дяде ей так хорошо живется. Когда ей исполнилось восемь, желая показать, как она его любит и выразить благодарность, Кэтрин решила подарить дяде свой Часослов, унаследованный от отца, и вывела на обороте обложки посвящение: «Дядя, взглянув на эти строчки, вспоминайте о той, что написала их в Вашей книге. Ваша любящая племянница Кэтрин Парр». У дяди Уильяма, когда он читал это, на глаза навернулись слезы.

Глава 2 1523–1524 годы

В апреле, когда мир был свеж и зелен, а среди деревьев на все голоса распевали птицы, Кэтрин посмотрела на себя в полированное серебряное зеркало и решила, что ей нравится то, что она видит. Ей уже почти исполнилось одиннадцать, и она постепенно превращалась в довольно грациозную юную леди, какой и хотела видеть ее мать. Черты лица у нее были приятные, светло-карие глаза – яркие и теплые. Если во внешности Кэтрин и имелся какой-то изъян, так это немного длинноватый и слегка вздернутый нос, как у брата. Она вытянулась сильнее, чем большинство девочек ее возраста, и была худощава, хотя маленькие груди уже начинали проступать под лифом.

Кэтрин наспех расчесала длинные рыжие волосы и торопливо спустилась вниз, чтобы присоединиться к остальным детям в классе. Сегодня утром на уроке итальянского языка им предстояло читать Цицерона и сонеты Петрарки. Цицерон ей нравился, и она соглашалась с ним, что комната без книг – все равно что тело без души. Младшие кузины считали латинянина скучным и говорили Кейт, что, если она будет все время сидеть, уткнувшись носом в книгу, то испортит зрение и ей будет трудно найти себе мужа, но Магдалена и Анна понимали ее. Ни они, ни сама Кэтрин не заботились о поисках мужей. Девочки и без того были счастливы. Как говорил мудрый Цицерон: «Если вы имеете сад и библиотеку, у вас есть все, что нужно». Кэтрин с любовью взглянула на книги, выстроившиеся в ряд наверху буфета. И верно, что может быть ценнее!

Но, прежде чем они доберутся до Петрарки и Цицерона, их ждал урок математики. Идею подкинул отец Катберт. Сам увлеченный этой наукой, добрый священник написал трактат по арифметике и во время своих частых наездов в Рай-Хаус любил проверять, как продвигаются у детей дела с освоением счета. Кэтрин хорошо справлялась с арифметикой и геометрией, ей очень нравилось решать математические задачи.

Однако в учебную комнату этим утром вошел не доктор Кларк, а мать, получившая отпуск от своих обязанностей при дворе, и тетя Мэри, а за ними – Элизабет Чейни, которая к восемнадцати годам приобрела тяжеловатые, породистые черты лица и обладала своеобразным скромным обаянием.

– У вашего доброго учителя разыгралась мигрень, – сообщила мать, когда девочки поднялись из реверансов, а Уильям – из поклона. – Вам придется сегодня мириться с нами, дети. Уилл, доктор Кларк сказал, что тебе нужно закончить эссе о Юлии Цезаре, так что займись этим.

– А юные леди отправятся со мной на винокурню и помогут приготовить про запас кое-какие лекарства, – объявила тетя Мэри.

Кэтрин вздохнула; она бы лучше посидела за книгами. Но мать всегда настаивала, что девочки должны быть обучены ведению домашнего хозяйства к моменту замужества. В определенные дни, когда Уилл занимался верховой ездой, отрабатывал приемы борьбы и приобретал прочие спортивные навыки, необходимые джентльмену, мать с тетей Мэри наставляли своих дочерей в том, как вести счета и из чего складывается семейный бюджет, как управляться со слугами, следить за приготовлением и подачей еды, знакомили с тайнами винокурни, которые включали в себя все: от варки варений до дистилляции ароматических веществ и приготовления лекарственных настоев. Кэтрин предпочла бы вместо этого скакать на лошади с Уиллом или даже практиковаться во дворе в фехтовании под руководством начальника стражи. Как же она завидовала брату и его мужской свободе!

– Ни к чему делать такое кислое лицо, Кэтрин, – сказала мать. – Домашние дела не менее важны для юных леди, чем учеба по книгам, и их нужно уметь выполнять. Какой смысл слоняться по дому с головой, полной высказываний Цицерона, если твой муж не может дождаться обеда! Или ты хочешь, чтобы я отправила тебя прясть пряжу?

Кэтрин заметила озорные искорки в глазах матери, прекрасно знавшей, что ее дочь терпеть не может это занятие. Вероятно, строгая наставница и сама с большей охотой занялась бы чтением. Но обязанности она всегда ставила превыше личных склонностей.

– Но сперва у нас есть для вас хорошие новости, – продолжила мать и взглянула на тетю Мэри.

– Элизабет выйдет замуж за сына лорда Вокса, – сообщила та девочкам.

Элизабет вспыхнула и слегка приосанилась. Лорд Вокс был ее опекуном, и юную пару обручили еще в детстве; это была прекрасная партия, так как со временем Элизабет станет баронессой. Четырнадцатилетний Томас Вокс с виду казался флегматичным, но успел развиться не по возрасту – он уже учился в Кембридже. Время от времени юноша вместе с отцом приезжал в Рай-Хаус, и на Кэтрин производили впечатление его образованность и умение писать стихи. Они с Элизабет подходили друг другу.

Девочки поспешили расцеловать кузину и поздравить ее, но тетя Мэри остановила их, подняв руку, и добавила:

– Свадеб будет две. Магдалена, отец нашел супруга и тебе тоже.

Все девочки ахнули, а Магдалена побледнела. Ей нравилось жить в Рай-Хаусе, и Кэтрин знала, что ее кузина считала брак делом отдаленного будущего.

– Ты потеряла дар речи, дитя? – спросила тетя Мэри.

– Я п-потрясена, – запинаясь, проговорила Магдалена.

– Не хочешь ли узнать, кто счастливый жених? – Мать улыбнулась ей.

– Это Ральф Лейн из Орлингбери в Нортгемптоншире, – сообщила тетя Мэри, не дожидаясь ответа Магдалены. – Ему четырнадцать, он всего на год старше тебя, и ему достанется в наследство прекрасный усадебный дом в двенадцать комнат.

Магдалена бросилась в слезы:

– Матушка, я не хочу ни за кого замуж, даже за богача! Не хочу уезжать из Рай-Хауса, покидать вас и отца.

Тетя Мэри положила руку ей на плечо, желая утешить:

– Это вполне обычное дело – чувствовать такое нежелание, дорогое дитя. Ты юна, и перспектива замужества, вероятно, вызывает немного странные ощущения. Но заботливый отец подобрал тебе хорошую пару, к тому же ты никуда не уедешь прямо сейчас. После свадьбы останешься здесь, пока тебе не исполнится четырнадцать лет. Мы считаем, ты еще слишком молода, чтобы исполнять связанные с браком обязанности, так что в Орлингбери ты отправишься следующей весной. Это даст тебе время свыкнуться с новым положением. И это не край земли, мы будем навещать друг друга.

– Значит, я останусь здесь еще на год? – Магдалена подняла заплаканное лицо.

– Да, мой цыпленочек, останешься. А за это время мы подготовим для тебя отличный гардероб, и ты станешь очаровательной леди.

Магдалена промокнула глаза платком, тихонько всхлипывая. Кэтрин стало жаль сестру и себя тоже, ведь она знала, что будет ужасно скучать по своей подруге, когда та уедет в Нортгемптоншир.

После обеда Магдалена ушла гулять по парку одна, сказав, что ей нужно подумать. Когда она вернулась, Кэтрин и Анна разучивали танцевальные шаги в холле, а Уилл подыгрывал им на лютне. Завидев Магдалену, они остановились, однако та широко улыбнулась и попросила их продолжать. Кэтрин обожала танцы, но в тот день не могла вложить в это занятие ни крупицы души. Играть в шахматы и музицировать она тоже была не в состоянии; ни одно из заня-

тий, доставлявших ей удовольствие на досуге, не отвлекало ее от печальных мыслей. Обычно Кэтрин любила слушать рассказы матери о жизни при дворе, в этом восхитительном, сказочном месте, где она жаждала побывать, но в тот вечер, когда мать завела разговор с тетей Мэри и дядей Уильямом, Кэтрин не могла сосредоточиться. Ее охватило недоброе предчувствие, что в скором времени ей тоже могут подыскать жениха и Магдалена, вероятно, не единственная, кто вот-вот окажется оторванным от рая на земле, каким был Рай-Хаус.

На следующей неделе мать вернулась ко двору, а когда приехала на свадьбы, выглядела очень довольной. Собрав вокруг себя наследников, она обняла Кэтрин и сказала:

– Мое дорогое дитя, у меня прекрасные новости! Я нашла тебе мужа, о лучшей партии для тебя и мечтать нельзя.

Кэтрин вдруг затосило. Этого она и боялась. Знала, что рано или поздно услышит роковые слова, но горячо молилась, чтобы новость о замужестве пришла как можно позже.

Но нет, она не расплчется, как Магдалена, не перечеркнет материнских надежд и не омрачит ее счастья.

– Это замечательная новость, – произнесла Кэтрин, удивившись, что говорит так твердо. – За кого я выйду замуж?

– За сына лорда Скруп из Болтона! – триумфально провозгласила мать. – Только подумайте! Он наследник баронства. Предложение сделал его дед, лорд Дакр, кузен вашего отца. Лорд Скруп – его зять. Генри Скрупу тринадцать, вполне подходящий для тебя возраст, и лорд Дакр считает, что ты для него – хорошая пара. Брак между вами укрепит связи с нашими знатными родственниками на севере. Я уже написала лорду Скрупу. Так как лорд Дакр поддерживает эту идею, он должен согласиться.

Кэтрин немного успокоилась. Если ей повезет, лорд Скруп еще может и не дать согласия, несмотря на все восторги матери. Зачем ему женить своего сына и наследника на рыцарской дочери с очень скромным приданым? И ей всего одиннадцать, рановато для брака. Мать наверняка решит, что нужно подождать лет до четырнадцати, прежде чем отправлять ее в дом мужа. Ей, вероятно, еще года три предстоит провести в Рай-Хаусе.

– Болтон очень далеко, – сказала Кэтрин. – Мне будет грустно уезжать от вас.

– Но это великолепный замок, и, смею надеяться, Генри Скруп будет часто появляться при дворе, так что мы не разлучимся надолго. Я попрошу у королевы место для тебя, когда ты выйдешь замуж.

«Это можно вынести, – утешила себя Кэтрин. – И я вынесу». Нужно радоваться, что мать нашла ей такого замечательного супруга.

К тому же пока еще ничего не решено.

Май принес с собой цветение и свадьбы, которые состоялись одна за другой в домашней церкви Рай-Хауса; обе церемонии проводил отец Катберт. Элизабет была счастливой невестой, Магдалена – подавленной. Кэтрин, одетая в новое зеленое платье, внимательно следила за обрядом, понимая, что, может быть, скоро ей тоже придется давать брачные обеты, и подметила, что юные женихи выглядели немного ошарашенными, оказавшись у алтаря; вероятно, они предпочли бы в этот момент сидеть за книгами или учиться обращению с мечом. Томас Вокс особенно нервничал. Без сомнения, его тревожила необходимость проявить себя на брачном ложе. Кэтрин неприятно было думать об этом. Она довольно смутно, но все-таки представляла себе, что должно произойти между супругами после свадьбы, и восторга это у нее не вызывало. На самом деле это казалось ей скорее грубым.

Потом начался свадебный пир. Дядя Уильям был радушным хозяином и гордился прекрасным столом, который подготовила его жена. На нем стояли здоровенные окорока, пироги,

блюда с горохом и недавно вошедшей в обиход спаржей, а также огромный десерт в виде головы греческого бога Гименея, покровителя брачных торжеств.

Затем были устроены танцы. Домашние менестрели завели мелодию, и все поднялись из-за столов. Кэтрин схватила за руку Уилла, и они закружились по полу в веселом *бранле*. Брат с сестрой плясали весь вечер, пока не настало время поднять тосты за новобрачных; кубки наполнили гипокрасом – пряным вином. Элизабет и Томаса увели, и после положенной паузы все гости ввалились в спальню, где красные от смущения молодожены лежали рядом друг с другом в постели, натянув одеяло до подбородка.

– Исполни свой долг, мальчик! – проревел лорд Вокс, изрядно набравшийся, и его сын весь сжался.

Отец Катберт торопливо благословил супружеское ложе, после чего выгнал всех из спальни.

– Оставим их в покое, – увещевал он гостей; кто-то сунул ему в руку полный кубок вина.

– Думаю, пора спать, – сказала мать.

Кэтрин неохотно ушла; ей жаль было покидать пир, хотя танцы закончились, и гости в основном бражничали. Мать не хотела, чтобы дочь слушала сальные шуточки и пошлые намеки, но не уберегла от этого свое невинное дитя. Когда Кэтрин выходила из зала, щеки у нее пылали. Наверху лестницы она увидела Магдалену: в ночной сорочке и со свечой в руке кузина походила на привидение.

– Слава Богу, еще не моя очередь! – прошептала она. – Бедняжке Элизабет приходится терпеть такое, а тут еще эти грязные шуточки. По крайней мере, мы с Томасом будем избавлены от такого, когда ляжем в постель. Но до этого пока далеко, хвала Господу!

– Да, мы еще целый год проведем вместе, – сказала Кэтрин, и к ее горлу подступил ком. Она понимала: может статься, Магдалена покинет этот дом не первой.

Через неделю после свадеб мать неожиданно появилась в саду, лицо ее было суровым и гневным.

– Зайди в дом, Кэтрин!

Девочка перестала обрывать головки безжизненных цветов и побежала за ней, удивляясь, чем вызвала недовольство родительницы?

Та закрыла за ними дверь учебной комнаты:

– Сядь, дитя. Я получила известие от лорда Скрупа, новости неважные.

Сердце Кэтрин воспарило. То, что было плохой новостью для матери, могло оказаться очень хорошей для нее.

Мод расхаживала по комнате, не в силах справиться с волнением.

– Ты недостаточно богата и знатна для его сына, вот в чем суть. Он заставил меня ждать ответа целую вечность, потом сообщил, что с удовольствием заключит помолвку, если я выплачу ему весьма значительное приданое, четверть нужно отдать прямо сейчас, и без всяких гарантий.

– Но это возмутительно! – заявила Кэтрин; облегчение мешалось в ней с негодованием и чувством уязвленной гордости.

– Это еще не все! – в гневе воскликнула мать. – Он предложил смехотворную вдовью долю наследства, а потом имел неприкрытую наглость сказать, что в случае твоей смерти до окончательного заключения брака не вернет твое приданое и не будет вступать ни в какие договоры, пока не состоится бракосочетание, что оставляет нас в весьма ненадежном и уязвимом положении.

– Если сын хоть чем-то похож на отца, я бы вовсе не хотела выходить за него замуж, – пробурчала Кэтрин.

– Лорд Дакр заставил меня поверить, что лорд Скруп с радостью примет этот брак! – кипятилась мать.

– Может, он просто пытался быть полезным, – отозвалась Кэтрин. – Как вы поступите?

– Придется смирить свою гордость и подумать, как исправить ситуацию.

Кэтрин хотела – или ожидала – услышать другой ответ. Было ясно, что лорд Скруп испытывал терпение матери и не хотел иметь Кэтрин своей невесткой. Какой смысл хлестать дохлую лошадь? Однако девочка смолчала. Она знала, что мать лелеет амбициозные мечты о будущем своих детей, и самая дорогая ее сердцу – увидеть их в достойных браках.

– Мне придется еще раз хорошенько обдумать это дело, – сказала мать, опускаясь на стул, и похлопала Кэтрин по руке. – А ты пока постарайся забыть обо всем этом. Возвращайся к Цицерону, языкам и прочим любимым занятиям. Ну, теперь беги. Но помни: никому ни слова! Я не хочу, чтобы пошли разговоры, будто мы, Парры, недостаточно хороши для таких, как Скрупы.

В июле мать получила еще одно письмо от лорда Скрупа. Она показала его Кэтрин, когда они сидели на каменной скамье в тени садовой ограды. Легкий ветерок раскачивал головки цветов на клумбах.

– Он требует ответа, – промолвила Кэтрин. – Вы разве не написали ему, миледи?

– Написала. Сказала, что мне нужно время обдумать его условия.

– Видимо, он считает, мы должны с радостью согласиться на них.

– Взгляни сюда. – Мать ткнула в письмо указательным пальцем. – Он настаивает, чтобы я выплатила первую часть приданого в августе. – Она горько рассмеялась. – Как будто я могу достать столько денег за такой короткий срок. И даже если бы могла, лорд Скруп позаботился о том, чтобы не иметь никаких обязательств. Он может выйти из соглашения по своему усмотрению и разорить меня. Кэтрин, боюсь, он не намерен довести этот брак до заключения.

Кэтрин согласно кивнула, желая, чтобы они вообще похоронили эту идею.

Мать встала:

– Когда вернусь ко двору, сделаю еще одну попытку. Я снова поговорю с лордом Дагром. Уверена, он имеет влияние на лорда Скрупа.

Кэтрин хотелось умолять мать, чтобы та не утруждала себя дальнейшими заботами о деле, которое явно было обречено на провал, но ничего не сказала. Если переговоры о помолвке продвигаются вперед, пусть мать не думает, что ее Кэтрин вовсе не хотела этого брака. Она исполнит свой долг, как подобает любящей дочери, и покажет всему миру, что счастлива принять будущее, с такой заботой обеспеченное ей.

Вскоре по приезде ко двору мать известила Кэтрин, что лорд Дакр отправился на север, но вернется в Лондон через несколько недель. В начале осени девочка получила еще одно письмо. Лорд Дакр планировал задержаться в северных графствах до начала нового года, но посоветовал лорду Скрупу проявить терпение и не торопить мать с ответом.

Кэтрин читала это, сидя за партой в пустой классной комнате. Уроки закончились, и остальные дети сразу убежали. Письмо убедило ее, что надежд на воплощение в жизнь материнских планов мало. Только глупец мог бы подумать, что при таких обстоятельствах она может обрести счастье в браке; лорд Скруп явно вынуждал мать отказаться от помолвки.

Девочка вздохнула, чувствуя себя виноватой: дело никак не шло на лад, а ее это радовало. Бродя по дому, Кэтрин торжествовала в душе: скоро она освободится от необходимости покинуть любимый Рай-Хаус, причем надолго, если все сложится по ее желанию. В августе ей исполнилось одиннадцать, мысли о юношах и о любви пока не тревожили ее. Она начинала быстро понимать, что браки совершаются по расчету и при этом стремления юных сердец мало принимаются во внимание.

Мать приехала домой на Рождество, когда в печах шипело мясо, над огнем в кухне пыхтели кастрюли с пудингами и дом был наполнен дивными ароматами. Кэтрин со всей веселой компанией только-только вернулась из леса; дети притащили полные охапки зеленых ветвей, а мужчины – йольское полено, которое будет гореть в очаге в холле все праздничные дни. Мод в дорожной накидке стояла у камина и протягивала к огню руки. Она радостно приветствовала детей, заметив, как вырос Уильям и как похорошела восьмилетняя Анна.

– А ты, Кэтрин, – сказала мать, обнимая старшую дочь, – ты мила, как всегда.

Вечером после ужина все сидели в гостиной и плели венки из остролиста и плюща. Мать обратилась к Кэтрин:

– Я получила известие от лорда Дакра. Он разделяет мои тревоги и потолковал с лордом Скрупом – напомнил ему, что я из хорошего рода Гринов, сказал даже, что его требования просто возмутительны и у меня нет никакой возможности согласиться на них. Он предложил, чтобы Генри жил здесь за мой счет и занимался с пользой для себя в нашей школе. – Она вздохнула. Кэтрин догадывалась, что последует дальше. – Однако лорд Скруп непреклонен. Он не согласится ни на какие другие условия и заявил, что у меня было достаточно времени для поисков денег на приданое. Честно говоря, Кэтрин, думаю, я не буду продолжать это дело.

Дядя Уильям согласно кивнул:

– Незачем отдавать нашу Кэтрин в такую семью. Я бы посоветовал отказаться от этой партии.

– Присоединяюсь, – подхватила тетя Мэри.

– И я, – встрял Уилл. – Как глава семьи, я не хочу, чтобы моя сестра выходила замуж за Скрупа. Не сомневаюсь, есть рыба и получше.

Мать снисходительно улыбнулась ему:

– Я уверена, что ты прав, сын мой. В новом году я напишу лорду Скрупу. А теперь мы будем весело встречать Рождество.

Мод не расстроилась, получив отрывистое письмо от лорда Дакра.

– Он обижен, что я отвергла его внука. Не стоило мне пытаться перечить тем, кто выше меня! – Тон ее был резок.

Кэтрин обиды лорда Дакра ничуть не встревожили. Главное, ей не придется покидать Рай-Хаус.

Через несколько недель пришло еще одно письмо с печатью лорда Дакра. Мать прочла его, стоя в холле, а Кэтрин с нетерпением ждала, желая узнать, что в нем. Она молила Бога, чтобы лорд Скруп не изменил своего решения и не предложил более выгодные условия помолвки.

В последнее время мать говорила о лорде Дакре и лорде Скрупе исключительно в едком тоне, но теперь смягчилась.

– Кажется, твой брак в любом случае не состоялся бы, – сказала она. – На прошлой неделе бедный Генри Скруп покинул этот мир. Весенняя лихорадка унесла мальчика, да упокоит Господь его душу.

Кэтрин сильно опечалилась, услышав о судьбе бывшего жениха, которого никогда не видела, – юноши, не дожившего до пятнадцатилетия.

Вскоре после этого она испытала глубокую и настоящую боль утраты: Магдалена уехала в Орлингбери. Кэтрин помогала ей паковать вещи и готовиться к отъезду. Это стало для нее серьезным испытанием, тем более что кухня не хотела уезжать и почти непрерывно лила слезы.

– Я не могу оставить вас, матушка, – рыдая, говорила она и цеплялась за тетю Мэри.

– Прекрати эти глупости, – корила ее та, хотя у самой глаза тоже были на мокром месте. – Нельзя ехать к мужу с таким лицом. Что он подумает, бедолага? – Она обняла Магдалену. – Для юной девушки такие чувства естественны. Я сама так же переживала, когда мне пришлось покинуть дом, чтобы выйти за твоего отца. Но с ним я обрела счастье, которого не знала за всю жизнь до того. Если Господу будет угодно, ты познаешь такую же радость. Тебе нужно надеяться на прекрасное будущее, дитя, и любить своего супруга. Это твой долг, но я надеюсь, замужество принесет тебе и удовольствие тоже. – Она отпустила Магдалену и приподняла ее голову за подбородок. – Ты Парр, дочь моя, и мы будем тобой гордиться, я в этом уверена.

Магдалена осушила слезы и почти перестала роптать. Но, когда она крепко обнимала Кэтрин на прощание, самообладание покинуло ее.

– Да хранит тебя Господь, дорогая кузина! – всхлипывая, проговорила девушка. – Молюсь, чтобы мы вскоре с тобой увиделись.

После отъезда Магдалены Рай-Хаус как будто опустел, несмотря на присутствие в нем четырех шумных и болтливых кузин, Анны и Уилла.

Глава 3

1525–1528 годы

Снова наступило лето, а Кэтрин продолжала скучать по Магдалене, хотя уже привыкла к ее отсутствию. Они часто обменивались письмами, и, судя по ним, Магдалена постепенно осваивалась с новой жизнью, что и радовало, и расстраивало Кэтрин, ведь это означало, что кухня теперь не нуждалась в ней так, как раньше. В письмах Магдалены проявлялась ее новая опытность, и все чаще встречались упоминания «дорогого Ральфа». Самые последние послания были полны восторгов по поводу ее беременности. И Кэтрин поняла, что больше скучает тот, кого покинули.

В конце июля мать приехала домой и описала восхитительную церемонию возведения шестилетнего Генри Фицроя его отцом-королем в ранг герцога Ричмонда и Сомерсета.

– Королева была очень расстроена, – повествовала мать, пока они сидели в саду и пили компот. – Бедняжка, она обычно скрывает свои чувства, а король не выставляет любовниц напоказ, но так возвысить своего незаконного сына на глазах у всего двора, даровать ему королевские герцогства, – это было унижительно для нее, особенно притом, что сама она не родила ему сына. Он как будто говорил ей: «Смотрите, мадам, у меня есть сыновья».

– Сколько детей она ему родила? – спросила Анна.

– Восемь, по-моему, и только одна девочка выжила. Это страшная трагедия.

– Вот почему король и королева души не чают в принцессе Марии, – заметила тетя Мэри.

– Да, но она девочка, а женщина не может править, – заявил дядя Уильям. – Королю нужен сын, который будет его наследником.

– А королева уже вышла из детородного возраста, – тихо произнесла мать.

Кэтрин понимала безвыходность ситуации.

– И как поступит король?

Мод отодвинула стул в тень дерева.

– При дворе говорят, он готовит Генри Фицроя в короли.

– Но незаконный сын не может быть наследником, – ввернула тетя Мэри.

– Актом парламента любой человек по выбору короля может быть назначен его преемником, – парировал дядя Уильям. – А вот сделать так, чтобы этого мальчика приняли люди, – это другое дело.

– Думаю, он хочет постепенно приучить нас к этой мысли, – проговорила мать. – По словам королевы, его величество назначил к нему большую свиту, почти второй двор. Жаль, что во главе его не стоит ее собственный сын.

На следующий день дядя Уильям был срочно вызван ко двору и ускакал на юг. На той же неделе тетя Мэри торопливо вошла в учебную комнату, где мать занималась с младшими детьми французским, а доктор Кларк – со старшими риторикой.

– Прекрасная новость! – воскликнула она. – Уильяма назначили камергером двора герцога Ричмонда! Герцог станет президентом Совета Севера и поселится в замке Шериф-Хаттон в Йоркшире. Уильям будет возглавлять его двор. Это огромная честь, и кто знает, какие выгоды это принесет! – Тетушка была вне себя от восторга.

Кэтрин понимала: она надеется, что юный Ричмонд в один прекрасный день станет королем – благодарным королем, который наградит тех, кто хорошо служил ему, и невольно сама затрепетала от радости за дядю и свою семью. Это была честь, о какой большинство людей могут только мечтать.

Мать встала и обняла тетю Мэри.

– Он давно заслужил это! – ликуя, провозгласила она.

Юные Парры вскочили с мест и запрыгали от радости.

– Но есть и еще приятные новости, – продолжила тетя Мэри, показывая матери письмо. – Уильям получил место для Уилла при дворе герцога в качестве одного из мальчиков, назначенных к нему в компаньоны.

– Хвала Господу! – воскликнула мать, раскинула руки и снова обняла тетю Мэри, причем с такой страстью, какой Кэтрин никогда в ней не замечала. – Это превосходная новость! Дорогой Уильям, мне никогда не отблагодарить его. Такая прекрасная возможность для Уилла. У него появится много шансов отличиться. Его будущее теперь обеспечено надежнее, чем я могла рассчитывать. – По щекам матери заструились слезы. – Ты слышишь это, мой мальчик?

Она отпустила Мэри и обняла Уилла, который принял ее слова с робкой улыбкой, постепенно осозная, какое блестящее будущее сулит ему эта новость. Уиллу исполнилось двенадцать, он сильно вытянулся, но оставался пока розовощеким мальчуганом, у которого на уме одни безобидные шалости.

– При дворе герцога ты получишь лучшее образование, какое только доступно за деньги! – восторгалась мать. – Твоими товарищами будут самые высокородные юноши королевства. Не стоит и говорить о том, как важно для тебя будет завести с ними дружбу, особенно с герцогом. Король безмерно любит своего сына. Стань другом Ричмонду, и мир откроется тебе.

Кэтрин не могла думать о том, что теперь и Уилл покинет Рай-Хаус. Она радовалась за брата, но не могла удержаться от легкой зависти. Мгновение – и перед ним открылось блестящее будущее. Кэтрин всегда знала, что амбиции матери в основном концентрировались вокруг сына, наследника, и это вполне естественно. Они с Анной, девочки, значили гораздо меньше в мире. Но ей было понятно: раз будущее Уилла обеспечено, им с сестрой тоже удастся как-нибудь устроиться. Чем в более высоких кругах завязываются связи, тем лучше. Однако она задумалась: как же мать согласует упования на то, что Ричмонд когда-нибудь станет королем, с верностью королеве? Конечно, ей придется лицемерить, ведь невозможно долго скрывать тот факт, что ее сын и деверь занимают видное положение при дворе юного герцога. Хотя мать не была причастна к этим назначениям, и королеве наверняка это известно.

Через несколько дней появились новые поводы для восторгов. Пришло известие, что Магдалена родила здоровую девочку Летицию. А потом они узнали, что герцог Ричмонд должен остановиться в Рай-Хаусе по пути на север. Дядя Уильям написал, что Уилл присоединится к герцогской свите с этого момента. Тут все пришли в неописуемую радость.

Никогда еще в поместье не готовились с такой тщательностью к приему гостя. До приезда герцога оставалась всего неделя, работа на кухнях кипела непрерывно, и мать с тетей Мэри сбивались с ног, стремясь продумать все до мелочей и успеть к сроку.

Герцог вез с собой большую свиту.

– Слава Богу, сейчас лето, и мы можем разместить людей на ночлег в амбаре, – со вздохом вытирая лоб, проговорила тетя Мэри. – Ну вот, теперь нужно проветрить постельное белье для герцога. И я должна послать кого-то к мяснику, чтобы поторопить его с доставкой продуктов, а то он запаздывает. Вы нашли самые лучшие салфетки, Мод?

– Нашла, – отозвалась мать. – И золотую солонку начистила сама. А куда я задевала план рассадки гостей?

Всем домашним сшили новую одежду. Кэтрин оказалась счастливой обладательницей алого дамастового платья: ткани такого прекрасного цвета она в жизни не видела. Анна получила розовое, а костюм Уилла был черный, и мальчик от этого выглядел старше своих лет.

– Ты не должен затмевать герцога, – сказала мать, – но тебе нужно показать всему свету, что Парры – подходящая компания для принца. – Так она теперь величала Ричмонда. В сознании матери он им и был.

К моменту прибытия сына короля, ехавшего в красивых конных носилках, рядом с которыми во главе свиты верхом скакал дядя Уильям, все домашние и слуги собрались у крыльца приветствовать гостя. Когда он спустился на землю, они поклонились и сделали реверансы. Поднявшись, Кэтрин увидела перед собой очень серьезного маленького мальчика с заостренными чертами лица, большим носом и белой кожей. Однако юный герцог недолго сохранял торжественный вид. Когда он здоровался с родными Кэтрин, сама она, снова присев в реверансе, удостоилась его улыбки.

Наблюдая за мальчиком, которого усадили на пиру во главе стола, девочка поняла, что это не обычный ребенок, и не потому, что в его жилах текла королевская кровь. Маленький герцог был непослушен, порывист, и наставнику все время приходилось сдерживать его, шепча ему что-то на ухо. Манеры Ричмонда оставляли желать много лучшего, говорил он чересчур громко и много. Он даже чесался, сидя за столом. У матери такое поведение никогда не сошло бы детям безнаказанно.

Но вот она, мать, снисходительно улыбается этому ребенку, без сомнения ослепленная его королевским блеском, и с любовью смотрит на Уилла, который, похоже, уже нашел общий язык со своим новым господином, как Мод и надеялась. После пира их рыжие головки мелькали рядом: Уилл показал Ричмонду свою новую лютню, а тот пытался бряцать на ней. Но быстро утратил интерес, а потому Уилл принес свой набор деревянных солдатиков, который гораздо больше понравился гостю.

День прошел удачно. Юного герцога привечали на славу, и он пребывал в отличном настроении. Наставнику с трудом удалось убедить его лечь спать.

Утром многочисленная свита вновь собралась за гейтхаусом.

– Благодарю вас за ваше гостеприимство, леди Парр, – сказал герцог и поклонился тете Мэри.

– А мы благодарим вас, милорд, за то, что почтили наш дом своим присутствием, – ответила та. – Прежде чем ваша милость уедет, у меня для вас кое-что есть. – Она кивнула груму, и тот подвел к герцогу пони в алой с золотом попоне.

– Это мне? – В мгновение ока новоявленный принц превратился в нетерпеливого мальчишку.

– Конечно, – улыбнулась тетя Мэри. – Это подарок вам.

Глаза Ричмонда загорелись от удовольствия.

– Спасибо вам! Спасибо вам большое! – Он немного помолчал. – Я назову ее Бесс.

Это, Кэтрин знала, было имя его матери. Бесси Блаунт приобрела печальную известность после того, как открылось, что она родила королю незаконного сына.

– Я поеду на ней, – заявил Ричмонд. – Уберите носилки.

– Ваша милость, нам довольно далеко ехать, – заметил дядя Уильям. – Вероятно, будет лучше все-таки воспользоваться носилками.

– Я хочу ехать на Бесс! – крикнул мальчик. – А вы не должны мне мешать!

Если бы кто-нибудь из детей дяди Уильяма заговорил с ним в таком тоне, ему бы влетело, но то был сын короля, и от его благорасположения многое зависело.

– Хорошо, милорд, – натянутым голосом проговорил старый служака. – Пусть будет так, как вам угодно.

Ричмонд оседлал лошадку.

– Поедем, сэр Уильям, – повелительно сказал герцог, и они тронулись в путь.

Кэтрин заметила, что мать смахнула со щеки слезу, когда Уилл, гордо сидевший в седле, помахал им на прощание.

В течение следующего года дядя Уильям и Уилл часто писали из Шериф-Хаттона, и письма эти свидетельствовали, что не все шло гладко при дворе герцога Ричмонда.

– Ваш дядя жалуется, что кардинал Уолси стремится контролировать их из Лондона, – покачав головой, сказала мать, дочитав очередное послание. – Уильям почти лишен какого бы то ни было влияния и не имеет возможности патронировать.

Кэтрин слышала о могущественном кардинале. Некоторые утверждали, что у него столько же власти, сколько у короля, которому он служит, а монарх слишком сильно полагается на него и фактически позволяет ему править Англией.

– Что значит патронировать? – подала голос Анна.

– Это когда человек, занимающий высокое положение, добивается милостей для других людей за ответное вознаграждение, – объяснила мать, присаживаясь рядом с дочерью на скамью в учебной комнате. – Дядя рассчитывал, что окажется именно в таком положении, и не зря, так как он нравится юному Ричмонду, но при его дворе всем заправляет кардинал, а не те, кто там служит. Однако Уильяма раздражает не только это. Он не одобряет, что учителя заставляют герцога проводить за уроками слишком много времени. – Мать прервалась и заправила выбившуюся прядь волос под чепец дочери. – Вы знаете своего дядю. Он считает, что мальчикам следует отдавать предпочтение спорту перед книгами и вообще детям нужно позволять бегать на воздухе как можно больше. А учителя держат герцога за партой. – Она вздохнула. – Мне кажется, с ним довольно трудно справляться. Один учитель уже ушел в отставку, а новый не может контролировать своего ученика. Вероятно, мальчику нужно давать больше свободы, чтобы он мог выпустить пар.

Кэтрин подумала, что Ричмонду пошло бы на пользу, если бы его отправили в Рай-Хаус, где он мог бы обучаться под чутким руководством матери и многоопытного дяди Уильяма.

А вот Уилл в замке Шериф-Хаттон процветал. Он ворчал, что приходится учить латынь и греческий, особенно когда уроки прерывались из-за шалостей герцога, но за ним не так строго следили, как за его юным господином; он чаще мог бывать на воздухе и ездить на соколиную охоту в компании своих высокородных приятелей. Ему исполнилось тринадцать, и письма он писал как настоящий юный джентльмен.

– Скоро он войдет в возраст, – сказала однажды вечером мать, когда они носили корзины с яблоками из сада, – и тогда мое дело будет сделано. А до того я должна найти ему жену.

В этом она превзошла саму себя. Узнав, что Генри Буршье, граф Эссекс имеет всего одну дочь Энн, которая в один прекрасный день унаследует его титул и земли, мать смело обратилась к нему и описала преимущества брака между Энн и Уиллом, подчеркнув, что ее сын в большом фаворе у герцога Ричмонда. Больше не было произнесено ни слова, как рассказывала мать позже, но две пары глаз встретились, и в них промелькнуло понимание: граф уловил ее намек. Все были уверены, что однажды Ричмонд станет королем.

Помогло и то, что мать дружила с семьей графини Эссекс. Помогло – так как Эссексы были в долгах как в шелках – и ее обещание выделить Энн Буршье впечатляющую вдовью долю в наследстве.

– Не смею и подумать, сколько мне пришлось занять, – сокрушалась Мод.

Даже король по просьбе королевы одалживал ей деньги. Но, несмотря ни на что, она была очень довольна, так как приобрела в жены своему сыну знатную наследницу, а значит, когда придет время, – и титул. Уилл станет милордом графом Эссексом и, отлучаясь от двора, будет жить в роскошном Стенстед-Холле. У матери имелись все основания для радости.

Юная пара сочеталась браком в феврале 1527-го, в капелле Стенстед-Холла, прекрасного краснокирпичного дворца рядом с небольшим рыночным городком Бишопс-Стродфорд. По такому случаю все Парры отправились туда из Рай-Хауса; дядя Уильям привез Уилла, получив отпуск у герцога Ричмонда. Кэтрин сшили еще одно новое платье, на этот раз из рыже-вато-коричневого шелка, а мать облачилась в роскошный алый бархат.

Маленькую невесту, робкую девочку девяти лет, раздели в атлас и меха, но, когда священник благословлял молодоженов, выглядела она так, будто вот-вот расплачется. Уилл, высо-

кий и полный достоинства, исполнил свою роль безупречно, правда Кэтрин видела, что сердце ее брата спокойно. Его не интересовал ни этот брак, ни маленькая девочка. А вот мать так и распирало от гордости.

Конечно, Энн еще слишком мала, и укладывать ее в постель с мужем рано, поэтому сваты заранее договорились, что она останется с матерью, пока не повзрослеет достаточно, чтобы стать настоящей женой. Уилл распрощался с ней без малейших сожалений, по крайней мере, никто за ним таковых не приметил. Если он и выказал неохоту к чему-нибудь, так это к возвращению в Шериф-Хаттон.

– Я хочу выйти в мир, – сказал он по пути назад в Ходдесдон; ехать было восемнадцать миль.

– Ты видишь мир, причем с наилучшей перспективы, – едко отозвалась мать.

– Но я хочу стать военным, как дядя Уильям, – возразил Уилл. – И мои учителя говорят, что мне нужно идти в университет.

– Если ты намерен податься в солдаты, то у тебя останется гораздо меньше времени на сочинение стихов и музыки, – заметил дядя Уильям.

– Но мне это нравится. Неужели нельзя как-то совмещать эти занятия?

– Мальчик мой, – сказал дядя Уильям, – ты можешь пойти в университет, а потом, когда станешь старше, послужить в армии.

– Он отправится обратно в Шериф-Хаттон! – заявила мать тоном, не терпящим дальнейших возражений.

На следующий год Анне исполнилось тринадцать, и она покинула Рай-Хаус, потому что мать обеспечила ей место фрейлины у королевы. Вообще-то, место предназначалось для Кэтрин, но та пала жертвой кори, когда все уже было согласовано, и, если бы одна из дочерей Мод Парр не приехала ко двору, вместо нее тут же взяли бы кого-нибудь другого, поэтому мать повезла с собой Анну.

Кэтрин всегда любила младшую сестру, а после отъезда Магдалены они еще больше сблизились. Анна была очень хорошенькая, с широко расставленными серьезными глазами, высокими скулами, пухлыми губами и золотисто-рыжими волосами; и к тому же неглупа. Она разделяла с Кэтрин любовь к учебе и питала особую склонность к старику Цицерону, а в недавнее время начала переписываться с известными учеными, которые, к немалому удовольствию девочки, отвечали на ее робкие письма. Как же Кэтрин будет скучать по ней!

Прикованная к постели и отлученная от всех, чтобы не распространять заразу, она грустила, что не может обнять сестру на прощание. Они были вынуждены удовлетвориться воздушными поцелуями, которые послали друг другу с разных концов комнаты. Когда Анна ушла, Кэтрин уткнулась лицом в подушку и заплакала.

И тем не менее она не завидовала сестре, занявшей место фрейлины при дворе. В те дни Кэтрин колебалась, хочет ли вообще попасть туда? Там ее ждали яркие впечатления и, вероятно, преференции, а может быть, для нее нашелся бы и состоятельный супруг, однако письма Анны открыли ей другую картину. Мало радости было в то время при дворе королевы, так как король пылко ухаживал за другой фрейлиной, мистресс Анной Болейн, которую мать, разумеется, осуждала. Кэтрин не хотелось встречать в эту распрю. К тому же ей по-прежнему нравилось жить в Рай-Хаусе. Брак подождет. Замуж она не торопилась.

Часть вторая
«Грубая и гадкая»

Глава 4 1529 год

Мать была сильно озабочена. Прошло больше года с того момента, как король решил аннулировать свой брак с доброй королевой. К этому его подталкивала не только печально известная страсть к мистресс Анне Болейн, но и необходимость иметь сына и наследника, вот он и убедил себя, что его брачный союз несостоятелен.

Все королевство сотрясилось от этого скандала. Анну Болейн ненавидели и сурово порицали; симпатии людей были на стороне королевы Екатерины. Мать глубоко переживала за свою милую госпожу и, как могла, эмоционально поддерживала ее, когда находилась при дворе, но обстановка там так раскалилась, говорила она, что лучше оставаться дома.

– Я желаю только одного, чтобы папа высказался в ее пользу, – поделилась мать с Кэтрин во время прогулки по саду в первый теплый весенний день.

– Удивляюсь, почему он этого не делает, – отозвалась та, глядя на пробивавшиеся из-под земли зеленые побеги.

– Потому что боится императора, племянника королевы, который к тому же очень могуществен, и в то же время страшится обидеть короля. Однако его святейшеству не стоит колебаться из-за соображений политического свойства. Он должен рассудить это дело по существу. Я считаю, правда за королевой. Брак законен. Все ученые мужи и духовные лица из ее окружения подтверждают это.

– Но король думает иначе.

Мать покачала головой:

– Ее милость говорит, даже если ангел спустится с Небес, и тот не сумеет поколебать мнение короля. Он с ума сходит по Анне, а та ведет себя при дворе будто королева. Это неправильно. Как подумаю о нашей доброй госпоже, которая сидит взаперти в своих покоях и плачет, мне хочется надавать ему пощечин!

Кэтрин улыбнулась, представив, как мать хлещет по щекам короля. Но, вообще-то, история была невеселая.

Несомненно, дело на том не закончится. В Рай-Хаус регулярно доставляли письма с незнакомыми печатями, и мать чаще обычного писала дяде Уильяму, который по-прежнему находился при герцоге Ричмонде в замке Шериф-Хаттон.

В конце марта мать позвала Кэтрин в свою спальню и попросила сесть на скамью в изножье ее постели. Сама поместилась в кресле с высокой спинкой у огня и взглянула на дочь:

– Кэтрин, тебе шестнадцать, и ты вполне созрела для брака. Тебе будет приятно узнать, что я нашла для тебя мужа. Это прекрасная партия, которая со временем может сделать тебя баронессой. Ты выйдешь за Эдварда, наследника сэра Томаса Бурга из Гейнсборо.

Кэтрин слыхом не слыхивала ни о Гейнсборо, ни о Бургах. Их не упоминали в числе родственников, с которыми были связаны Парры. Но она знала, в чем состоит долг дочери, хотя мысли ее омрачились и ум переполнялся вопросами.

– Это очень хорошая новость, миледи, – выдавила из себя Кэтрин. – Я благодарна вам за заботу обо мне. Каков он, этот Эдвард Бург?

– По общему мнению, многообещающий молодой человек, – лучась улыбкой, ответила мать. – Он на четыре года старше тебя. Его отец рассчитывает получить баронство в Боро. Старый лорд, умерший в прошлом году, пользовался этим титулом, хотя не имел на него права, так как баронство, полученное его предшественниками, давным-давно упразднено. Но, думаю, он был немного не в себе.

Кэтрин едва слушала ее.

– Где это Гейнсборо? – поинтересовалась она.

– В Линкольншире.

– Это далеко отсюда? – Ей нужно убедиться, что оттуда можно будет ездить в гости.

Мать замялась.

– Больше ста тридцати миль на северо-восток или что-то вроде этого, по словам моего вестника.

Это, по меньшей мере, четыре дня пути. Сердце Кэтрин упало. Ей стало тошно от мысли, что она покинет мать, Рай-Хаус и отправится в такую даль.

– Надеюсь, сэр Томас желает этого брака? – Кэтрин не забыла мерзкого лорда Скрупа.

– Конечно, – заверила ее мать. – Он принимал деятельное участие в организации твоей помолвки, и я в долгу перед ним за это. – Она протянула руку и взяла со стола пяльцы. – Тебе ни к чему беспокоиться, дитя. Бурги – старая и уважаемая семья, они много лет честно служили Короне. Сэр Томас тебе понравится, я уверена. Его первой женой была Тирвитт, то есть отдаленная родня нам, но она умерла семь лет назад, упокой Господь ее душу. – Мать перекрестилась. – Она выносила дюжину детей, и я думаю, от тебя будут ожидать, что ты станешь им доброй сестрой.

Это вызвало у Кэтрин сомнения. Двенадцать детей! Да в этом доме, наверное, покоя нет.

Мать, видимо, заметила смятение на лице дочери.

– Не волнуйся, на тебя не ляжет ответственность за них, потому что сэр Томас женился вторично, и, как я слышала, леди Элис – прекрасная мачеха. А сам он часто бывает дома. Он сказал мне, что служил одним из телохранителей короля и был произведен в рыцари на поле при Флоддене в тысяча пятьсот тринадцатом, когда англичане разбили шотландцев, но у него нет желания жить при дворе, он предпочитает быть господином в своих владениях. Ему пришлось много потрудиться, чтобы восстановить семейное благосостояние, после того как его отец привел дела в упадок. – Мать помолчала. – Надеюсь, Кэтрин, ты рада перспективе этого брака. Я бы не стала принуждать тебя к нему.

Не от мысли о замужестве в горле Кэтрин встал ком, а от сознания неизбежности разлуки с матерью, которая теперь пугала ее больше, чем расставание с Рай-Хаусом. Но Мод хотела этого, считала, что супружество для дочери важнее жизни дома. А она всегда желала своим детям только самого лучшего.

– Я счастлива, – наконец проговорила Кэтрин. – Благодарю вас, миледи. Вы оказали мне честь.

Ей предстояло отправиться в Гейнсборо, как только она будет готова, а потому Кэтрин с головой погрузилась в суматоху сборов. Нужно было сшить платья, капоры, залатать обувь. Так как Кэтрин стала слишком высокой для своего пони, мать купила ей верховую лошадь и красные попоны для нее. Однако носилки тоже планировалось взять с собой, ведь не могла же она провести всю поездку в седле, да и мать хотела путешествовать с комфортом.

Они тронулись в путь в апреле. Деревья по пути на север встречали их весенним цветом. Первую ночь путницы провели на постоялом дворе в Мелборне, в Кембриджшире. Именно там за обедом ценой в шиллинг, который был подан им в пустой хозяйской гостиной, мать, положив на стол нож, откашлялась и сказала:

– Дочь моя, я не исполню своего материнского долга, если не подготовлю тебя к брачному ложу.

Кэтрин покраснела.

– Думаю, я знаю, чего мне ждать, – пролепетала она, содрогаясь от мысли, что ее благочестивая матушка сейчас заведет речь о таких вещах. – Я видела, как жеребятся кобылы, и знаю, что к ним подводили жеребца. Думаю, примерно так же происходит и у людей.

Она не упомянула о том, что Уилл потчевал всех девочек рассказами о шалостях, которые позволяли себе в доме слуги. От него Кэтрин многое узнала.

– Да, но люди выше животных, – бодро отозвалась мать. – У нас есть душа и совесть. Брак – это таинство, и к нему нужно относиться почтительно. Долг жены – во всем подчиняться мужу.

– О, я буду, буду, – пробормотала Кэтрин, желая как можно скорее перейти к разговору о чем-нибудь менее постыдном.

– Сперва может быть немного больно, – не унималась мать, – но это не продлится долго. А потом, я надеюсь, вы обретете наслаждение друг в друге, как заповедал Христос.

Щеки Кэтрин пылали. Она не смела задаться вопросом, обретали ли ее родители такое наслаждение. Невозможно было представить, как ее набожная мать, по выражению Уилла, занимается постельным спортом.

– Хороший пирог, – быстро проговорила Кэтрин. – В нем очень много мяса.

– Да, мне порекомендовали этот постоялый двор, – отозвалась мать. – Твой дядя предлагал несколько мест для ночлега и не ошибся относительно этого. Тут к тому же чисто.

Остальные гостиницы не уступали первой, так что поездку мать и дочь провели в комфорте. Они остановились в Питерборо и посетили святилище в большом аббатстве, где хранилась рука святого Освальда. Он был покровителем воинов, поэтому Кэтрин встала на колени и попросила его даровать ей смелость для встречи с уготованной Всевышним судьбой. Каким образом могли помочь в этом мощи давным-давно умершего короля, оставалось для нее загадкой, опровергающей логику, однако Кэтрин мысленно упрекнула себя за то, что осмелилась усомниться в святости угодников Божьих.

Через три дня на подъезде к Линкольну путешественницы залюбовались прекрасным собором, который стоял на холме и величественно возвышался над городом. Они поднялись к нему по круто идущей вверх улочке и сделали приношения в святилище святого Хью. Потом прошли по лавкам в Бейлгейте, где были разложены разные привлекательные товары, и поужинали на постоялом дворе «Белое сердце», там и остались ночевать.

Завтра они прибудут в Гейнсборо, до которого отсюда меньше восемнадцати миль. Каким-то окажется этот Эдвард Бург? Легко ли ей будет полюбить его? И полюбит ли он ее? Кэтрин ощущала нарастающий внутри трепет, пару раз ей даже пришлось бороться со слезами при мысли об ожидающей впереди неизвестности и жизни в этих незнакомых и глухих краях. Скоро она простится с матерью и останется одна; вот почему Кэтрин наслаждалась каждым моментом, который они проводили вместе.

На следующий день мать и дочь надели лучшие платья. Кэтрин выбрала зеленое – оно подчеркивало ее стройную фигуру и выгодно оттеняло цвет волос; ей хотелось выглядеть как можно лучше перед супругом. Сегодня она поедет верхом. У Кэтрин была прекрасная посадка наездницы: девушка расправляла плечи и держалась в седле очень элегантно.

Всадницы проехали мимо обширных полей, болот и пологих холмов, которые местные жители называли Уолдс. Встречавшиеся им на пути люди были в основном робкие бедняки; они говорили на каком-то непонятном наречии и, казалось, не доверяли чужакам. Как сильно отличалась эта местность от более густонаселенных южных областей Англии, где все выглядели дружелюбнее и жили побогаче!

Гейнсборо окружал лес. К внушительному главному дому, выстроенному из красного кирпича и дерева, примыкали сад и парк. Нарядный вид особняка и ухоженный сад свидетельствовали о хозяйском достатке и любви к этому месту. Как только мать и дочь проехали надорвом и оказались под аркой гейтхауса, грум соскочил с коня и бросился вперед, крича во весь голос, что гости прибыли.

Путницы спешили у массивной входной двери и были препровождены в просторный холл, где их с поклоном встретил высокий, крепко сложенный мужчина с пронзительными серыми глазами и ястребиным носом. Тут же находилось еще множество других людей – домашних и слуг, предположила Кэтрин, – но глаза всех были прикованы именно к этому человеку.

– Миледи Парр, добро пожаловать! – произнес он чистым и уверенным голосом.

– Сэр Томас, как я рада видеть вас и быть здесь, в Гейнсборо, – ответила мать.

– Позвольте представить вам мою супругу, – продолжил хозяин, и вперед вышла светло-волосая женщина.

– Миледи Бург, – сказала мать, делая реверанс.

– Миледи Парр, – шепотом ответила хозяйка дома.

– А это Кэтрин, – признал будущую невестку сэр Томас, поворачиваясь и окидывая взглядом с ног до головы присевшую в реверансе девушку, потом поднял ее и поцеловал. – Мой сын – очень везучий молодой человек! Эдвард!

К ним подошел юноша, и Кэтрин оказалась лицом к лицу со своим будущим супругом: ей улыбался милостивый паренек с открытым лицом, угловатыми скулами и острым носом. Она ответила ему улыбкой. Похоже, с ним будет легко сдружиться, и он не станет подавлять ее властью. Без сомнения, этот юноша вырос в послушании своему представительному отцу.

– Я очень рад видеть вас, мистресс Кэтрин, – с теплотой произнес он, хотя его голос прозвучал по-мальчишески звонко.

– А я вас, сэр, – ответила Кэтрин, еще раз делая реверанс.

Потом представили братьев и сестер Эдварда, всех одиннадцать – начиная с тех, что были возрастом почти как Кэтрин, и до самых младших. Все дети были прекрасно одеты, хорошо себя вели и имели безупречные манеры. Кэтрин удивилась, неужели они всегда такие чинные?

– А это ваш новый дом, Кэтрин, – сказал сэр Томас, обводя широким жестом руки холл с высоким потолком на толстых балках, помостом и красивым эркерным окном. – Позвольте показать вам его. – Через дверь в эркере он провел их в башню и дальше по лестнице в большой покой с кроватью под балдахином и прекрасным видом из окон на простирившийся вширь и вдаль окрестный пейзаж.

– Мы держим эту комнату на случай, если к нам заедет королевская особа, – гордо заявил хозяин. – Король Генрих приезжал сюда в начале своего правления, – сэр Томас понизил голос, – а еще раньше – король Ричард, но мы о нем теперь не упоминаем¹.

Маленькая процессия спустилась по лестнице – Эдвард все время держался рядом с Кэтрин – и вслед за хозяином прошла через большой зал и галерею, увешанную семейными портретами. Позже мать заметила, что сэр Томас, должно быть, человек небедный, раз может позволить себе галерею, так как очень немногие люди располагали средствами, чтобы делать такие пристройки к большим домам. Потом они направились в трехэтажное западное крыло особняка, где находились жилые комнаты с каминами, прекрасными гобеленами и отдельной уборной в каждой. Войдя в одну из спален на первом этаже, Кэтрин ахнула, увидев кровать под пологом, убранную бархатом «в шашечку» и золотой парчой.

– Мы сделали эту кровать для короля, о котором лучше не упоминать, – пояснил гостям сэр Томас и обратился к Кэтрин: – Теперь она ваша с Томасом. Это ваши покои.

– Я выбрал ее специально для нас, – сказал Эдвард и взял Кэтрин за руку.

Она сразу почувствовала, что ей будет легко полюбить этого доброго и дружелюбного юношу. Оглядев комнату, Кэтрин заметила широкое окно с ажурной решеткой, свежую тростниковую подстилку на полу, стол, накрытый турецким ковром, и кирпичный очаг. Не ускользнули от ее глаз и милые мелочи, добавленные заботливыми хозяевами: цветы в медном

¹ Сэр Томас намекает на короля Ричарда III (1452–1485), который был последним правителем из династии Йорков.

горшке на подоконнике, серебряное зеркало на столе и небольшой шкаф, который, как она вскоре обнаружила, был заполнен стопками свежего постельного белья, переложенного душистыми травами.

Позже, оказав помощь горничным с раскладыванием вещей, Кэтрин прошла в комнату матери.

– Это прекрасный дом, и мне нравится Эдвард. Он был очень приветлив, и, кажется, я ему тоже нравлюсь.

– И я так думаю. – Мать улыбнулась. – Это хорошая семья, а сэром Томасом я просто восхищаюсь. Ты будешь в надежных руках.

Кэтрин согласилась. И все же что-то не давало ей покоя. Например, леди Бург... Она ведь ни разу не открыла рта, пока сэр Томас показывал им дом. Может, эта женщина была робка или просто не успевала вставить в разговор свое слово? Кэтрин улыбнулась, и тут раздался стук в дверь. Пора было спускаться к ужину.

Свадьба состоялась через несколько дней в старинной приходской церкви Всех Святых. Кэтрин была в атласном, цвета слоновой кости платье с шлейфом и венке из цветов; распущенные волосы струились по ее спине. Братья Эдварда Томас, Уильям и семилетний Генри провожали ее на паперть церкви, где проводилась церемония; юные девочки Бург исполняли роли подружек невесты. Кэтрин больше всех понравилась Элеанор и Агнес; она попыталась подружиться с ними, но ничего не вышло. Шесть сестер были очень близки и не допускали в свой круг посторонних; это они дали ей почувствовать сразу. Ни одна из девочек не выражала восторга, когда они одевались в лучшие платья, и на свадьбе сестры мило улыбались, но почти ничего не говорили.

Выйдя из церкви под руку со своим юным супругом, Кэтрин почувствовала, что, став женой, обрела какой-то новый статус, и это наполнило ее сердце ликованием. Она вошла в семью, которая тепло приняла ее, и будет жить в прекрасном доме. Господь проявил милость к ней. Единственным облачком на горизонте маячила грядущая разлука с матерью, но они, конечно, будут навещать друг друга. Поездка сюда оказалась длинной, но не ужасающей.

В холле Гейнсборо устроили роскошный свадебный пир. Как приятно было Кэтрин занять место во главе стоявшего на помосте стола! Сэр Томас сидел по правую руку от нее, а мать – слева от Эдварда, рядом с леди Бург. Все дети Бургов разместились за длинным столом, приставленным под прямым углом к помосту, а родственники, местные джентри и священники – за другими столами. В зал под звуки фанфар приносили блюдо за блюдом, и едоки в нетерпении поднимали взоры, желая поскорее увидеть, какие новые угощения будут услаждать их вкус.

Кэтрин почти не переживала по поводу брачной ночи. С Эдвардом, она была уверена, ей не грозит ничего ужасного. За последние несколько дней они успели немного познакомиться друг с другом, и Кэтрин обнаружила, что у него чувствительная душа, он благоговеет перед отцом и опасается, что не сможет оправдать ожиданий родителя. Она понимала почему. Сэр Томас казался человеком сердечным и был очень добр к ней и матери, но держал под неусыпным контролем все и вся. Никто в Гейнсборо не мог усомниться в том, кто здесь хозяин. Таких вышколенных детей Кэтрин еще никогда не видела; сэр Томас не потерпел бы ни малейших шалостей и непослушания. Одного его слова или взгляда было достаточно, чтобы дети выполнили желание отца. В учебной комнате, когда юные Бурги, склонив головы, корпели над книгами, тишина стояла поистине монастырская. Мать была под большим впечатлением и решила, что это результат отцовской заботы и достойной всяческих похвал дисциплины, не сознавая при этом, что сама она в совсем иной – уважительной и проникнутой любовью – манере управляла детьми с неменьшим успехом.

Кэтрин уже поняла, что сэра Томаса лучше не гневить. У нее было преимущество, потому что он явно симпатизировал ей и подчеркивал свое расположение, как, например, сейчас, когда провозглашал тост в честь юной невестки:

– За прекрасную супругу моего сына!

Вечерело. В зале уже горели свечи, и Кэтрин сквозь эркерное окно видела, что на улице наступают сумерки. Думать о близящейся церемонии укладывания в постель было неприятно, но это ненадолго, а потом они с Эдвардом останутся одни, и начнется их супружеская жизнь. Она сделала еще глоток вина, наблюдая за выступлением акробатов на свободном пространстве между столами. Эдвард незаметно пожал под скатертью ее лежавшую на коленях руку. Девушка улыбнулась ему.

Наконец сэр Томас похлопал Кэтрин по плечу и сказал:

– Пора, дочка.

Она встала, подозвала Элинор, маленькую горничную, которую дали ей в услужение, и кивнула матери, чтобы та следом за ней покинула зал. С ними вышла и леди Бург, весь вечер нервно наблюдавшая за детьми и слугами.

В комнате с кроватью «в шашечку» Кэтрин терпеливо стояла, пока женщины снимали с нее платье и надевали через голову тонкую батистовую ночную рубашку, которую она сама расшила черной нитью по моде, введенной в обиход королевой. Мать научила ее, как это делать. Потом Элинор расчесала ей волосы, а леди Бург, которая вроде бы немного успокоилась, принесла серебряную миску с розовой водой, чтобы умыть невесте лицо и руки, а также тряпицу – почистить зубы. Мать откинула покрывало и простыню, Кэтрин забралась в постель и села прямо, опершись спиной на подушку.

Элинор отправили вниз сообщить сэру Томасу, что все готово. Пока они ждали, мать разгладила простыню и рассыпала на постели душистые лепестки, а Кэтрин пыталась унять заколотившееся сердце. Мать ободряюще улыбнулась ей.

Наконец появился Эдвард, он заметно нервничал; его сопровождали отец, священник и гости.

– Ну, забирайся в постель, мальчик! – скомандовал сэр Томас, слегка подтолкнув сына.

Эдвард послушно скользнул под одеяло и лег рядом с Кэтрин. Все столпились вокруг, священник вышел вперед и поднял руку:

– Милостивый Господь и Отец Небесный, щедрым даром которого прибавляется человечество, мы молим Тебя: благослови это ложе и этих двоих, чтобы они были плодовиты в обретении потомства и жили вместе долго в любви и согласии, без обмана; чтоб увидели детей своих детей до третьего и четвертого поколения ради славы и чести Твоей через Иисуса Христа, нашего Господа. Аминь.

Сэр Томас и леди Бург поднесли Эдварду и Кэтрин по кубку вина со специями, из которых молодые с благодарностью отпили, а потом Элинор и другие горничные бросили в толпу гостей чулки невесты, чтобы узнать, кто следующий произнесет обеты на церковной паперти. Двое, вовсе не случайно задетые чулками, улыбнулись друг другу; все знали, что эти юноша и девушка надеялись пожениться.

– Исполни свой долг, мальчик! – наставительно произнес сэр Томас.

И вся компания удалилась, сопровождая свой уход свистом, похабными шутками и взрывами хохота; голоса гостей удалились в направлении главного зала, где продолжится пир.

Эдвард вскочил с постели и задвинул засов на двери.

– Они вернутся ближе к утру, принесут еще вина, чтобы подкрепить нас, и спросят, все ли в порядке. А пока я не хочу, чтобы кто-нибудь сыграл с нами злую шутку.

Он задул все свечи, кроме одной, и вернулся на брачное ложе. Кэтрин лежала, размышляя, что первый шаг должен сделать муж. После некоторой паузы Эдвард взял ее за руку:

– Вы, верно, устали, Кэтрин?

– Немного. А вы?

– Немного, – эхом отозвался он; последовала новая пауза. – Мы не обязаны делать это сегодня, если вы хотите подождать.

– Я с удовольствием сделаю все, как вы решите, – сказала Кэтрин, понимая, что он нервничает больше ее.

Эдвард обнял жену и притянул к себе, потом поцеловал в губы. Это был робкий поцелуй, не страстный. Она ощущала под руками его ребра. Немного же было плоти на ее суженом.

Кэтрин ждала, что он еще раз ее поцелует, но Эдвард не потянулся к ней, а вместо этого завозился с чем-то под одеялом, движения его стали ритмичными. Вдруг он взгромоздился на нее и коленом раздвинул ей бедра.

– Я попробую сделать это мягко, – выдохнул супруг.

Она почувствовала, как что-то твердое тычется у нее между ног, и собралась с духом, ожидая, что он войдет в нее, однако после нескольких отчаянных попыток Эдвард обмяк и скатился на постель.

– Простите, – пробормотал он, – наверное, я выпил слишком много вина. Это делает мужчину бесполезным.

– Ничего, – сказал Кэтрин, чувствуя, как он унижен. – Мы оба утомлены. У нас вся жизнь впереди.

– Благослови вас Бог. Вы лучшая жена, какую только может иметь мужчина.

Когда в два часа гости вернулись, стали колотить в дверь и требовать, чтоб их пустили с чашей любви, молодые притворились, будто спят.

Утром Эдвард снова попытался сделать Кэтрин своей женой по-настоящему, но безуспешно. Произошло то же, что и накануне: в решающий момент он сплосховал.

– Могу я чем-то помочь? – спросила Кэтрин; она понятия не имела, каким образом можно доставить удовольствие мужчине или заставить его тело функционировать, как положено.

– Просто не говорите никому, – попросил ее Эдвард. – У меня похмелье. Вот в чем проблема. Вечером будет лучше, обещаю.

Кэтрин потянулась и встала постели. В голове у нее мелькнула мысль: «Сэр Томас будет недоволен, если узнает, что брак не был окончательно заключен», – и она поняла, что отношение сэра Томаса к их с мужем личной жизни уже беспокоит ее.

Эдвард встал и надел ночную рубашку. Оба они преклонили колени для молитвы. Потом Кэтрин вызвала Элинор, та помогла ей одеться и причесаться. С того момента, как женщина впервые поднимется с брачного ложа, она должна закрывать голову капором и носить его каждый день. Никогда больше не покажется Кэтрин на людях с распущенными волосами. Их красотой позволено любоваться только мужу.

Этот первый капор подарила ей мать. Он был в английском стиле, такие называли гейблами, так как они имели форму фронтона. Гейбл Кэтрин был из черного бархата, с длинными лентами-завязками и черной вуалью.

Хорошо, что первый день супружеской жизни новобрачная по обычаю проводила в уединении, а значит, – мысленно радовалась Кэтрин, – она не увидит, как отец будет расспрашивать Эдварда о брачной ночи.

– Я заставил его поверить, что все прошло хорошо, – сказал ей супруг, когда пришел обедать в их комнату. Вид у него был пришибленный, и Кэтрин захотелось с жаром уверить его, что ему нечего стыдиться и сегодня у них все получится, но Эдвард сменил тему. – Все шлют вам свои наилучшие пожелания. Некоторые гости уезжают сегодня, другие завтра.

Кэтрин вздрогнула, поняв, что среди последних будет и ее мать, которая отправится в путь рано утром.

После обеда, когда Эдвард уехал охотиться с несколькими гостями, в дверь постучали. Это была мать.

– Я пришла убедиться, что с тобой все хорошо. Эдвард как будто немного расстроен.

– Входите, – поманила ее рукой Кэтрин, и они сели у очага.

– Дочь? – вопросительно произнесла мать. – Все в порядке?

Кэтрин чуть задержалась с ответом: ей не хотелось нарушать свое обещание, нужно хранить их неудачу в тайне, – но наконец бодро ответила:

– Все хорошо.

– Дитя, ты забываешь, тебе меня не обмануть. Что-то неладно. Ты можете мне сказать?

– Нет, не могу, – ответила Кэтрин.

– Тут нечего смущаться. – Мать улыбнулась, неправильно поняв ответ дочери. – Я тоже была замужем. Эдвард сделал тебе больно или чем-то обидел?

– О нет! – воскликнула Кэтрин.

– Я так и думала. Скажи мне кто о нем такое, я бы не поверила. Но он исполнил свой долг по отношению к тебе?

Кэтрин не могла лгать матери. Однако и предавать мужа не желала, а потому сидела и молчала.

Мать взяла ее за руку:

– Я понимаю. Ты не хочешь позорить его. Но, моя дорогая, в этих делах часто все складывается не так, как ожидаешь. Думаю, иногда мужчине и женщине нужно время, чтобы стать единой плотью. Потерпи. Все будет хорошо, вот увидишь.

Кэтрин утешилась этим. И хотя она страшилась расставания с матерью, тем не менее, когда пришло время, собралась с духом, как подобает настоящей леди, и крепко обняла ее, не переставая улыбаться.

– Я люблю вас, моя дорогая матушка, – шепнула Кэтрин ей на ухо. – Господь да пребудет с вами!

Потом встала на колени, чтобы получить материнское благословение. Дав его, Мод забралась в носилки, которые проехали через гейтхаус и скрылись из виду.

Эдвард догадывался, что у его юной супруги на душе невесело. Кэтрин надеялась, он не подумает, будто это из-за его неудачи в постели, но пока решила не переживать из-за этого. Чтобы развлечь жену, Эдвард повел ее на чердак, где хранили старую мебель и другие ненужные вещи. Среди всего этого хлама Кэтрин с удивлением заметила кресло, поставленное на заваленный пыльными бумагами стол.

– Мой дед часто приходил сюда, – принялся объяснять Эдвард. – Ему было велено оставаться в своей комнате, но он ходил куда хотел и когда вздумает, не обращая внимания на запреты отца.

Кэтрин принялась разглядывать бумаги. Они были изрисованы щитами и исписаны каким-то каракулями. При внимательном рассмотрении оказалось, что перед ней прекрасные образцы геральдических знаков, выдававшие в изобразившем их человеке глубокое знание предмета.

– Неужели тот, кто нарисовал это, мог быть сумасшедшим? – озадаченно спросила Кэтрин.

– О, он был очень странный, – отозвался Эдвард. – Из всего, чем дед занимался, только это имело какой-то смысл, но он был как одержимый, вот почему отец пытался остановить его. И тем не менее дед почти каждую ночь поднимался сюда. Он жег свечи, и мы все боялись, как бы он не устроил пожар.

– А разве нельзя было поставить стол в его комнате?

– Нет, после того как он забаррикадировал дверь и три дня отказывался выходить из комнаты. – Эдвард помолчал и болезненно поморщился. – Он был лохматый и грязный, когда

наконец согласился впустить нас. Отец и мать оба решили – больше никогда. Поверьте мне, Кэтрин, дед был странный. Люди его не интересовали. Он жил в своем собственном мире. Ему дела не было ни до кого, он не понимал, как огорчает родных своими чудачествами.

Эдвард снова умолк и принялся бесцельно рыться в старом сундуке, где лежали другие бумаги его деда.

– Трудно поверить, что в молодые годы он был при дворе и бился на турнирах за короля. Но потом стал совершать странные поступки, и его отдали под надзор лорда-камергера. Некоторое время дед провел в тюрьме Флит и даже был вынужден брать деньги в долг у короля, чтобы выкупить себя оттуда. Это подорвало семейные финансы, и отцу пришлось много лет выкарабкиваться, чтобы вытащить нас из ямы, куда мы все попали из-за безрассудств деда. В конце концов его объявили сумасшедшим и стали строго ограничивать. Честно говоря, мы все вздохнули с облегчением, когда он умер.

Они стали спускаться с чердака.

– Некоторые слуги отказываются ходить сюда по вечерам, – продолжил Эдвард, – говорят, будто слышат, как дед возится здесь. Думаю, это крысы или летучие мыши.

Кэтрин передернуло. Уж лучше призрак старого сумасброда, чем летучие мыши. Она выдохнула, когда они оказались на первом этаже. Там ее нашла леди Бург и позвала на кухню следить за приготовлением обеда.

Через час, исполнив эту обязанность, Кэтрин вышла из дому: ей хотелось побыть на воздухе. «Не прокатиться ли верхом по парку?» – подумала она и, пройдя на конюшню, до которой было совсем недалеко, кликнула конюха. Стоя в дверях, Кэтрин слышала звуки какой-то отчаянной возни на соломе и испугалась: вдруг одной из лошадей плохо? На конюшне была жеребая кобыла, но ей еще рано рожать. Кэтрин побежала по проходу, заглядывая в каждое стойло. Возня вдруг прекратилась. Жеребая кобыла спокойно жевала сено. Пара коней радостно заржали, увидев Кэтрин. В последнем стойле было пусто. «Ах да, сэр Томас утром куда-то уехал», – вспомнила она, наверное, поэтому леди Бург была сегодня более разговорчива.

Кэтрин заметила какое-то движение и заглянула в стойло. Глаза ее едва могли совладать с открывшимся им зрелищем; еще меньше был способен на это мозг. Потому что там, на соломе, лежал Эдвард и в полном потрясении таранился на нее, а рядом с ним – конюх, и у обоих шнурки на ширинках были распушены. Эдвард вскочил, оправляя на себе рейтузы.

– Кэтрин! Что вы здесь делаете?

– Я... Я хотела прокатиться на лошади, – пролепетала она и, охваченная непреодолимым желанием бежать отсюда, быстро пошла назад по проходу.

– Подождите! – крикнула ей вслед Эдвард, но девушка уже понеслась бегом; ей нужно было поскорее остаться в одиночестве и попытаться как-то осознать увиденное и осмыслить его значение.

Кэтрин устремилась к расположенному за домом парку, промчавшись через сад с такой скоростью, будто ее преследовала стая адских псов. За спиной слышался голос Эдварда, звавший ее, просивший остановиться. Но она бежала и бежала, пока голос мужа не смолк вдали и перед ней не открылся широкий вид на парк. Тогда Кэтрин замедлила бег, остановилась и, тяжело дыша, опустилась на землю под сенью могучего дуба; толстый ствол дерева скрывал ее от любого, кто направился бы сюда со стороны дома.

Мужчинам запрещено любить друг друга так, как любят муж и жена: это Кэтрин знала. Ей была известна история разрушения Содома. Однажды она слышала о священнике, которого лишили сана за подобный грех, поскольку Церковь сурово осуждала такие поступки. Но даже и представить не могла, что это коснется ее собственной жизни или что ей будет суждено выйти замуж за человека, склонного к однополый любви.

Для чего он женился на ней? За ответом не пришлось ходить далеко. Он выполнил волю отца. Знал ли сэр Томас о тяге своего сына к мужчинам? Надеялся ли, что женитьба направит его на путь истинный, чтобы он мог зачать наследников? Кэтрин резко втянула ноздрями воздух, силясь подавить слезы. То, что она увидела, объясняло неудачи Эдварда в постели. Муж не способен любить ее, потому что не испытывает к ней желания, и она могла оказаться пойманной в ловушку бесплодного брака.

Если бы только мать была здесь и дала ей совет. Написать о таком в письме невозможно. Кэтрин подумала, не сбежать ли в Рай-Хаус, но у нее неостанется денег; их хватало только на «мелкие надобности и пустячки», как выражался сэр Томас, выдавая ей весьма скромное, чтобы не сказать скупое, содержание. Кроме того, женщина, путешествующая в одиночку, уязвима, на нее смотрят без уважения. Поедет ли с ней Элинор или посчитает себя обязанной предупредить сэра Томаса о планах своей новой госпожи? Подумав, не объясниться ли с ним самой, она поняла, что не осмелится на это. Кэтрин не могла публично опозорить Эдварда.

Но ей самой было так стыдно, она чувствовала себя такой никудышной. Почему муж не хотел ее? Что в ней не так? Эдвард ей очень нравился; сегодня утром она размышляла, не влюбляется ли в него постепенно? И девушка не сомневалась, что приятна ему. Но, должно быть, он любил ее, как брат любит сестру. И наверное, никогда не хотел ее по-мужски. А она теперь связана с ним, и ей придется как-то жить с этим.

Сидеть на месте дольше было невозможно. Кэтрин встала и пошла вглубь парка. Может, она ошиблась? Нет, это вряд ли. Бывает ли, что мужчина любит и мужчин, и женщин? Вот единственная надежда для нее. Но им все-таки нужно как-то вступить в брачные отношения, а значит, Эдвард должен поклясться, что больше никогда не ляжет с мужчиной. Она потребует этого. И постарается, что есть сил постарается стереть из памяти увиденное сегодня. Только так можно будет двинуться дальше.

Кэтрин услышала приближающийся топот копыт, обернулась и увидела, что к ней скачет Эдвард; она дождалась его. Спускаясь с коня, он выглядел крайне сконфуженным.

– Мне так жаль, – виновато сказал ей понурый супруг. – Простите меня. – Он не попытался обнять ее или прикоснуться к ней, а просто стоял, повесив голову. – Не знаю, почему Господь создал меня таким. Я не могу справиться с собой.

– Вы должны справиться, – твердо сказала Кэтрин. – Ради благополучия нашего брака вы должны воздерживаться от этого. Скажите, скажите мне честно: вы считаете, что когда-нибудь сможете полюбить меня, сделать мне ребенка?

– Я люблю вас, Кэтрин, – заявил он. – А что до остального, я пытаюсь.

– Настоящему мужчине не нужно принуждать себя! – крикнула она и разразилась слезами; никогда еще ей не приходилось чувствовать себя такой одинокой.

– Я не такой, как другие, – печально произнес Эдвард.

– Ваш отец знает? Меня взяли в дом, чтобы сделать вид, будто все хорошо? – Кэтрин была вне себя.

Эдвард выглядел испуганным.

– Нет. Я не думаю, что он знает. Надеюсь, что нет. Я бы умер от стыда. Я уже умираю от стыда. Прошу вас, простите меня, Кэтрин. Я сделаю, как вы просите, и буду избегать мужской компании. И постараюсь быть для вас настоящим мужем. Я не хочу делать вас несчастной.

Он был так полон раскаяния, так уступчив. Она обязана поступить с ним по-доброму.

– Вы простите меня? – снова с мольбой в глазах произнес Эдвард.

Кэтрин заколебалась. Он согласился на ее требование, и теперь ей нужно достойно сыграть свою роль.

– Я вас прощаю, – торжественно изрекла она.

– Вы ничего не скажете отцу?

– Конечно нет.

Пока они шли к дому, Кэтрин задумалась: не был ли страх, что она пожалуется сэру Томасу, главной причиной сговорчивости Эдварда?

Лето выдалось жаркое. Кэтрин проводила послеобеденное время в саду или каталась верхом по парку, как раньше в Рай-Хаусе. По утрам она тенью следовала за леди Бург, которая в своей тихой и нервной манере наставляла ее, как управляться с Гейнсборо-Холлом. Но перенимать ей было особенно нечего, так как мать и тетя Мэри прекрасно научили ее вести хозяйство в большом доме. К счастью, леди Бург не перегружала невестку обязанностями. Казалось, она хотела сохранить контроль над домом за собой, чтобы делать все так, как любил сэр Томас, а потому у Кэтрин оставалось свободное время, которое она посвящала уединению с любимыми книгами. Эдвард часто уезжал с отцом, участвуя в делах поместья. Сэр Томас ожидал этого от сына и ценил его помощь. Он постоянно твердил Эдварду, что когда-нибудь все это достанется ему.

Почти каждую ночь Кэтрин проходила одно и то же тягостное испытание. Эдвард старался продержаться достаточно долго, чтобы войти в нее, но неизменно срывался. Она лежала и позволяла ему делать, что нужно, молясь, чтобы они хоть раз соединились. Кэтрин чувствовала, что сэр Томас и леди Бург приглядываются к ней, ища признаки беременности, а скоро и другие люди начнут задаваться вопросами, все ли у них хорошо?

Мать писала каждую неделю, интересовалась, нравится ли дочери замужняя жизнь, и сообщала новости из Рай-Хауса. Читая эти послания, Кэтрин заливалась слезами; ей так хотелось вернуться домой. Снова и снова возникало у нее искушение открыть матери правду о своем браке, но она всякий раз удерживалась от этого. Что могла сделать мать? Она только начнет переживать. А какой скандал разразится, если сэру Томасу откроется правда о его сыне или он узнает, что невестка выдала уже известную ему тайну!

Дядя Уильям тоже писал племяннице. Он был крайне недоволен, потому что лишился должности вместе с Уиллом, так как кардинал Уолси распустил дорого обходившийся казне двор в Шериф-Хаттоне. Мать сообщила, что дядя вернулся домой мрачный и раздосадованный, ведь ему не удалось приобрести ни богатства, ни влияния благодаря своему посту камергера. Кэтрин удивилась, узнав, что Уилл в конечном итоге пожалел о необходимости покинуть службу у герцога. В письмах он без конца упоминал о своем новом друге, главном конюшем герцога Ричмонда, сэре Эдварде Сеймуре, который был семью годами старше его и, как почувствовала Кэтрин, по мнению брата, являл собой истинный образец для подражания. Сэр Эдвард послужил в войсках во Франции и был произведен в рыцари; его взяли в свиту Уолси, которая сопровождала кардинала во время дипломатической миссии в Париж; еще в юности он познакомился с придворной жизнью, а теперь намеревался стать рыцарем тела короля.

Уильям явно восхищался им, как героем, и надеялся, что тоже попадет ко двору благодаря Эдварду Сеймуру, который наверняка замолвит за него словечко перед королем. Однако прошло несколько недель, надежды эти не оправдались, и тогда мать отправила Уилла в Кембридж. «Ему уже шестнадцать, – писала она. – Он образован, хорош собой, очарователен и умеет заводить знакомства. Он не пропадет, я уверена».

Как же Кэтрин скучала по брату и сестре! Но они вылетели из гнезда, и она понимала, что, если когда-нибудь вернется в Рай-Хаус, там все будет по-другому.

Глава 5

1529–1531 годы

Письма матери были полны переживаний по поводу развода короля – его Великого дела, как называли это в народе. Папа прислал из Рима кардинала, чтобы тот разобрал дело вместе с кардиналом Уолси, и судебное заседание устроили в главном зале монастыря Черных Братьев, недалеко от старого дома Парров. Королева пребывала в большом волнении, – писала мать, – потому что король вел себя так, словно вердикт предрешен, и даже планировал коронацию Анны Болейн. Король был уверен, что его святейшество не откажет английскому Защитнику Веры² в справедливом решении. Однако Екатерина держалась очень храбро. К счастью, мистресс Анну отослали домой ждать исхода дела.

В следующем послании мать описывала, как королева явилась в суд, встала на колени перед королем и страстно воззвала к нему, моля избавить ее от этого испытания. Он ничего не отвечал, только смотрел в пустоту. Ее милость поднялась и вручила судьбу дела Господней воле, дав итальянскому кардиналу предлог перенести разбирательство в Рим. Король вознегодовал, кардинал Уолси впал в немилость, а мистресс Анна вернулась ко двору, брызжа ядом. Мать сильно тревожилась за королеву Екатерину, находившуюся в глубоком горе. Она добавила, что на Анну все это очень сильно повлияло.

За столом в Гейнсборо-Холле в основном обсуждали те же события. Кэтрин жалела бедную королеву, а вот сэр Томас держался совершенно иного мнения.

– Она должна понять опасения короля по поводу наследования престола и с благодарностью удалиться, – заявил он.

Кэтрин была потрясена этими словами, но она уже знала, что свекра лучше не злить и не портить себе репутацию в его глазах. В конце концов, ей ведь приходилось жить под его крышей.

– Мистресс Анна Болейн, – продолжал сэр Томас, – истинная евангелистка, страстная сторонница реформ, а Церковь, Бог знает, нуждается в переменах. От влияния этой леди на короля может произойти только благо.

«Только скандал», – припечатала про себя Кэтрин, вспоминая бедную благочестивую королеву, которую дерзкая Анна Болейн всеми силами старалась сместить с трона.

Однако сэр Томас разошелся, и все семейство молча внимало тому, как он развивает полюбившуюся ему тему.

– Сегодня приходится покупать себе путь на Небеса, в то время как священники богатеют на продаже индульгенций, – разглагольствовал свекор. – Многие из них развращены и продажны. Покажите мне экономку священника, и я покажу вам его любовницу. И не заставляйте меня начинать с епископов! Они все алчные хапуги в золотых ризах и усыпанных камнями митрах, обитающие во дворцах, которые ломаются от сокровищ. Они живут как короли. Тогда как наш Господь, примеру которого им должно следовать, был простым плотником.

Сэр Томас помолчал, накладывая себе мяса на тарелку.

– Но больше всего меня злит, что только священникам позволено толковать Писание. А некоторые из них неграмотны или просто глупы. Это всего лишь вопрос времени, но у нас будет Библия на английском, чтобы мы могли читать и толковать ее сами. И все те книги, кото-

² *Защитник Веры* – титул, полученный Генрихом VIII от папы Льва X за издание в 1521 году богословского трактата «В защиту семи таинств», где в противовес идеям Мартина Лютера, лежавшим в основе Реформации, поддерживались папская власть, индульгенции, отпущение грехов и семь таинств. Титул был отозван папой Павлом III, а сам король отлучен от Католической церкви за разрыв отношений с Римом и объявление себя главой Англиканской церкви. В 1544 году английский парламент стал именовать Защитником Веры короля Эдуарда VI как охранителя англиканской веры от католицизма.

рые кардинал запретил от имени короля, – о них мы тоже получим возможность составить собственное мнение. Мои друзья при дворе говорят, что мистресс Анна читает их безнаказанно, вот так, и даже показывает королю.

– Не всем дано наслаждаться вседозволенностью мистресс Анны, сэр, – пробормотал Эдвард.

– Будет дано, мальчик мой, будет, когда она вставит свою ногу в стремя, – возразил его отец.

– Но разве это правильно – подвергать сомнениям учение Церкви? – не уступал Эдвард. «Довольно смело сказано», – подумала Кэтрин. – Разве это не ведет к ереси?

Его сестра Агнес тихо ахнула от безрассудной смелости брата.

Сэр Томас сурово посмотрел на сына:

– Что такое ересь, когда католики называют еретиками лютеран, а сам Лютер бросает те же обвинения католикам? Ересь зависит от того, кто указывает пальцем, мальчик.

– Тогда кому судить, кто прав, а кто нет?

– Каждый человек должен следовать голосу совести, как говорит доктор Олгуд.

Доктор Олгуд, их домашний священник, был горячим поборником реформ, и сэр Томас восхищался им. Эти двое всему предпочитали жаркий спор о религии.

– Но что, если закон объявит ваше мнение ересью? – упорствовал Эдвард.

– Бога ради, мальчик! – взревел сэр Томас. – Я здесь закон, и никто не должен мне перечить, тем более сомневаться в моих словах.

Эдвард сдался. Все вдруг деловито занялись едой. Юный Генри подавился мясом, и его пришлось колотить по спине, что дало желанный предлог отвлечься от разгоравшейся ссоры.

Во многом помимо воли, так как она была воспитана богобоязненной и верующей, Кэтрин согласилась, что некоторые замечания сэра Томаса не лишены смысла. Как беднякам попасть на Небо, если доступ туда нужно покупать? Почему епископы живут в роскоши, когда многие люди голодают? И что плохого в том, чтобы читать Библию по-английски? Но тем не менее властители, начиная с короля, запрещают людям делать это. Кэтрин опасалась, как бы ей самой не впасть в ересь. Что до священников, разве они не возвышены своим саном и не обособлены от простых смертных рукоположением? Разве они недостаточно компетентны, чтобы толковать Писание? Ее ведь так учили. Кэтрин задумалась: интересно, а что думает свекор по поводу молитв святым?

Каких мнений держалась леди Бург, Кэтрин понятия не имела. Братья и сестры Эдварда тоже никогда не высказывали своего отношения к взглядам отца. Кэтрин провела в Гейнсборо уже достаточно времени, чтобы понять: никто не смел противиться железной воле сэра Томаса. Он был человек своенравный и имел склонность раздражаться ужасными вспышками гнева при малейшем нарушении установленных правил. Дети, очевидно, боялись его и выказывали абсолютное послушание. Их хорошее поведение соизмерялось со страхом перед отцом.

А тот отличался непредсказуемостью: никто не знал, на что и как он отреагирует. Не раз Кэтрин видела, как ее свекор посылал за учителем и требовал, чтобы ему показали тетради детей. Потом хмуро просматривал их; сыновья и дочери стояли рядом, застыв в напряженном ожидании, а учитель заметно дрожал. Если им повезет, они услышат от отца скупое слово похвалы, что будет воспринято как манна небесная. Чаше же он рывкал, что написавший эту чушь болван заслуживает порки, после чего хватался за хлыст и использовал его по назначению. Делал он это часто, даже за самые ничтожные проступки, вроде выхода к завтраку с непричесанными волосами или ерзания на скамье в церкви. Казалось, он следил за всеми беспрерывно и только и ждал, как бы приструнить за что-нибудь.

На Кэтрин сэр Томас пока ни разу не орал. Она старалась не злить свекра, не привлекать к себе лишний раз его внимания и полагала, что он все еще держится о ней хорошего мнения. Однако Кэтрин опасалась, что и она тоже в один прекрасный день может вызвать его недо-

вольствие и начнет жить в страхе, особенно если ей не удастся выполнить свою обязанность и родить ему внуков. Она не могла сказать сэру Томасу, почему до сих пор не беременна. Вполне возможно, что родители и правда не догадывались о наклонностях Эдварда, а значит, вина падет на нее. Мужчины в таких случаях всегда возлагают вину на женщин.

Уходя из холла в свою комнату, чтобы собраться с духом перед очередным эпизодом постыдной возни с мужем в постели, Кэтрин устало вздохнула. Ей так повезло в детстве: она росла в счастливой и спокойной обстановке дядино дома, наслаждалась свободой. Жизнь под благосклонным оком дяди Уильяма была совершенно другой. Трудно было привыкнуть к домашней тирании сэра Томаса. А тот вдруг окликнул ее.

– На одно слово, прошу вас, Кэтрин! – раздался его звонкий голос.

Она поспешно вернулась и встала перед свекром, сидевшим в своем высоком кресле на помосте.

– Сэр Томас? – Кэтрин заставила себя улыбнуться.

Он строго посмотрел на нее:

– Я заметил, что почти каждый день после обеда вы катаетесь на лошади.

– Я так привыкла, сэр, – смешавшись ответила Кэтрин.

– Что ж, придется это прекратить. Вы никогда не выносите ребенка, носясь в седле по всей округе.

– Но, сэр, я не жду ребенка, – возмутилась Кэтрин. – В противном случае я, естественно, перестала бы ездить верхом.

Она чувствовала, что все домашние смотрят на нее. Они никогда не посмели бы пререкаться с хозяином дома.

– Но вы должны ждать ребенка! – рявкнул сэр Томас. – И больше никаких катаний на лошадях, пока он не появится на свет.

– Но, сэр...

Тот стукнул кулаком по столу.

– Молчать! – И повернулся к Эдварду. – Потрудитесь добиться послушания мне.

Кэтрин подумала, уж не мстит ли он своему сыну за то, что тот осмелился завести с ним спор о религии.

Эдвард взял ее за руку и повел через дверь в западное крыло дома.

– Исполните свой долг, мальчик! Подарите мне внука! – крикнул им вслед сэр Томас.

Когда они оказались в своей комнате, Кэтрин бросилась на кровать и разрыдалась. Она не знала, как вынесет запрет ездить верхом. Это было одним из ее главных развлечений. Конечно, можно гулять по парку, если сэр Томас не выдумает какую-нибудь причину, почему ей не следует делать и этого, но прогулки не дадут ей захватывающего дух удовольствия от скачки в седле, когда ветер треплет волосы, а лошадь мчит во весь опор. Кэтрин все бы отдала за возможность вернуться в Рай-Хаус, к матери. Никогда еще не испытывала она столь сильной тоски по дому.

– Мне так жаль, Кэтрин, правда жаль. – Эдвард сам едва не плакал. – Это все моя вина. – Он притянул ее к себе.

Нуждаясь в утешении, Кэтрин прильнула к нему, они начали целоваться, а потом случилось наконец то, чего она больше всего желала.

Лежа в постели, исполненная облегчения, что ей не придется носить на себе позорное клеймо бесплодной жены, и размышляя, могла ли она уже забеременеть, Кэтрин уткнулась в плечо обнимавшего ее одной рукой мужа.

– Не знаю, что на меня нашло, – хихикнул он, – но я этому рад. Теперь я могу спокойно смотреть в лицо отцу.

– Вы не думаете, что он безумен, как ваш дед? – спросила Кэтрин.

– Я не знаю. – Эдвард вздохнул. – Он не безумен в том смысле, как был мой дед. Но в нем будто сидит какой-то бешеный зверь. Кажется, ему нравится держать нас всех в страхе.

– Что ж, я ему этого удовольствия не доставлю! – заявила Кэтрин. – Пусть только попробует. Он узнает, что у меня стойкое сердце.

– Вы будете ему достойным противником, – сказал Эдвард, прижимая ее к себе. – Но мне жаль, что вам нельзя теперь кататься верхом.

– Мне будет легче выносить это, раз теперь у меня, вероятно, есть веская причина не садиться на лошадь.

– Молюсь, чтобы вы не ошиблись! – сказал Эдвард и поцеловал ее.

Беременность не наступила. И новых соитий тоже не было. Магия, сработавшая в тот раз, больше не оказывала своего волшебного действия на них. Они вернулись к возне в постели и безуспешным попыткам довести дело до счастливого завершения. Недели шли, приближалась зима. Кэтрин казалось, что люди присматриваются к ней, надеясь увидеть признаки беременности. Может, это только ее воображение. Господи, лишь бы только сэр Томас не начал задавать ей вопросы – это будет для нее равносильно смерти!

Но вдруг случилась нечаянная радость! Всех их ждала передышка. В декабре сэра Томаса вызвали ко двору. Наконец – наконец-то! – король решил вернуть к жизни старое баронство Боро и хотел поручить это ему. Кроме того, сэру Томасу предстояло заседать в палате лордов в качестве лорда Боро из Гейнсборо.

Сэр Томас ликовал. Исполнились его надежды – свершилось то, ради чего он трудился все эти годы. Свекор ходил по дому надутый как петух и требовал, чтобы все обращались к нему «милорд».

– Когда-нибудь ты унаследуешь мой титул, мальчик, – говорил он Эдварду, хлопая его по спине. – Ты станешь пэрром королевства, а после тебя – твой наследник. – Он бросил на сына многозначительный взгляд.

– Я горжусь вами, сэр, – отозвался Эдвард, игнорируя колкий намек.

Все хором облегченно вздохнули, когда новоявленный лорд Боро отбыл в Лондон.

– Не ждите меня на Рождество, – сказал он своей леди, когда та подавала ему при отъезде стремени кубок. – Я не знаю, сколько времени будет заседать парламент, и не против поучаствовать в каком-нибудь пире при дворе.

Когда он ускакал, атмосфера в доме стала легче. Они прекрасно встретили Рождество. Йольское бревно потрескивало в очаге, гирлянды из зеленых ветвей источали аромат, наполнявший дом ощущением праздника. Вся семья собралась за столом; они пировали, пели, танцевали и веселились. Играли в жмурки, прятки и «драконью пасть»³, а в день Святого Стефана ездили верхом на охоту, и Кэтрин, делая это, нарушила запрет лорда Боро. Дети смеялись и шалили, как никогда, даже леди Бург участвовала в общем веселье и выглядела гораздо спокойнее.

Кульминацией праздничных торжеств стала Двенадцатая ночь. Приготовили традиционный пирог, в который запекли горошину и боб. Все юные участники праздника молились о том, чтобы им достался кусок с сюрпризом и они, став королем и королевой вечера, получили власть над остальными. Вожделенные куски получили брат Эдварда Генри и его сестра Агнес, но главенствовал на пиру Генри. Он затеял игру в фанты и заставлял всех делать глупейшие вещи. Кэтрин пришлось простоять пять минут неподвижно, как статуя, а вся компания пристально следила, не шевельнется ли она. Кэтрин не шелохнулась. Потом настал черед Эдварда,

³ «Драконья пасть» – святочная игра, в которой нужно хватать изюминки, высыпанные на блюдо с горящим спиртом, будто из пасти огнедышащего дракона.

и ему было велено залезть под каждый стол и проползти под ним во всю длину. Исполняя приказание, тот попутно щекотал всем сидевшим ноги, вызывая смех и визг.

Затем Генри подозвал управляющего и приказал поцеловать самую красивую женщину в зале. Бедняга смутился; при обычных обстоятельствах женщины из семьи хозяина были для него недосыгаемы. Но все сестры Эдварда строили ему глазки, так как он был красивый парень, и даже леди Бург подхихикивала. После довольно продолжительной паузы управляющий подошел к ней позади стола, наклонился и жадно поцеловал в губы. Леди Бург порозовела от волнения, а все покатывались со смеху, пока не заметили лорда Боро. В накидке и сапогах тот стоял в дверях и наблюдал за ними с громовым выражением на лице.

– Что это такое, мадам?! – взревел сэр Томас.

Управляющий побледнел, а леди Бург стала совсем серой. Муж прошагал к ней и схватил за запястье, поднимая со стула.

– Милорд! Прошу вас... – запинаясь, пролепетала она.

– Это была всего лишь шутка, сэр! – крикнул Эдвард. – Мы играли в фанты. Генри – царь Горох, и он приказал нашему доброму управляющему поцеловать самую красивую леди в зале. Естественно, он выбрал матушку. В этом нет ничего дурного.

«Неужели, – подумала Кэтрин, – лорд Боро ни разу в жизни не видел таких праздничных забав?» Насколько она могла судить по рассказам матери, при дворе развлекались не менее буйно. Он наверняка знал, что это было безобидное дурачество и его жена ни в чем не повинна, но сэр Томас остался верен себе и углядел в происходящем нечто греховное. Продолжая сжимать запястье леди Бург в своей железной руке и не обращая внимания на ее протесты, он вытащил бедняжку из зала. Все слышали затихающие вдали крики и визг.

За столом наступила ошалелая тишина. Менестрели прекратили игру. Несколько девочек и Генри плакали. Управляющий с красным лицом поспешил позвать слуг, чтобы убрали со столов. Никто не пытался продолжать пир.

Грум лорда Боро распахнул дверь и обратился к Эдварду:

– Сэр, хозяин желает, чтобы вы, мистресс Кэтрин и все юные джентльмены и леди безотлагательно явились к нему в главный покой.

Дети лорда Боро все как один встали, чтобы исполнить приказание отца, и торопливо, с дурными предчувствиями, затопали к нему. На какой-то безумный момент Кэтрин задумалась: интересно, а как он отреагирует, если она откажется идти вместе со всеми, наверняка ведь грядет очередная омерзительная сцена. Однако она уже достаточно долго прожила в Гейнсборо и понимала: последствия такого поступка будут весьма и весьма неприятными.

Войдя в главный покой, Кэтрин ужаснулась, увидев бедную леди Бург стоящей на коленях на молитвенной скамье; по щекам ее лились слезы, а сэр Томас, кипевший от ярости, гнул свой кнут. Дети хором ахнули.

– Джентльмены, леди! – пролаял он. – Я вызвал вас сюда, чтобы вы посмотрели, как муж поучает жену, которая опозорила его своим развязным поведением. Смотрите и вынесите из этого моральный урок: вы мальчишки, учитесь, как руководить женой, а вы, девочки, запомните, что жена должна быть вне всяких подозрений.

Когда он грубо задрал своей жене юбки и поднял кнут, Кэтрин отвернулась, кипя от негодования. Она сама не догадывалась, что способна испытывать такую ярость. Ей потребовалось напрячь все душевные силы, чтобы не кинуться к свекру и не вырвать у него из рук кнут. Но нет, на такое ее не хватило, однако она не станет смотреть, как он бьет свою несчастную жену; этого удовольствия она ему не доставит. Кэтрин опустила глаза, вздрагивая от каждого крика и всхлипа леди Бург. Двенадцать раз этот зверь хлестнул ее по заду, бесстыдно выставленному напоказ перед детьми, в ужасе тарашившими на все это глаза. Неужели он не уважает собственную жену? Как, по его представлениям, после такого унижения сможет она проявлять свою материнскую власть над детьми?

Наконец экзекуция закончилась. Леди Бург согнула плечи и с плачем оперлась на молитвенную подставку. Лорд Боро твердым шагом вышел из комнаты, а Анна и Маргарет, старшие девочки, поспешили утешить мать и повели ее в постель.

– Если мы и научились сегодня чему-нибудь, – буркнула Кэтрин Эдварду, – так это тому, что ваш отец – садист.

Эдварда трясло.

– Я помню, как он делал это с ней и раньше, когда мы были маленькие. Тогда у него вообще не было никакой причины.

– У него и сейчас не было причины! – со злостью возразила Кэтрин, когда следом за подавленными юными Бургами и их матерью они вышли из зала.

Эдвард закрыл дверь их комнаты и сел у очага:

– Значит, вы не поняли? Мы все знали. Мать и управляющий... Это тянется уже какое-то время. Никто не винит ее. Мы за нее радовались, потому что знаем, как трудно ей жить с нашим отцом. И он тоже знал. Вот почему решил преподать всем урок на ее примере. Он ее не любит, она просто его собственность, и ни один мужчина не должен прикасаться к ней.

– Я не знала, – сказала Кэтрин, думая, как хорошо скрывала свою любовную связь леди Бург. – Они на самом деле любовники?

– Сомневаюсь. Она такая робкая, что едва ли осмелилась бы рискнуть.

– Я бы хотела, чтобы кто-нибудь дал ему отпор! – кипела негодованием Кэтрин.

– Понимаю, вас подмывает сделать это, но не надо, прошу! – уговаривал ее Эдвард.

– Я не хочу жить под крышей этого дома! – заявила она ему.

Он покачал головой:

– Я тоже. Но у него есть и другие дома. Для нас было бы хорошо, если бы мы завели свое хозяйство. Это помогло бы нам, вы понимаете...

– Вам пойдет на пользу, если вы избавитесь от постоянного контроля и давления со стороны отца, – сказала Кэтрин. – Вы поговорите с ним?

– Когда все немного успокоится, я поговорю.

– Обещайте мне! – потребовала Кэтрин. – Я не хочу жить здесь ни мгновения дольше, чем это необходимо.

Ответ был – нет. Все еще пребывая в дурном настроении, а это означало, что все в доме жили под грозовой тучей, лорд Боро спросил: с чего бы ему тратить деньги на устройство для сына отдельного хозяйства, когда тот прекрасно может и дальше жить в комфорте под одной крышей со всей семьей. Чего ему не хватает? У Эдварда не хватило храбрости прямо объяснить отцу свое желание жить отдельно от него, но он продолжал просить, из раза в раз получая отказ.

– Он думает, это вы меня настраиваете, – сказал Эдвард Кэтрин, когда они гуляли с собаками по парку.

– Так и есть! – воскликнула она. – Вы считаете, его удастся уговорить?

– До сих пор такого не случалось, – признал Эдвард.

Однако он не оставил попыток и всю ту тревожную весну заводил с отцом разговоры о желании жить своим домом так часто, как только осмеливался, правда ничего не добился.

– Нужно сменить тактику, – решила Кэтрин.

Она написала матери, рассказала ей все – даже, да простит ее Бог, о проблеме Эдварда, – и умоляла помочь. Сказала, что боится проявлений насилия со стороны лорда Бурга. Он уже сломил дух своей жены, и дети его запуганы. Кэтрин ни за что на свете не хотела расстраивать мать, но сейчас больше, чем когда-либо, ей была необходима ее спокойная уверенность и сила.

Ответ не заставил себя ждать.

Я еду навестить тебя. Я сообщила об этом лорду Боро, не упомянув о том, что узнала от тебя. Ничто не заставит меня провести ночь под его крышей, но мое поместье Молтби находится в восемнадцати милях от Гейнсборо, и я остановлюсь там. Если понадобится, вы с Эдвардом можете составить мне компанию, но надеюсь, до этого не дойдет.

Скорее бы мать приехала. Они не виделись уже много месяцев. Кэтрин продолжала сильно скучать по ней и считала дни до желанной встречи.

Тем временем Кэтрин и Эдвард поехали в Стэллингборо, взяв носилки, так как туда был день пути. Одним из многочисленных друзей лорда Боро в этом графстве был сэр Уильям Аскью, служивший королевским сборщиком налогов. Несмотря на свою непопулярность в связи с занимаемой должностью, сэр Уильям слыл человеком радушным и предложил Эдварду взять с собою Кэтрин, чтобы погостить в его прекрасном поместье.

– Мои дети будут рады познакомиться с вами, – сказал он.

И они поехали. К счастью, обнаружилось, что более молодые Аскью столь же милы и приветливы, как и их отец. За вкуснейшим обедом сэр Уильям, поддавшись на уговоры гостей, рассказывал о своих поездках ко двору, о короле, хотя в этом отношении проявлял осторожность. Кэтрин даже показалось, что он недолюбливает своего соверена.

Из пяти очаровательных детей сэра Уильяма больше всех Кэтрин понравилась девятилетняя Анна, умная девочка, которая, казалось, испытывала жажду к знаниям и любила задавать вопросы. Кэтрин искренне захотелось, чтобы Анна Аскью посещала уроки в Гейнсборо. Она наверняка оживила бы там обстановку. Даже лорд Боро был бы впечатлен. И опять Кэтрин невольно соотнесла свои мысли с мнением свекра!

Ночевали они в спальне для гостей, и Кэтрин приснился кошмарный сон. Перед глазами у нее все время стояло лицо Анны; рот у девочки был разинут в беззвучном крике, волосы на голове горели. Это было так ужасно, что Кэтрин, вскрикнув, проснулась и резко села в постели.

– Что случилось, дорогая? – пробормотал Эдвард, тоже подскочив.

– Мне п-приснился ж-жуткий сон, – запинаясь, проговорила она и содрогнулась при воспоминании о нем. – О Господи!..

– О чем он был? – спросил Эдвард, крепко обнимая ее. – И не говорите «ни о чем», потому что вы явно расстроены.

Кэтрин рассказала, стыдясь открывать мужу, на что способен ее разум, и почувствовала в темноте, как напряглось его тело.

– Во сне она выглядела старше, но это точно была она. Молюсь, чтобы это не был дурной знак. Она такое милое дитя. Только бы с ней не случилось ничего плохого.

– Это был всего лишь сон, – утешал ее Эдвард. – Только суеверные дураки видят в снах предзнаменования. Выбросьте это из головы.

Хороший совет, но неисполнимый. Аскью наверняка удивились, что не так с их гостьей, когда она при прощании со слезами на глазах крепко обняла Анну. А воспоминания о ночном кошмаре не оставляли ее еще много дней. Кэтрин не могла отделаться от навязчивых мыслей о нем.

Мать приехала в июне. Одетая в дамаст и в дорогих украшениях, она выглядела истинной леди до кончиков ногтей. Лорда Боро приветствовала надменно, как и подобает той, кто служит королеве. Только мать не знала о презрительном отношении хозяина Гейнсборо к королеве Екатерине; кроме того, ему было известно, что та в опале при дворе. Однако повел он себя так, будто потакает матери во всем. Кэтрин проигнорировала эту его лицемерную любезность. Она была поглощена радостью, что снова оказалась в материнских объятиях, и купалась в ее утешительном спокойствии. «Мать все исправит», – думала Кэтрин.

Правила вежливости были соблюдены. Лорд Боро устроил великолепный обед в главном зале и даже нанял ансамбль музыкантов из Линкольна, чтобы порадовать гостью. Разговор за

столом велся только о приятных вещах – новости о Великом деле короля предусмотрительно не обсуждались – и проблемах управления большим поместьем. Только после того, как унесли недоеденные фрукты и круговую чашу, мать обратилась к лорду Боро и с улыбкой сказала:

– Можем мы поговорить приватно?

Кэтрин и Эдвард потихоньку переглянулись.

Как мать добилась этого, супруги никогда не узнали, потому что после она сказала: им незачем знать. Однако спустя добрый час они с лордом Боро появились из маленькой гостиной, и лорд сказал Кэтрин и Эдварду довольно любезным тоном, мол, следуя совету леди Парр, он решил, что им нужно обзавестись собственным домом. Незадолго до этого ему предложили занять пост управляющего поместьем Киртон в Линдси вместе с Эдвардом, и в его распоряжении там находится «скромный дом», как он выразился.

Кэтрин хотелось кинуться к матери и заключить ее в объятия, но она сдержалась и вместо этого поблагодарила свекра за доброту и щедрость так мило, как только могла. Эдвард уже много месяцев не выглядел таким счастливым, и за это она тоже испытала глубокую благодарность. Если Господу будет угодно, когда они станут жить одни, может, и их брачные отношения наладятся. А быть хозяйкой собственного дома – это просто восхитительно! Кэтрин не сомневалась, что справится. Ей почти восемнадцать, и она многому научилась у матери и леди Бург.

– Киртон – прекрасное поместье, – сказал Эдвард.

Он был знаком со всем, что принадлежало семье, так как отец привлекал его к управлению поместьями.

– Мне там понравится, – оживленно ответила Кэтрин, радуясь своей удаче. – Это далеко отсюда?

Ей хотелось знать, сможет ли лорд Боро появляться на ее пороге каждые несколько дней?

– В двадцати милях к северу, в Уолдсе, – ответил Эдвард с заговорщицкой улыбкой.

– Нам нужно завершить кое-какие формальности, – продолжил лорд Боро, – и внутри дом в плачевном состоянии. Мне придется послать туда столяров и маляров, чтобы отремонтировать и подновить его. Сад тоже нуждается во внимании. Кэтрин, вы с Эдвардом сможете взять отсюда кое-какую мебель, и я дам вам денег на покупку необходимого.

Боже, мать прекрасно справилась со своей задачей! Она стояла и благосклонно улыбалась. Кэтрин снова захотелось крепко обнять ее.

Теперь Кэтрин не так сильно расстроили отъезд матери и необходимость жить в Гейнсборо, пока дом в Киртоне ремонтируют, ведь они уедут отсюда, как только все будет готово, отправятся в новую жизнь. Ей было больно покидать леди Бург и детей, но, может, после вмешательства матери лорд Боро станет к ним добрее. Определенно, в течение последних нескольких недель, проведенных в Гейнсборо, он был так же обходителен с Кэтрин, как до свадьбы.

Ясным октябрьским днем молодые супруги отправились на север, в Киртон. Нагруженные домашними вещами повозки тянулись следом. Дорога петляла и была изрыта высушенными солнцем колеями; зимой по ним, наверное, не проехать, но, если это удержит лорда Боро подальше от них, тем лучше. Они не жаловались на трудности пути. Сердца их парили, головы у обоих кружились от радостных ожиданий, и оба не разочаровались. Когда Эдвард и Кэтрин поднялись на вершину покатога холма, откуда открывался вид на Уолдс и Киртон, и Кэтрин впервые увидела усадебный дом, то разинула рот от восторга. Здание из светлого камня с зубчатыми стенами, крытое черепицей, имело два крыла с треугольными фронтонами и высокими стрельчатыми окнами. Его окружали зеленые лужайки и большие деревья. Быстро спешившись и кивнув конюху, чтобы присмотрел за лошадьми, они бросились внутрь и стали носиться по дому, как двое возбужденных радостью детей, вскрикивая от удивления при виде того, какие

просторные в нем комнаты, и восхищаясь свежевыкрашенными стенами, натертыми полами и огромными каминами. В спальне они обнялись.

– Здесь мы начнем все с начала, Кэтрин! – сказал Эдвард и поцеловал жену. – Я обещаю, что теперь стану для вас хорошим мужем.

И он выполнил обещание. Вдали от подавляющего влияния отца и тяжелой обстановки Гейнсборо Эдвард стал спокойнее, и они снова сумели познать физическую близость. Кэтрин понадеялась, что в колыбели, которую она, поддавшись оптимизму, захватила с собой из дома свекра, скоро будет лежать наследник Эдварда. Как обрадуется лорд Боро! «Нет, – укорила она себя, – хватит соизмерять свою жизнь с тем, понравится ли это свекру!»

Два раза у нее не наступали месячные, и Кэтрин стала уже надеяться, что Господь в конце концов внял ее молитвам. Небесам известно, она часто взывала к Нему. В Киртоне не было молельни, только молитвенный поставец, так что Кэтрин ездила в приходскую церковь, и люди привыкли видеть ее там стоящей на коленях перед алтарем прямо на выложенном плитками полу. Жители деревни хвалили юную леди за набожность и благие дела. Она провела в этой местности чуть больше года, а они успели всем сердцем принять обоих супругов Бург.

Кэтрин преклонила колени в пустом нефе и сосредоточила взгляд на статуе Мадонны с Младенцем, которая стояла в алтаре рядом с Распятием.

– Святая Матерь, – тихо проговорила она, – прошу, заступись за меня, чтобы я смогла выносить ребенка.

Вдруг ей пришла в голову мысль, что обращение напрямую к Господу может быть более плодотворным. Обязательно ли посредничество Его Матери или одного из святых? Общаться с самим Господом должно быть просто, но нет. Мирянам приходится полагаться на священников и всю церковную иерархию: только духовные лица могли истолковать для них Писание, к тому же оно на латыни и по большей части непонятно простым людям. Такое ощущение, что Церковь специально воздвигла преграды между людьми и Богом, и кто она такая, обыкновенная молодая женщина, чтобы выражать недовольство этим? Но ведь она тоже дитя Божье, и у нее есть душа, требующая защиты; юношеские убеждения Кэтрин расшатывались, и она уже не была уверена, что стоит на верном пути к спасению.

В сомнениях вернулась Кэтрин к молитве, осмелившись просить самого Создателя об исполнении своего самого заветного желания и надеясь, что тем не прогневает Его.

Отношения с лордом Боро, поддерживаемые на расстоянии, стали гораздо лучше. Дом в Киртоне оказался тихой гаванью, где царили домашний уют и покой. Если Эдвард так и не мог освоиться окончательно с ролью мужа, Кэтрин не роптала. Они нравились друг другу и стали добрыми друзьями. Такой союз был несравненно лучше, чем тот, в котором томилась и страдала леди Бург. Но венцом их счастья, конечно, стал бы ребенок.

Беспокоилась Кэтрин только о матери, которая решила остаться на службе у королевы вместе с Анной даже после того, как ее милость прошлым летом была удалена от двора. Теперь королева Екатерина жила в поместье Мор в Хартфордшире, ранее принадлежавшем кардиналу Уолси. Служили ей, как прежде, но на оставшихся при ней слуг король смотрел с подозрением, и над их головами сгущались тучи. Кэтрин могла только аплодировать матери, которая осталась верна своей госпоже, но тем не менее предпочла бы, чтобы та самоустранилась. Дядя Уильям наверняка мог получить для нее место у леди Анны. Он посодействовал тому, чтобы Эдвард Сеймур обеспечил пост при дворе закончившему учебу Уиллу, и теперь оба они – дядя и брат – были в большом фаворе у короля. Слава Богу, упрямая материнская верность королеве не повлияла на это. Но как знать. Король в последнее время отличался непостоянством, как она слышала, и мог лишиться своей милости любого по мимолетному капризу. Ну почему мать и

Анна не вернулись в Рай-Хаус! Но, может, не стоит корить свою родительницу, – упрекнула себя Кэтрин; вероятно, та знает, что делает, поступая так, как велит ей совесть.

В начале декабря, когда Кэтрин занималась радостными приготовлениями ко второму Рождеству в Киртоне, ей доставили письмо, надписанное элегантным почерком Анны.

«Дорогая сестра, у меня тяжелые вести» – так начиналось это послание. Кэтрин читала дальше, не в силах поверить. Мать умерла. Началось все с простуды, но потом болезнь перешла на легкие, и никто, даже личный врач королевы, не смог ее спасти.

Она ушла безвозвратно. Ее жизнь в этом мире теперь – закрытая книга. Ей было всего тридцать девять, еще рано умирать. Кэтрин не могла осознать случившегося; реальность смерти самого близкого человека потрясла ее слишком сильно. Она знала, что мать пребывает с Господом и нужно радоваться за нее, но как ей жить теперь, чем заполнить пустое место в сердце, прежде занятое матерью?

Кэтрин встала на колени посреди разложенных на полу подарков.

– Святая Мария, Мать Божья, молись за нас, грешных, ныне и в наш смертный час, – произнесла она. – О Господь, даруй ей вечный покой. Милостивый Отче, услышь наши молитвы и утешь нас. – По щекам ее лились слезы. – О мама! – возопила Кэтрин.

В таком положении и застал ее вбежавший в комнату Эдвард.

Немного успокоившись, Кэтрин перечитала письмо Анны. Сестра сообщала: королева Екатерина была очень добра и сказала, что та может оставаться при ней сколько хочет. Цenia это благодеяние, Анна тем не менее призналась, что хотела бы уехать из Мора. Там было очень грустно, и тоска ее увеличилась вдвойне со смертью матери. Она не отказалась бы служить при дворе леди Анны, но чувствовала, что, позволяя себе мечтать об этом, предает королеву и память матери. Бедная Анна! В шестнадцать лет вполне естественно стремиться к радостям жизни. А какие радости могут ждать ее на службе у опальной королевы?

Уилл и дядя Уильям присутствовали на погребении. Мать положили рядом с отцом, в капелле Святой Анны монастыря Черных Братьев. Кэтрин провела целый день в церкви, молясь об упокоении ее души. Вскоре после этого дядя Уильям прислал посылку. Внутри Кэтрин нашла крестильную пелену королевы и семнадцать украшений, завещанных ей матерью. Когда блестящие вещицы высыпались из бархатного мешочка, Кэтрин с болью в сердце узнала любимое кольцо матери – с ромбовидным бриллиантом в оправе из черной эмали. Там были еще подвески, пара гранатовых браслетов, а также миниатюра с изображением короля и королевы – красивые вещи, которые рад был бы получить любой, но Кэтрин отдала бы их все за возможность вернуть мать.

Дядя Уильям написал, что Мод завещала деньги на основание школ и приданое для самых бедных девушек из числа своих многочисленных родственниц. Это был типичный для нее поступок, она всегда отличалась добротой. Кое-какие украшения мать оставила и своей невестке Энн Буршье, но их передадут ей лишь после того, как будет доведен до окончательного заключения ее брак с Уиллом. Читая это, Кэтрин удивленно вскинула брови. Энн, вероятно, уже исполнилось четырнадцать, и она вполне могла бы разделять ложе с мужем. Но, очевидно, они пока так и не начали жить вместе. Уилл никогда не упоминал о ней в письмах, и у Кэтрин сложилось впечатление, что он вполне доволен жизнью вдали от своей суженой. Брат и самой Кэтрин теперь казался таким же далеким, как Рай-Хаус. Ей очень хотелось бы находиться рядом с ним и дядей в столь горестное время. Это было бы так утешительно. Но на дорогах в ту пору стояла непролазная грязь, и поездка превратилась бы в тяжелое испытание.

Сестру Кэтрин тоже жаждала увидеть. Анна сообщила ей в письме, что король решил поучаствовать в ее судьбе и отныне является ее законным опекуном. Это принесет ей пользу, и ему тоже, ведь теперь она может рассчитывать, что король организует для нее достойный брак, хотя сама Анна предпочла бы иметь опекуном дядю Уильяма, не такого страшного, как

король. Полученные от сестры известия снова навели Кэтрин на мысль о том, как сильно зависят молодые женщины от соизволений могущественных мужчин.

Эдвард был просто чудо. Он не упрекал Кэтрин за то, что она слишком много плачет, в отличие от священника в церкви. Всегда оказывался рядом, когда Кэтрин хотелось поговорить, развлекал ее бесконечными играми в карты или в кости. Трагедия сблизила их, и Кэтрин каждый день благодарила Бога за то, что Он послал ей такого замечательного мужа.

Однако все эти огорчения возымели свое действие. Робкая надежда, расцветавшая в ее теле, зачихла от страданий и вышла из нее с тяжелым кровотечением и болью. Эдвард даже не знал, что она ждала ребенка, – Кэтрин не успела ему сказать, – и был потрясен.

– У нас будет другой малыш, вот увидите, – утешал он ее, баюкая в объятиях. – Мы сделаем другого.

И Эдвард пытался, с обычной старательностью исполнял свой супружеский долг, но ничего не получалось. Очевидно, Господь не предусмотрел для Кэтрин такого утешения. Может, Он злился, что она осмелилась обращаться к Нему напрямую? Или просто знал, что для нее будет лучше? Не стоит ей подвергать сомнениям Его волю.

Глава 6

1533 год

Эдвард очень обрадовался, когда его назначили мировым судьей. Произошло это, разумеется, благодаря влиянию отца, тем не менее он намеревался оправдать оказанное доверие личными заслугами. Ему было двадцать пять, и он постепенно обретал вес в графстве.

На Богоявление, облаченный в новую черную мантию из мягкой шерстяной ткани и шляпу с брошью на полях, Эдвард присутствовал на заседаниях квартальной сессии суда в Линкольне, и на Пасху тоже. За последние годы он возмужал и стал настоящим красавцем, а судейская мантия придавала ему весьма солидный вид. Кэтрин махала рукой вслед мужу, надеясь, что они скоро увидятся вновь. Она будет скучать по нему, ведь он стал ей очень дорог.

Вернулся Эдвард меньше чем через неделю – бледный и в лихорадке, лежа в нанятых одним знакомым судьей носилках. Кэтрин помогла ему войти в дом и лечь в постель. Она сидела рядом с неподвижным супругом и обтирала его горячий лоб влажным полотенцем.

– Не умирай! Прошу, не умирай! – взывала к нему Кэтрин. – Милостивый Боже, спаси его ради меня!

Не теряя времени, Кэтрин вызвала врача из Сканторпа. Ожидая его появления, она приготовила настой из буковицы с полынью и дала выпить Эдварду. Вскоре после этого, когда дыхание больного стало поверхностным и затрудненным и он уже с трудом узнавал ее, Кэтрин поняла, что нужно послать за лордом и леди Боро, и отправила гонца в Гейнсборо на самом быстром скакуне. Потом позвала священника и вернулась к бдению у постели мужа, держа его за руку и желая всем сердцем, чтобы он выжил. Господь не может быть таким жестоким, чтобы забрать у нее еще и Эдварда. Она потеряла мать, нерожденного ребенка, и боль от этих утрат еще не утихла.

Врач приехал, осмотрел больного и покачал головой.

– Необходимо чудо, – сказал он, кладя руку на плечо Кэтрин. – Вы должны приготовиться, мистресс.

Она не чувствовала ничего, кроме страха и изумления. Этого не может быть!

Священник исполнил последние обряды над безучастным ко всему, тяжело дышавшим Эдвардом; лицо больного посерело, губы стали синими. Кэтрин опустилась на колени у его постели и молилась горячо, как никогда в жизни. Когда она наконец перевела взгляд на мужа, тот издал хриплый вздох и затих.

Кэтрин встала, онемев от потрясения. Эмоций не было никаких, только сильнейшее недоумение.

Позже в тот же день в Киртон прибыл лорд Боро с супругой. Он взял на себя заботы о похоронах. На леди Боро было больно смотреть. Ее муж, хотя и сбитый из более прочного материала, тоже с трудом сдерживал свои чувства. Он потерял старшего сына. Это тяжелый удар для любого мужчины.

Священник старался утешить их всех, призывал не подвергать сомнениям Господню волю, но благодарить за подаренную Эдварду жизнь и молиться о переходе души усопшего через Чистилище. Пока он говорил, Кэтрин осознала, что вообще не верит в существование такого места, как Чистилище, и удивилась самой себе.

Стоя рядом с семейством Бург у открытого фамильного склепа в церкви Святой Троицы в Гейнсборо, она думала только о том, что всего две недели назад Эдвард мечтал о поездке в Линкольн и накануне его отъезда они любили друг друга. Месячные наступили, как обычно, значит надежды на ребенка не было. Теперь наследником стал брат Эдварда Томас.

Кэтрин не плакала. Она постаралась исполнить наказ священника и не горевать, потому что сомневаться в мудрости Господа – это грех. Эдвард обрел вечную жизнь, и когда-нибудь они воссоединятся во Христе.

Вернувшись в Гейнсборо в носилках с леди Бург и Элизабет Оуэн, женой Томаса, Кэтрин присоединилась к родне и гостям за поминальной трапезой и почувствовала некоторое утешение от мысли, что, не достигнув еще двадцати одного года, стала довольно обеспеченной вдовой. А значит, обрела независимость и могла распоряжаться своей судьбой самостоятельно. Она надеялась, что лорд Боро сообщит ей о финансовых распоряжениях, которые он сделал на ее счет. Ждать пришлось недолго. Когда участники похорон разъехались, свекор сел рядом с Кэтрин за стол на помосте и сказал:

– Я распорядился о передаче вам вашего приданого. Вы получите поместья Окстед и Оллингтон в Кенте, а также Уэстклифф – в Эссексе. Кроме того, я отписал вам доходы от двух своих имений в Суррее и одного в Кенте. Мой поверенный пришлет вам документы и ключи от домов.

– Благодарю вас, милорд, – сказала Кэтрин, радуясь, что теперь свободна от обязательств по отношению к этому человеку. – Вы проявили большую щедрость.

– Скоро я уеду ко двору, – продолжил лорд Боро. – Вы слышали, что леди Анна объявлена королевой?

Кэтрин в изумлении уставилась на него. В последнее время она была так занята, так погружена в свои проблемы, что новости из мира за пределами Киртона проходили мимо нее.

– Папа даровал развод?

– Полагаю, что да. Король женился на ней тайно. Ходит много слухов о том, когда это случилось, потому что леди Анна явно ждет ребенка. Важно то, что теперь у нас королева, стоящая за реформы, и я, по крайней мере, рад служить ей. Меня назначили ее камергером.

Это очень высокая честь. Без сомнения, король или леди Анна были наслышаны о реформаторском рвении лорда Боро. Несмотря на это, Кэтрин подумала и о несчастной старой королеве, изгнанной от двора и наперекор ее воле лишенной прежнего положения. Как переживала бы мать! Хорошо, что она не увидела этих дней.

– Я рада за вас, милорд, – сказала Кэтрин.

Лорд Боро склонил голову:

– Этот брак может стать ответом на наши молитвы. Будем надеяться, в Англии скоро появится принц, в котором она так нуждается. – Потом он прищурил глаза и спросил: – Когда вы уезжаете?

Вздвигнув брови, Кэтрин поняла: он рассчитывает, что она покинет Киртон, хотя сама намеревалась пока остаться там и еще не построила никаких альтернативных планов. Вдруг ей стало ясно, что она больше не нужна Бургам. Без детей, которые приковали бы ее якорем к семье, присутствие рядом с ними вдовы покойного сына было избыточным.

– Я пока не думала об этом, – пролепетала Кэтрин. – Когда вы хотите, чтобы я уехала?

– Это не к спеху, но мы хотели бы, чтобы Томас с женой перебрались в Киртон, как только это станет возможно.

– Тогда я постараюсь подготовиться к отъезду как можно скорее, – сказала Кэтрин.

– А я позабочусь о том, чтобы мой поверенный побыстрее управился со всеми вашими делами, – поддержал ее рвение лорд Боро.

Часть третья
«Весьма тяжелое и опасное время»

Глава 7 1533–1534 годы

Вернувшись в Киртон, который показался ей совсем пустым, Кэтрин задумалась: что же ей теперь делать? Дядя Уильям написал, что в Рай-Хаусе ее ждут и всегда будут рады принять. Там жили тетя Мэри и их младшая дочь Марджери, еще не выданная замуж. Но Рай-Хаус уже не тот, каким был в те времена, когда кишел детьми и мать была жива. Кэтрин подумала, не поехать ли ей в какой-нибудь из доставшихся в приданое домов, где она могла бы жить независимо, но ни в Кенте, ни в Эссексе, ни в Суррее она никого не знала, а перспектива прозябать в одиночестве ей не улыбалась. Однако у нее имелись родственники на севере.

Три года назад отца Катберта назначили епископом Дарема, и еще он занял пост президента Совета Северных графств. Время от времени они переписывались; его послания были полны новостей, хотя Кэтрин заметила, что отец Катберт никогда не упоминает о Великом деле короля. Хорошо зная его, она подозревала, что добрый священник пригнул голову и держится подальше от эпицентра событий, не желая участвовать в них или навлекать на себя гнев монарха. Теперь, когда Кэтрин написала отцу Катберту о постигших ее несчастьях, он предложил ей поехать к одной общей для нее и Эдварда дальней родственнице.

Леди Стрикленд три раза овдовела. Она была замужем за сэром Уолтером Стриклендом, Вашим родственником, который умер пять лет назад. Потом вышла за младшего сына прежнего лорда Боро Генри, но тот умер меньше чем через год после свадьбы, а ее третий муж, которого, кажется, звали Дарси, почил в прошлом году. Недавно я видел ее, когда мне случилось поехать в Кендал. Она живет недалеко от замка Сайзерг в Уэстморленде и во время нашего теплого разговора призналась, что ей одиноко. Вы составите отличную компанию друг другу. Если хотите, я напишу ей и предложу, чтобы Вы приехали к ней жить на какое-то время. Сайзерг – отличный дом с прекрасным садом, и леди Стрикленд очень милая женщина. Я уверен, это поможет Вам оправиться.

Чем дальше Кэтрин думала об этом, тем более привлекательной становилась для нее идея отправиться в Сайзерг. Леди Стрикленд, похоже, была идеальной компаньонкой, и в ее обществе печальные воспоминания ослабят хватку. Кэтрин согласилась на предложение отца Катберта и написала ему, а потом очень обрадовалась, получив послание от самой леди Стрикленд, в котором та говорила, что будет счастлива видеть Кэтрин в своем доме и примет ее как родную.

На сердце у Кэтрин полегчало. Она приказала паковать вещи. Печалила ее лишь необходимость оставить безотказную Элинор. Лорд Боро приказал ей отныне служить Элизабет Оуэн.

В тот день, когда к дому подъехали конные носилки, которые увезут ее из Киртона навсегда, Кэтрин обошла дом, в каждой комнате вспоминая Эдварда, и наконец всплакнула о нем. Трудно было оставить его в прошлом и отпустить из своего сердца, но нужно смотреть в будущее.

Поездка заняла целую неделю. Кэтрин и ее эскорт, миновав Йоркшир и Пеннинские холмы, попали в более дикую и малонаселенную местность. Небо широко простиралось у них над головой, а перед глазами открывались восхитительные пейзажи.

Замок Сайзерг прочно стоял на плоской равнине в окружении мягко очерченных холмов. Четырехъярусная башня и примыкающее к ней здание были сложены из древних серых камней, сильно выветрившихся. Замок был больше и внушительнее, чем Гейнсборо или Рай-Хаус. Кэтрин затрепетала от радости, увидев, что вокруг него разбит прекрасный сад. Ей будет очень хорошо здесь.

Навстречу гостям вышла леди Стрикленд – милостивая женщина лет тридцати пяти, с кудрявыми золотистыми волосами, которые выбивались из-под ее французского капора. На ней было черное платье из добротной материи, а на шее висела камешка *memento mori*⁴ с изображением черепа. Однако с виду эта дама вовсе не казалась скорбящей вдовой.

– Мистресс Бург, моя дорогая, как приятно видеть вас. Добро пожаловать в Сайзерг!

Кэтрин спустилась из носилок и обняла хозяйку замка, а та в ответ поцеловала ее в щеку и провела через крыльцо в холл. Там, выстроившись в ряд, ждали дети. Кэтрин насчитала девяти: три мальчика и шесть девочек; все они выглядели неумными и озорными. В них совершенно не чувствовалось сдержанности, присущей детям Бургов. Как только всех детей представили и леди Стрикленд отпустила их играть, они бросились врассыпную, смеясь и толкаясь. Потом хозяйка пригласила Кэтрин сесть вместе с ней за полированный стол; управляющий принес им вина и маленьких пирожных. Кэтрин сразу полюбилась ее новая компаньонка. Эта женщина умела соперничать, обладала мудростью и остроумием, она была из тех редких натур, которым сразу хочется доверить все свои сердечные тайны.

После того как они поели, леди Стрикленд повела Кэтрин в приготовленную для нее спальню, расположенную в башне.

– Замок старый. Думаю, ему лет двести. Я управляю им, пока мой старший сын Уолтер не достигнет совершеннолетия – это случится в следующем году, – но мы с ним договорились, что я и дальше буду жить здесь. К счастью, все мои мужья оставили деньги на приданое дочерям, хотя найти подходящую партию непросто, могу вам сказать. Но торопиться некуда. Вот мы и пришли.

Она открыла тяжелую дубовую дверь, и Кэтрин вошла в большую светлую комнату с тремя окнами в форме трилистника, устроенными в алькове. Тут стояла дубовая кровать под балдахин с зелеными дамастовыми занавесками, на полу лежал турецкий ковер, а у очага помещалось кресло с высокой спинкой. Явилась горничная с тазом, кувшином для умывания и полотенцем из голландского полотна; все это она поставила на сундук под окном.

– Уборная там, – сказала леди Стрикленд, указывая на дверь в углу. – Если вам что-нибудь понадобится, позвоните.

На каминной полке стоял маленький ручной колокольчик.

– Превосходно, – отозвалась Кэтрин. – Вы очень добры.

– Можете жить здесь сколько хотите, – с улыбкой отозвалась леди Стрикленд. – Я буду рада вашему обществу.

Кэтрин жилось замечательно. В часы досуга она читала хозяйские книги, с удовольствием проводила время на винокурне, где для развлечения готовила духи и варенья. Леди Стрикленд – Кэт, как теперь называла ее Кэтрин, – без конца уговаривала гостью остаться у нее. В благодарность та тратила немало времени на обучение дочерей хозяйки, вспоминая заветы матери, считавшей крайне важным давать образование девочкам. У мальчиков – Уолтера, Томаса и Роджера – был учитель, но он противился тому, чтобы их сестры тоже посещали уроки. Кэтрин не одобряла его методы, так как этот наставник принуждал своих учеников к скучной зубрежке, и постаралась сделать так, чтобы в противовес ему девочки – Элизабет, Анна, Мэри и Агнес Стрикленд – занимались с удовольствием. Младшие – Анна Бург и Фрэнсис Дарси – были еще слишком малы для учебы, но всегда принимали участие в общих играх. Это был счастливый дом, он вызывал у Кэтрин пронзительно сладкие воспоминания о Рай-Хаусе.

Анна написала ей, что благодаря влиянию дяди Уильяма ее назначили фрейлиной к королеве Анне. Екатерина отпустила ее, дав свое благословение; она, несомненно, понимала, почему родные хотели, чтобы Анна удалилась от нее.

⁴ Помни о смерти (*лат.*).

В следующем послании подробно описывалась коронация новой королевы и прекрасные платья, которые получили фрейлины.

Я сама чувствовала себя королевой. В процессии я видела твоего ужасного лорда Боро, который нес шлейф ее милости. Он был одет в парадное платье и мантию из белой ткани с горностаевым подбоем и выглядел по-королевски, как и она.

Отец Катберт тоже присутствовал на коронации, но не так торжествовал.

Толпа стояла молча, когда мы проходили, и я ощущал исходящую от людей враждебность. Некоторые отпускали замечания по поводу неуместности девичьего белого платья, когда женщина на шестом месяце беременности. Я видел лорда Боро, который очень кичится собой. При дворе ходят слухи, будто король обругал его за то, что он забрал барку бывшей королевы и сжег ее герб.

Кэтрин легко могла представить лорда Боро за этими занятиями.

Было ясно, что Анна восхищается новой королевой и стала яркой сторонницей религиозных реформ. Кэтрин не обсуждала это с Кэт, так как та держалась старых взглядов. В часовне Сайзерга с высокими балочными потолками никогда не зазвучит чтение Библии на английском языке, если это будет зависеть от хозяйки замка. Так что лучше не затевать с ней споров о религии. Для Кэт тут и спорить было не о чем, но Кэтрин, глаза которой раскрыл не кто иной, как лорд Боро, начинала задумываться: а правильна ли старая вера? Тем не менее она всегда корила себя за такие кошунственные мысли.

Месяцы пролетали быстро, как бывает всегда, когда человек наслаждается жизнью. Две женщины каждый день катались на лошадях. Иногда охотились с соколами. Однажды летним полднем они поехали в замок Кендал, принадлежавший предкам Кэтрин; он стоял на возвышенности, откуда открывался вид на город. Это была настоящая крепость с башнями на углах и толстыми стенами, заросшими плющом, отчего все здание имело заброшенный вид. Женщины пешком поднялись на холм, потому что Кэтрин хотела зайти внутрь, но ворота оказались запертыми.

– Только подумайте, я могла бы родиться здесь или расти, – задумчиво проговорила она.

Кендал находился очень далеко от дома, в монастыре Черных Братьев, где теперь хозяйничал Уилл.

– Я бы предпочла не заходить внутрь, – сказала Кэт, скривив лицо. – Там, вероятно, все в запустении и страшно.

– Тем лучше! – рассмеялась Кэтрин и побежала вниз с холма. Как здорово быть молодой, незамужней, беззаботной и жить так, как тебе нравится, ни от кого не завися.

Они отвязали лошадей и поехали в Кендал, где поглазели на разложенные в лавках товары и зашли в приходскую церковь: там были похоронены дед Кэтрин, сэр Уильям Парр, и некоторые другие ее предки. Потом женщины вернулись в Сайзерг, поужинали с детьми и мирно провели вечер за вышиванием и разговорами.

Приближалась зима. С океана дули холодные ветры, окрестные горы заволакивало осенними туманами. Дожди шли каждый день.

Кэтрин провела в Сайзерге пять месяцев, когда пришло письмо от отца Катберта. Тот интересовался, не подумывает ли Кэтрин о том, чтобы снова выйти замуж, потому что он знает одного джентльмена, который мог бы ей понравиться. Это был троюродный брат ее отца Джон Невилл, барон Латимер, один из членов Совета Севера. Во время их последней встречи лорд Латимер обмолвился, что ищет себе супругу.

Он сказал мне, что ему нужна компаньонка для себя и мать для его детей, так как сам лорд часто бывает в отъезде – на сессиях парламента или на заседаниях Совета. Ему сорок лет, он родственник Вам и леди Стрикленд. Живет в замке Снейп в Северном округе Йоркшира

и происходит из знаменитого дома Невиллов. Это редкая удача, дитя мое. Милорд Латимер – человек честный, и я рад порекомендовать его Вам, если у Вас есть желание выйти замуж.

Кэтрин села, молча уставилась на письмо и глубоко задумалась. Она колебалась. Хочется ли ей снова замуж? Ей больше хотелось остаться здесь. Но сколько еще позволительно пользоваться гостеприимством Кэт? Может наступить момент, когда она начнет злоупотреблять им, хотя сейчас в это верилось с трудом. Однако необходимо принять в расчет и другие соображения. К этому моменту Кэтрин уже поняла, что доходов от ее приданого с избытком хватает для одного человека, живущего в гостях у кого-то, но они не позволят ей поддерживать столь же высокий уровень жизни, если она уедет в один из своих домов, полученных в приданое, и начнет самостоятельно вести хозяйство, что ее ничуть не привлекало.

Но тут появляется этот лорд – состоятельный барон, который почти в два раза старше ее, и предлагает ей новую жизнь в качестве хозяйки замка, комфорт и уважение до конца дней. Что же ей делать?

Просидев в раздумьях довольно долго, Кэтрин решила посоветоваться с Кэт и показала ей письмо отца Катберта.

– Я его знаю, – с улыбкой сказала леди Стрикленд. – Хороший человек, заботливый. Это стоящая партия. Мне будет жаль расставаться с вами, Кэтрин, но я не стану помехой столь выгодному браку.

Кэтрин задумалась, не рассчитывала ли леди Стрикленд оставить ее в Сайзерге навечно. Несмотря на возникшие сомнения, она верила, что Кэт принимает ее интересы близко к сердцу.

– Я не могу решиться, – сказала Кэтрин.

– Напишите епископу, что его предложение заинтересовало вас, но вы хотели бы познакомиться с лордом Латимером, прежде чем принимать окончательное решение. Скажите, что я с радостью приму его в Сайзерге как своего гостя. До Снейпа отсюда не больше пятидесяти миль.

– Спасибо вам, – поблагодарила Кэтрин. – Это пока наилучший выход.

Она написала не только отцу Катберту, но и дяде Уильяму, который прислал восторженный ответ:

Невиллы – самая старая, могущественная и знаменитая семья на Севере. Они всегда были благосклонны к Паррам. В наши дни они представляют давнюю традицию службы королю, тогда как мы в ней люди новые. Я призываю Вас серьезно обдумать этот брак.

Лорд прибыл в Сайзерг морозным ноябрьским днем. Кэтрин и Кэт встречали его на крыльце. Кэтрин по-прежнему ходила в черном в память об Эдварде, однако платье ее было из бархата, а капор украшен жемчугом.

Его светлость приветствовал женщин в грубовато-добродушной манере, при этом невыразительное загорелое лицо гостя расплылось в улыбке. Говорил он с заметным северным акцентом, держался с большим достоинством, которое облекало его фигуру так же хорошо, как и костюм для верховой езды – неброский, но превосходного качества.

По распоряжению Кэт слуги приготовили отличный обед из оленины и зайчатины. Во время застольной беседы Кэтрин выяснила, что лорд Латимер – прямодушный йоркширец. В нем не было ни капли притворства; говорил он откровенно, ничего не утаивая и не лукавя.

– Я не люблю двор. Мне нравится вести тихую жизнь в Йоркшире, Божьем краю. Занимаюсь здесь своими делами, управляю поместьями и присматриваю за арендаторами. У меня нет интереса к этим новым религиозным идеям. Господа я почитаю так, как делали мои предки. С меня этого довольно.

Он как будто выкладывал карты на стол. Вот я какой. Берите меня или оставьте в покое.

– Я никогда не бывала при дворе, – призналась Кэтрин, – но мои родные служат там. А я вполне довольна жизнью в деревне.

– Ничто не доставляет ей большей радости, чем езда на лошади, – вставила леди Стрикленд, подавая знак слуге, чтобы тот принес еще вина.

Лорд Латимер улыбнулся:

– Такая женщина мне по душе! Я бывал при дворе. Служил королю в качестве одного из членов его личной стражи. Чтобы туда попасть, нужно быть таким же высоким, как я. Когда мне было двадцать, я служил в армии и участвовал во взятии королем Турне. После этого он возвел меня в рыцари. Он человек прямой, король Хэл⁵, и я любил его, но, когда началось его Великое дело о расторжении брака, решил, что мне лучше в Йоркшире. С тех пор я редко появлялся при дворе. Не хотел в этом участвовать. Когда меня попросили подписать петицию к папе с просьбой дать королю развод, я просто сделал это.

– Вероятно, разумнее всего было поступить именно так, – заметила Кэт.

– И безопаснее. – Лорд Латимер положил себе еще оленины. – Я не одобряю лютеранство и евангелизм, но видел много суеверных глупостей. Вы слышали когда-нибудь о Святой Деве Леоминстера? Нет? Ну так вот, кардинал Уолси поручил мне разобраться с этим делом. Женщина жила в крошечной каморке на чердаке над алтарем в приорате Леоминстера. Она провела там много лет, потому что настоятель был убежден, будто ее послал к ним сам Господь. Люди говорили, она такая святая, что ей не нужно ни есть, ни пить. Питалась она только пищей ангелов, как сама называла это, – облатками, которые используют на мессах. И мы получали сообщения, будто они сами летят к ней наверх из алтаря во время службы. Старый кардинал, да упокоит Господь его душу, решил выяснить, действительно ли она святая. Он приказал обыскать ее каморку на чердаке. И что, вы думаете, мы там нашли? – Лорд Латимер перевел взгляд с Кэт на Кэтрин. – Кости от мяса под постелью и нить, достаточно длинную, чтобы спустить ее до алтаря, просунутую под неприколоченную доску в полу.

– Что теперь с этой женщиной? – спросила Кэтрин.

– Ей велели покинуть монастырь. Оказалось, что настоятель держал ее там как свою любовницу. Их обоих осудили на публичное покаяние.

– Я часто задумываюсь, правду ли говорят люди о чудесах, которые будто бы случаются в святых местах, – сказала Кэтрин.

– О, я уверен, по большей части это правда, – ответил лорд Латимер. – Если одно чудо оказалось фальшивым, это не значит, что все другие тоже обман. Потому старик Уолси и хотел вырвать эту заразу с корнем.

Подали большой пирог с яблоками. Лорд Латимер превозносил его вкус до небес. Закончив обед, они втроем сели у камина и продолжили беседу. Наступали сумерки. Кэтрин почувствовала, что проникается симпатией к гостю. Он не был красавцем, но в лице его читалась доброта, а в нем самом ощущалась цельность натуры.

Наконец Кэт поднялась.

– Пойду распоряджусь насчет ужина. А вы пока налейте себе еще вина. – Она указала на бутылку, стоящую на приступке у камина.

Кэтрин подозревала, что хозяйка намеренно оставляет их наедине. Сидела молча и ждала, что скажет лорд Латимер. В конце концов они оба понимали, ради чего он приехал.

– Епископ Танстолл сообщил вам, что я дважды вдовец?

– Да. – Кэтрин улыбнулась.

– Моей первой женой была сестра графа Оксфорда. Она родила мне двоих детей – Джона, моего наследника, ему тринадцать, и Маргарет, ей восемь. Миледи умерла шесть лет назад, и я не могу сказать, что не тосковал по ней. Моя вторая жена была хорошая женщина, но она скончалась, не прошло и двух лет с нашей свадьбы. Последние три года я живу один, и моим детям нужна мать. Но это не единственная причина, почему я хочу жениться. Я одинок. Мне

⁵ В Англии XVI в. уменьшительно-ласкательная форма имени Генри.

нужна подруга и спутница жизни. Слова епископа Танстолла, когда он пел вам хвалы, понравились мне, и теперь, поговорив с вами, я вижу, что вы спокойны и рассудительны, манеры у вас приятные, и вы не из трусливых. Вы выйдете за меня замуж, мистресс Бург?

Предложение не застало Кэтрин врасплох, хотя и прозвучало внезапно. Ответ был у нее наготове. Мысленно извинившись перед тенью Эдварда, который умер всего шесть месяцев назад, она улыбнулась своему ухажеру:

– Как только закончится траур, милорд, я с радостью приму ваше предложение.

В качестве ответа лорд Латимер встал, поднял Кэтрин на ноги и поцеловал, чем изрядно ее напугал. Это был поцелуй мужчины, и от неожиданности она растерялась, осознав за какие-то мгновения, как молод, неопытен – и не склонен к физической близости с ней – был Эдвард.

Лорд Латимер отстранился и взял ее за руки. Некоторое время они стояли, глядя друг на друга.

– У нас будет хороший брак, – сказал он.

Глава 8 *1534–1535 годы*

Кэтрин настояла, чтобы они подождали, пока пройдет год траура, прежде чем устраивать свадьбу. Церемонию решили провести в Снейпе, и Кэт очень сердечно упросила Кэтрин до тех пор пожить у нее.

– Я буду по вам скучать. Мне так приятно ваше общество.

У Кэтрин отлегло от сердца: значит, она не в тягость хозяйке и не засиделась в доме нежеланной более гостьей. Остаться в Сайзерге еще на какое-то время – для нее большая радость. Есть места гораздо хуже, где можно было бы провести время траура.

Когда наступила весна, Кэтрин убрала свои черные платья, эти осязаемые напоминания об Эдварде, и с удовольствием снова стала носить цветные. Ее переписка с лордом Латимером не прекращалась, и теперь она сообщила ему, что будет счастлива, если он начнет подготовку к свадьбе. Ей самой нужно было лишь заказать подвенечное платье у портного Кэт. Кэтрин выбрала свой любимый малиновый цвет и легкую серебрящуюся ткань.

Кэт собиралась ехать в Снейп и помогать Кэтрин во время свадьбы. В Сайзерг была вызвана опытная тетушка – присматривать за детьми в отсутствие хозяйки. В начале июня женщины отправились в пятидесятимильную поездку через Пеннинские холмы в замок Снейп. По дороге они любовались замечательными видами гористого Лейкленда, вересковыми пустошами и горными долинами Йоркшира, потом ехали через Ричмондшир. В дороге Кэтрин вспоминала прошлое и перелистывала в памяти главы своей жизни: монастырь Черных Братьев, Рай-Хаус, Гейнсборо, Киртон и Сайзерг. Теперь она открывала новую, а ведь ей нет еще и двадцати двух лет.

Ее глаза широко раскрылись, когда она увидела впереди замок Снейп, приютившийся среди зеленой долины. Кэтрин не ожидала, что тот окажется таким впечатляющим и величественным. Он был больше всех прочих домов, где ей довелось жить, даже Сайзерга; его зубчатые стены были сложены из такого же серого камня, но, вероятно, возрастом он уступал замку Кэт. У Невиллов имелись средства, и в давние времена они строили мощные крепости для защиты своих владений и контроля над севером страны. Тем не менее Снейп выглядел прочным и уютным домом, а не цитаделью. Это было тихое место; ощущение царящего здесь покоя усиливалось видом мирно пасущихся на полях овец.

Лорд Латимер тепло приветствовал их и по старинному обычаю поцеловал Кэтрин в губы.

– Добро пожаловать, мистресс Бург! Я очень рад видеть вас, и вас, леди Стрикленд! Позвольте представить вам моих детей. Это Джон, хотя мы зовем его Джек. – Он подтолкнул вперед хмурого мальчика с копной непокорных черных волос, который изобразил вялый намек на поклон и не улыбнулся.

Кэтрин постаралась отнестись к нему снисходительно. Наверняка это нелегко, когда в твою жизнь вторгается новая мачеха, особенно если мальчик любил свою мать.

Кэтрин повернулась к его сестре Маргарет, чудной девочке с пушистыми золотистыми кудряшками и ангельским личиком. Маргарет едва не приплясывала от восторга от встречи с ней и порывисто обхватила гостью руками, когда та наклонилась ее поцеловать. Этого ребенка будет легко полюбить.

Лорд Латимер показал им замок. Слушая его бесхитростные речи и вновь ощущая спокойную силу и уверенность этого человека, Кэтрин почувствовала симпатию к нему, как раньше, и испытала благодарность к отцу Катберту за то, что тот нашел ей такого прекрасного мужа. Скоро она станет баронессой Латимер, аристократкой. «И это хорошо», – рассуждала про себя Кэтрин. Мать гордилась бы ею.

Хозяин замка указал на несколько разноцветных плиток, вмазанных в оштукатуренную стену над арочным дверным проемом:

– Они очень старые. Садовник случайно наткнулся на них, копая землю. Там ими выложен целый пол, но большая часть битые. Мы спасли эти и прилепили их туда. Еще там было несколько старых горшков и статуя. Наш священник полагает, что они, вероятно, сохранились со времен римлян. Насколько я могу судить, он, скорее всего, прав. – Лорд Латимер повел их наверх по изогнутой лестнице. – На этом месте люди жили, наверное, много столетий. Мы, Невиллы, получили Снейп по браку.

Они поднялись на верхний ярус башни. Кэтрин осматривалась и думала, что все здесь нуждается в женской руке. Она переглянулась с Кэт, заметив слой пыли на буфете. Но в целом это был прекрасный дом, и его можно вернуть к жизни, не прикладывая чрезмерных усилий. Когда лорд Латимер подвел Кэтрин к окну комнаты, расположенной в башне, она выглянула наружу и увидела лесистый охотничий парк и великолепный пейзаж, тянувшийся вширь и вдаль на многие мили. Место было замечательное. У нее руки зачесались поскорее взяться за дело и привести дом в надлежащий вид.

Когда они вернулись в главную гостиную и слуги принесли пышный мясной пирог и большой кусок жареного мяса, лорд Латимер попросил, чтобы Кэтрин села за столом напротив него, как будущая хозяйка дома.

– Я рад видеть вас здесь, любимая, – сказал он, – и прошу вас, зовите меня Джоном.

Кэтрин и Джон обвенчались на следующий день в часовне замка. Церемония была простая, на ней присутствовали только двое детей, несколько местных джентри и домашние слуги. Платье невесты переливалось в лучах солнца, бывшего в высокие окна. После долгих и настойчивых просьб Маргарет позволили исполнять роль подружки невесты, а Джек оставался безучастно-молчаливым и угрюмым.

Когда священник произнес последнее благословение, Джон поцеловал Кэтрин, и снова их обоих охватила дрожь. Держа руку жены высоко, хозяин дома спустился вместе с ней в холл под общие аплодисменты, а слуги быстро принесли блюда с едой на столы, накрытые для свадебного пира, который продолжался до вечера. Потом гости разошлись по домам. Джон ясно дал понять, что церемонии укладывания молодых в постель не будет. Когда они наконец остались одни в огромной спальне, он налил им обоим вина, сел вместе с Кэтрин у камина и принялся вспоминать прошедший день.

– Редкостное зрелище являли вы в своем прекрасном платье, – сделал муж комплимент Кэтрин. – Ну что, жена, допивайте свое вино, пора в постель. – Он встал и протянул ей руку.

С Джоном все было совершенно иначе. Никакого замешательства, никаких отчаянных попыток обрести твердость, никаких проб и ошибок. Он был полон желания и не терял времени. Позже той же ночью они слились в объятиях более неторопливо, и Кэтрин уснула, думая, что после этого наверняка забеременеет. Утром муж снова предъявил свои права на нее. Им было легко друг с другом, и оба испытывали наслаждение, становясь единым телом. «Вот таким должен быть брак», – подумала Кэтрин и пожалела бедного Эдварда, который просто не был создан для этого.

Ей доставляло большое удовольствие слышать обращение к себе «миледи» или «миледи Латимер». Приятно было иметь титул и жить в замке с мужем, который обладал положением в обществе и позволял ей свободно распоряжаться в доме. А там многое нужно было сделать. Начала Кэтрин с того, что уволила управляющего за леность, а на его место назначила Уолтера Роулинсона, эконома Джона, человека преданного и неутомимого. С помощью нового управляющего и его жены Бесс Кэтрин быстро привела в чувство слуг, которые, как она и боялась, распустились в отсутствие хозяйки. Приступили к спешной уборке: все взялись вытирать пыль, мести, мыть, скрести, натирать полы, полировать посуду, выколачивать ковры. Кэтрин сама

надела передник и трудилась вместе со всеми; так же поступила и малышка Маргарет, которой очень хотелось быть помощницей. Скоро все в замке заблестело, по дому носились запахи воска, сухих трав и свежих цветов из сада, на кухне царил безупречная чистота.

Джона впечатлили достигнутые успехи.

– Никогда не видел этот старый дом в таком прекрасном состоянии. Вы чудо, Кейт. И вы тоже, леди Стрикленд. Я очень благодарен вам за помощь.

– Я многому научилась от Кэт в деле управления домашним хозяйством, – с улыбкой сказала Кэтрин. – Вы видели Сайзерг и как там все исправно устроено. Я взяла пример с него.

Кэтрин побаивалась, что окажется в изоляции в Снейпе и ее существование здесь будет слишком тихим, а потому изрядно удивилась, обнаружив себя в центре бурной общественной жизни. У нее имелись родственники, до которых легко было добраться верхом, сами они тоже приезжали в гости и приглашали к себе. Джон был дружен с большинством местных джентри, которые время от времени заглядывали в Снейп и принимали у себя. Часто устраивались пиры и выезды на охоту, а прекрасные широкие долины Йоркшира давали Кэтрин массу возможностей для удовлетворения страсти к верховой езде. В десяти милях от Снейпа находился городок Рипон, и Кэтрин регулярно навещала туда за покупками, а также молилась в древнем соборе. Иногда Джон брал ее с собой в Йорк, до которого был день пути, и они останавливались там в его доме. Кэтрин нравился этот город с его старым кафедральным собором, деловой суетой и величественными общественными зданиями; ей приятно было внимание и уважение со стороны знатных горожан.

Она с удовольствием свела бы знакомство с многочисленными братьями и сестрами Джона, но все они имели свои семьи и жили в отдаленных частях королевства. У Кэтрин создалось впечатление, что Латимеры не слишком дружная семья и между ними существовали какие-то распри, но совать нос в эти дела ей не хотелось. Однако сам Джон часто упоминал о своем брате Мармадьоке, жившем в Эссексе, и было ясно, что они привязаны друг к другу.

С позволения Джона Кэтрин занялась образованием Маргарет, желая развить в своей приемной дочери любовь к учению и присмотреть за тем, как она соблюдает религиозные обряды. В то время как упрямый Джек страдал за уроками, которые давал ему учитель, мужчина со строгим лицом, не упускавший случая вколотить в своего подопечного очередную порцию знаний, Маргарет расцветала за партой; одно удовольствие было наблюдать за ее успехами в учебе. Это была счастливая, старательная девочка, ее солнечная натура принимала все хорошее в жизни. Сговорчивая и услужливая, она получала удовольствие от всего. Скоро стало ясно, что Маргарет полюбила мачеху до обожания, так как она буквально ходила за ней хвостом.

Джек же отличался от сестры во всем. Он был угрюм, обидчив, лжив и подвержен вспышкам неистового гнева. Кэтрин никогда еще не приходилось иметь дела с таким трудным ребенком, хотя, честно говоря, в четырнадцать лет этот юноша уже входил в пору мужественности. Никогда нельзя было понять, в каких вы с ним отношениях в данный момент. Он решительно отвергал все попытки Кэтрин управлять им или как-то позаботиться о нем. Она приписывала эту строптивость тому, что мальчик в детстве остался без матери, и понимала: он считает ее незваной гостьей. К тому же ей казалось, что Джек видит: ее любимица – Маргарет. Да, его сестру очень легко было принять в свое сердце. Джека Кэтрин тоже одарила бы любовью, если бы он ей это позволил. Сдаваться она не собиралась.

Они с Джоном были женаты пять месяцев, когда он предложил ей поехать с ним в Лондон.

– Мне нужно показаться в парламенте. Это будет разумно.

До Снейпа дошли вести, что король порвал с папой и объявлен верховным главой Церкви Англии во Христе. Джон не одобрил это и очень расстроился, услышав разговоры, что, когда

потребуется, все должны будут дать клятву, признавая новый титул короля и маленькую принцессу Елизавету, не оказавшуюся долгожданным принцем, – его наследницей.

– Это неправильно, – прорычал Джон, выезжая вместе с Кэтрин осматривать фермы. – Только папа может быть главой Церкви, как заповедал наш Господь.

– Но вы дадите клятву? – настойчиво спросила Кэтрин. – Это будет самым мудрым шагом.

Джон похлопал ее по руке:

– Я не дурак, и я дам клятву.

– Господь увидит, что у вас на сердце, – поддержала она мужа.

Кэтрин знала, что Джон сдержит слово. У него были основательные причины для стремления сохранить хорошее отношение к себе короля. Это выяснилось случайно. Однажды она нашла в замковой библиотеке печатную книгу под названием «Замок удовольствий», написанную неким Уильямом Невиллом. Радуюсь любой попадавшей в руки книге, Кэтрин прочла и эту. В ней была странная сказка в стихах о человеке по имени Желание, которого Морфей, бог сновидений, отвел в удивительный замок, где в прекраснейшем саду он встретился с дамой по имени Красота и признался ей в любви. Очнувшись от этого идиллического сна, он стал сетовать на непостоянство человеческих отношений.

В тот вечер Кэтрин спросила мужа, читал ли он эту книгу.

– Эту! – буркнул он. – Нет, я ее не читал. У меня нет времени на такие глупости. Ее написал мой брат Уильям, и что это принесло ему? У него голова забита всевозможными фантазиями. – Джон замялся. – Кейт, я должен вам кое-что рассказать. В позапрошлом году Уильяма обвинили в измене.

Кэтрин ахнула.

– За что?

– На него донесли, будто он советовался с тремя колдунами, которые предсказали смерть короля и мою. – Джон пожал плечами, выражая тем свое отношение к абсурдности этих обвинений. – Бог знает, что за безумие на него нашло. Я могу понять его желание получить после меня наследство, хотя мне горько думать, что он готов убить меня ради этого. Замышлять братоубийство – негодное дело, но иметь умысел на смерть короля – это уже сумасшествие. – Он покачал головой. – Но, может быть, Уильям и правда помешался, потому как выяснилось, что он хотел стать графом Уориком⁶, зачем – этого мне никогда не постичь. Потом, будто этого мало, чтобы заслужить виселицу, он занялся колдовством. Даже пытался сделать себе накидку-невидимку. Это подтвердил его духовник. Меня самого допрашивали в Тайном совете, хотя я слыхом не слыхивал о делах брата. наших братьев Джорджа и Кристофера тоже вызывали. Не то чтобы я сильно переживал за них – можете представить, после смерти отца они потащили меня в суд! Заявили, будто я присвоил собственность, по праву принадлежавшую им. Но это неправда, хотя какая разница! Вот какова братская любовь. – Джон встал и налил себе кубок вина. – В любом случае, провидением Господа, я не попал под подозрение и Уильяма отпустили, так как ни одно из обвинений против него не смогли доказать и решили, что он стал жертвой оговора. Но я не уверен. Уильям достаточно глуп, чтобы сделать то, в чем его обвиняли. Разумеется, все это уничтожило его. Он обеднел, оплачивая счета адвокатов, а ведь у него есть семья, которую нужно содержать. – Джон раздраженно вздохнул.

– Почему вы не рассказывали мне об этом раньше?

Он искоса глянул на жену:

⁶ *Граф Уорик* – один из старейших графских титулов в Англии и Великобритании; обладание им в Средние века сочеталось с владением Уорикским замком. Наиболее известный из носителей титула – Ричард Невилл (ум. 1471), получивший во времена Войны Алой и Белой розы прозвище Делатель королей.

– Я думал, это может вас отпугнуть. Простите, я должен был быть честен с вами. – Мгновение он смотрел на Кэтрин. – Это что-то изменило бы?

Она покачала головой:

– Вовсе нет.

Ее тронуло, что Джон, судя по выражению лица, испытал благодарность к ней.

Поездка в Лондон оказалась долгой, и Кэтрин вздохнула с облегчением, когда они наконец добрались до дома Джона на Чартерхаус-сквер. Она устала от постоянных дворов и монастырских гостевых домов, от тряски на ухабистых дорогах в носилках, куда сквозь щелки между кожаными шторками задувал холодный ветер. По крайней мере, дети были избавлены от таких лишений; их отправили в Сайзерг к Кэт. А Кэтрин и Джон по пути заехали в Рай-Хаус, где их гостеприимно встретила тетя Мэри. После Сайзерга и Снейпа дом показался Кэтрин маленьким, но было приятно вернуться сюда, несмотря на жгучие воспоминания о минувших годах счастливого детства, которые больше не вернутся.

Резиденция Джона в Лондоне располагалась недалеко от церкви Святого Жилия у ворот Крипплгейт, за старой городской стеной и барбиканом. Два года назад Джон арендовал дом у аббата из Першора. Это было красивое здание, составлявшее часть выстроенных квадратом строений, обрамлявших большой и ухоженный луг. На другой его стороне располагался Чартерхаус, Лондонский картезианский монастырь.

– Под этим лугом – ямы, в которых хоронили умерших во время чумы, – сказал Джон.

– Я предпочла бы не знать об этом, – скривившись, ответила Кэтрин.

– Не беспокойтесь, тела захоронены глубоко, и опасности распространения заразы нет.

Нескольких слуг послали вперед со строгими указаниями от Кэтрин подготовить дом в соответствии с высокими стандартами, которые теперь преобладали в Снейпе. Обходя свои владения, Кэтрин с удовольствием отмечала, что ее повеления выполнены. Она любовалась приемными залами, отделанными деревянными панелями с орнаментом в виде складчатой ткани, красивой столовой с видом на площадь и просторной кухней, которая могла похвастаться камином шириной около восьми футов. Приподняв юбки, Кэтрин спустилась в сводчатый кирпичный погреб, где хранились бочки с вином.

– На дома здесь большой спрос, – сказал Джон, когда они сели за обед, состоявший из куропаток и свинины. – Многие придворные чины живут по соседству. Рядом с нами – господин Леланд, королевский антиквар. До дворца Уайтхолл отсюда меньше часа пешего хода.

– Очень милый дом, – с энтузиазмом поддержала мужа Кэтрин, – и недалеко от дома Уилла в монастыре Черных Братьев. Нужно повидаться с ним, как только он сможет освободиться от своих обязанностей при дворе. И я бы хотела пригласить его и дядю Уильяма на обед.

– Приглашайте кого хотите, любимая, – сказал Джон.

Приятно было снова оказаться среди лондонской суеты, которую Кэтрин помнила с детства. Даже шум и запахи не могли испортить ей удовольствия от города. Когда Джон отправлялся в парламент или ко двору, Кэтрин бродила по улицам и рынкам, заглядывала в лавки ювелиров на Чипсайде или обходила собор Святого Павла, восхищаясь скульптурами и присматривая товары по сниженным ценам в лавках, выстроившихся вдоль стены нефы. Дома она тоже была счастлива, наслаждалась прекрасной обстановкой и любила налить себе вина после обеда и выпить его, сидя за хорошей книгой в уютной комнате, которую выбрала своей гостиной.

Джон был не так доволен. Пока Кэтрин слушала его сетования на министров короля и их политику, на невозможность получить аудиенцию у его величества и общую состоятельность придворной жизни, у нее создалось впечатление, что ее супруг обладает весьма незначительным влиянием при дворе и имеет очень мало добрых знакомых в Уайтхолле. Единственным, кто проявлял дружеские чувства к Джону, был йоркширец, сэр Уильям Фицуильям, дальний

родственник Невиллов. Если Джон рассчитывал снискать расположение короля и получить какие-то преференции, сэра Уильяма мог стать в этом деле хорошим союзником, так как был близок к его величеству и сэру Томасу Кромвелю, который уже довольно давно сменил кардинала Уолси на посту главного министра и обладал неограниченной властью.

Время шло, а надежды Джона не исполнялись, и Кэтрин увидела своего мужа в новом свете. Она поняла, что он нерешителен, а его суждения недостаточно обоснованны для человека, желающего занять высокий пост. Стремясь любыми способами избежать конфронтации, Джон шел на компромиссы, которые не удовлетворяли никого и меньше всего шли на пользу ему самому.

Однажды к ним на ужин пришел дядя Уильям. Кэтрин была счастлива видеть его после долгих лет разлуки. Она поделилась с дядюшкой своими тревогами за Джона, пока тот показывал Уиллу погреб. Как же приятно было видеть их обоих! Дядя Уильям выглядел как прежде, а Уилл, которому исполнился двадцать один год, превратился в высокого широкоплечего мужчину с рыжей бородкой. Придворный костюм смотрелся на нем весьма элегантно, и Кэтрин подумала: наверное, ее брат пользуется успехом у женщин. Кстати, он ни разу не обмолвился о своей жене, из чего она сделала вывод, что они до сих пор не живут вместе. «Все это довольно странно», – размышляла Кэтрин. Но больше ее беспокоил Джон.

– Я догадывался об этой проблеме, – сказал дядя Уильям, макая белый хлебец в соус. – Несколько раз я виделся с ним и разговаривал, спрашивал, как у него идут дела, но мне показалось, он сам не знает в точности, чего хочет.

– Он хочет быть в милости у короля после истории с его братом. – Кэтрин знала, как Джон переживает, не навлек ли на себя монаршее неудовольствие.

– Да, но для этого нужно горячо поддерживать идею верховенства короля, а также демонстрировать безусловную преданность и послушание его величеству. Если Джон претендует на пост при дворе или на государственной службе, он должен проявить способности к лидерству. У него много хороших качеств, но, боюсь, именно этого в нем нет. Скажите, он в Лондоне, потому что хочет здесь быть или просто думает, что так нужно? У меня создалось сильное впечатление, что он предпочел бы находиться у себя на Севере, управлять своими поместьями и держаться подальше от двора. Думаю, в его постоянных жалобах отражается невольное осознание того, что это чужая и враждебная для него среда обитания. Мой совет такой: дождаться, когда король закроет сессию парламента, а потом ехать домой и наслаждаться жизнью. Смеею предположить, что его величество давно уже позабыл об Уильяме Невилле.

Это был разумный совет, но, когда дядя Уильям попытался тактично внушить ту же мысль Джону, тот покачал головой:

– Мне нужно знать, в каких мы отношениях с королем.

Кэтрин положила ладонь на его руку:

– Вам не нужно беспокоиться об этом, супруг мой.

Ее слова ничего не изменили. Когда Джон не заседал в парламенте, он являлся ко двору и ждал там в толпе просителей, вытягивавших шеи, чтобы поймать взгляд короля, когда тот утром с процессией шел на мессу, и в конце концов получил уверение, которого ждал.

– Король улыбнулся мне! – возгласил Джон, влетая в дом. – Он повернул голову, посмотрел прямо на меня и улыбнулся.

Кэтрин ожидала продолжения – рассказа, что Джон получил аудиенцию и какую-нибудь большую милость, но нет, это было все. Он удостоился улыбки, ничего не стоившей королю. И тем не менее Джону этого хватило. Он был счастлив. Он мог вернуться домой и жить дальше своей жизнью, зная, что соверен благосклонно улыбнулся ему и не держит на него зла из-за опасной глупости его брата. Теперь он в безопасности.

Кэтрин выросла в семье, члены которой были движимы амбициями, и ее удивляло отсутствие таковых у супруга. Но все же он был хорошим человеком, владыкой в своем королевстве,

и относился к ней по-доброму. Могло ведь получиться и гораздо хуже. И она понимала, почему улыбки короля ему достаточно, чего никогда не смогли бы осмыслить дядя Уильям и Уилл.

Вскоре после того, как они покинули Лондон, Кэтрин получила письмо от отца Катберта.

Я надеялся встретиться с Вами в Лондоне, но, боюсь, обидел его величество сомнениями в королевском верховенстве над Церковью, и он приказал мне оставаться на Севере. Не беспокойтесь. Я попытался искупить свою вину, выказав готовность объяснить вдовствующей принцессе основания, по которым был аннулирован ее брак с королем, и я дам клятву, признавая верховенство, если меня попросят. Пока ничего не слышно о том, чтобы меня лишили епископства и прочих моих должностей. Но не волнуйтесь за меня, дитя мое. Я выразил открыто свое мнение для облегчения совести и надеюсь, король понимает, что в сердце своем я верен ему.

«Да, – подумала Кэтрин, – но нельзя служить двум господам». Людям приходится делать выбор между королем и папой. Для некоторых это становилось ужасной моральной дилеммой, ставившей под угрозу спасение души. Для других, вроде Джона, дяди Уильяма, Уилла и отца Катберта, здесь было больше прагматизма. Саму Кэтрин, так как она женщина, едва ли попросят давать клятву, но она сделает это, если потребуется. Она слышала слишком многое о необходимости реформ в Церкви, чтобы принимать ее догматы беспрекословно, как делала в детстве и юности. Кэтрин чувствовала себя сидящей на заборе: она была не в силах отринуть веру, которую воспитала в ней мать, и в то же время ее завораживали новые идеи, о которых она слышала на каждом шагу. Достаточно было взять любую брошюрку с лотков книгопродавцев у собора Святого Павла, да и Джон каждый день приходил домой и с ворчанием рассказывал о последних возмущениях против старой религии.

– Некоторые люди ратуют за то, чтобы статуи святых убрали из церквей, называя их резными истуканами, изображениями ложных идолов, – вещал он. – А кое-кто даже поклонение Распятию считает идолопоклонством. Вот что случается, когда люди сами читают Писание. Все королева Анна виновата. Она поощряет это, несмотря на запрет. И никто не смеет ей перечить. Король у нее под каблуком.

Втайне Кэтрин очень хотелось поговорить о религии с королевой Анной. Она подозревала, что у них может найтись много общего в этих вопросах. Джон пришел бы в ужас, обмолвись Кэтрин хотя бы словом о своих мыслях!

– Скоро мы окажемся далеко от всего этого, – утешала она мужа.

– Да, но эта зараза будет распространяться, пока не охватит все королевство, – со вздохом отвечал тот.

– Влияние двора не дотянется так далеко на Север, – говорила Кэтрин. – То, что происходит в Лондоне, не всегда сказывается на стране в целом. И влияние королевы может ослабнуть, если она не родит королю сына.

– Ш-ш-ш! – Джон испугался. – Это изменнические речи! – Он нервно огляделся. – Надеюсь, никто из слуг не слышал.

– Тут никого нет, – промолвила Кэтрин, надеясь, что это правда, и жалея о сказанном.

Честно говоря, ее утомил Лондон или скорее пребывание в Лондоне с Джоном. Он напоминал вылезшую из воды утку. Кэтрин ловила себя на том, что ждет не дождется возвращения в спокойный Йоркшир.

Оказавшись в Снейпе, Кэтрин решила снова попытать счастья с Джеком. Она написала Кэт, попросила у нее совета, и подруга настоятельно рекомендовала ей не уклоняться от проблемы. Кэтрин поняла, что настало время вплотную заняться образованием пасынка, развить его нравственно и исправить недостатки в характере. Отец и учитель, она знала, наказывали мальчика битьем, а потому защищала его при всякой возможности.

– Джек, посмотри на меня! – сказала Кэтрин, застав его валявшимся в стогу сена, когда он должен был писать эссе, и потащив парнишку обратно в замок. – Ты должен взяться за учебу. Образование – ключ к успеху и полноценной жизни. У тебя было много времени после обеда, чтобы написать эссе. Ты мог уже покончить с этим и был бы свободен. – Она вздохнула, видя, что ее слова не возымели никакого действия. – Ну?

– Я собирался сделать это вечером, – буркнул Джек. – Я уже написал кое-что.

– Покажи, я хочу взглянуть, – сказала Кэтрин.

– Вы не можете проверить меня! – вспыхнул он. – Не можете заставлять! Вы мне не мать! «Терпение», – приказала себе Кэтрин.

– Нет, и не рассчитываю занять ее место, но я переживаю за тебя, так как мы живем под одной крышей. Нам обоим будет лучше, если мы попытаемся не ссориться.

Джек только пожал плечами.

– Ты ведь ничего не написал, верно? – прямо спросила Кэтрин, когда они вошли в замок. Он не смотрел ей в глаза.

– Иди и выполни свой урок. Ты же не хочешь, чтобы тебя снова наказали. И, Джек, перестань обманывать. Это неумно, правда всегда открывается.

– Трахни себя в зад! – крикнул он, схватил вазу с цветами, которые собрала Кэтрин, и швырнул ее на каменный пол; она разбилась, мелкие осколки разлетелись во все стороны, а Кэтрин уставилась на них, шокированная руганью Джека и его грубой выходкой.

– Что случилось? – спросил Джон, вбегая в холл.

– Ничего, – ответила она. – Джек рассказывал мне о своем эссе, и я случайно опрокинула вазу. Такая глупость!

– Я позову слугу, – сказал Джон и быстро вышел.

Джек таращился на свою мачеху, щеки его пылали.

– Не смей больше делать ничего подобного или ругаться на меня! – прошипела Кэтрин.

– Да, – пробормотал он. – Простите.

Кэтрин остановилась на этом.

Вечером Джон присоединился к жене в ее гостиной за вечерней кружкой горячего ягодного эля.

– Вы действительно сами опрокинули вазу?

– Да, а что? – Ответ ее прозвучал фальшиво, впрочем, он и был ложью.

– Вам меня не обмануть, Кейт, я знаю своего сына. Он не желает делать то, что его заставляют, и я сомневаюсь, что он стал бы обсуждать это с вами. Полагаю, вы выговаривали ему за леность, а он в ответ разбил вазу. Я прав?

– Простите, я просто хотела защитить его и показать, что забочусь о нем, – призналась Кэтрин.

Джон хмыкнул и откинул голову на спинку кресла.

– Он доставляет мне много тревог, этот мальчик. Я не знаю, что с ним делать. Он обидчив, все воспринимает неправильно, отвергает все мои похвалы и, кажется, испытывает удовольствие от непослушания. Он считает, что грешить – это святое дело, и, если я его укоряю, говорит, что его друзьям сходят с рук вещи и похуже. Он срывается, не думая. Наказания, похоже, на него не действуют.

– Думаю, выход в том, чтобы обращаться с ним по-доброму, и я намерена поступать именно так. Может, он никогда меня не полюбит, но я добьюсь того, что он будет меня уважать.

– Ну желаю удачи! – сказал Джон, и слова его прозвучали так, будто он уже поставил крест на своем сыне.

– Ему всего четырнадцать, он еще достаточно юн, чтобы я успела сформировать его и внушить ему чувство ответственности.

Ее мягкий подход, кажется, начал приносить плоды. Она предпочитала пряник кнуту. Постоянно побуждала обоих детей любить учебу и достигать успехов в ней. Если ей приходилось делать им замечания, это всегда происходило с глазу на глаз. Кэтрин уважала достоинство детей, никогда не поднимала на них руку и упорно продолжила защищать Джека от дурных сторон его характера, даже когда застала за совсем негодным делом: прижав испуганную горничную к стене, он пытался ее поцеловать. Кэтрин схватила его за руку, утащила в комнату и сделала строгое внушение о том, как джентльмен должен относиться к женщинам. Она сознавала, что этот юноша потенциально склонен к проявлениям насилия, и размышляла: не попытается ли утихомирить пасынка, потому что сама его боится? Однако методы Кэтрин, казалось, работали. Чего бы ей это ни стоило, а она подвигла Джека к тому, что он стал вести себя лучше. Все заметили произошедшие в нем перемены. Джон удивлялся и был ей очень благодарен.

На Рождество они отмечали помолвку Маргарет с Ральфом Биго. Джон ликовал, что ему удалось заполучить для дочери сына ближайшего соседа, сэра Фрэнсиса Биго. Это стоило больше, чем он мог себе позволить, но жертва была принесена с большим удовольствием. Маргарет в обычной для себя оживленной манере изобразила, что рада. Ей было девять, и едва ли она полностью осознавала, что такое брак. Свадьба состоится не раньше чем через пять лет, а для ребенка в ее возрасте это целая вечность. Кэтрин тоже радовалась помолвке и решила позаботиться о том, чтобы, когда придет время, Маргарет была хорошо подготовлена к замужней жизни, как мать подготовила ее саму. Сэр Фрэнсис был могущественным заступником религиозных реформ. Кэтрин начала воспринимать это как необходимейшее качество. Люди вроде него могли изменить общество в целом.

В начале нового 1535 года пришла новость о еще одной грядущей свадьбе, а весной Кэтрин и Джон отправились в Торнтон-Бридж, к востоку от Рипона, чтобы присутствовать на четвертой свадьбе Кэт: она выходила замуж за Уильяма Ниветта, который сразу понравился Кэтрин. У нее потеплело на сердце, когда она увидела свою подругу счастливой невестой. Торнтон-Бридж находился недалеко, и они будут навещать друг друга. В том году Кэт и Уильям три раза приезжали в Снейп, а Кэтрин и Джон праздновали с ними Рождество в Торнтон-Бридж-Холле.

Кое в чем этот год оказался мрачным: король казнил сэра Томаса Мора, епископа Фишера из Рочестера и других людей, не принявших его брака и его реформ. Но в Снейпе жизнь текла счастливо, с редкими облачками на горизонте. Кэтрин молилась, чтобы так продолжалось и дальше.

Глава 9 1536–1537 годы

После Богоявления они снова поехали в Лондон, так как парламент собрался на очередную сессию и Джон чувствовал себя обязанным присутствовать. Он часто возвращался домой вечерами в мрачном настроении и ворчал, что королева Анна оказывает пагубное влияние на короля, что его главенство над Церковью незаконно, так же как планы закрыть все мелкие монастыри в стране.

– Он объявил себя верховным главой, потому что хочет наложить руки на богатства Церкви, – горячился Джон. – Люди не поддержат это, вот увидите. Никто не желает смотреть, как топчут веру, в которой их взрастили, или закрывают монастыри.

– Ш-ш-ш! – шикнула на него Кэтрин, отчаянно жестикулируя. – Ваши слова могут посчитать изменой!

Джон умолк, сердито сверкая глазами.

– Я просто хочу, – сказал он, понижая голос, – чтобы мы могли вернуться к прежней жизни и король забыл о своих нелепых затеях. Это все вина той потаскухи.

– Вы не должны так ее называть.

– Она соблазнила его колдовством, заморочила ему голову опасными идеями и расколола королевство. О ней шепчутся при дворе. Говорят, чего другого ждать от такой особы?

– Не стоит говорить о ней неуважительно. Кто-нибудь услышит и донесет на вас.

– Значит, мы все должны молчать, а ей сойдут с рук эти так называемые реформы?

Кэтрин встала и обняла мужа, почувствовав, как напряжены его плечи.

– Мы ничего не можем с этим поделать, – тихо сказала она ему на ухо, – так зачем тратить время на тревоги и беспокойства? Нужно привыкнуть к переменам.

– Вам не приходится сидеть в парламенте и держать рот на замке вопреки велениям сердца, – возразил Джон. – Иногда я думаю, что лучше было бы держаться подальше от королевского дома. Добрые люди из моего графства поручили мне представлять их интересы. Йоркширцы предпочли бы сохранить свою старую веру, и это правильно, но я ничего не могу для них сделать.

На это простого ответа не было, и Кэтрин тоже находила, что ей трудно молчать.

Как-то раз в марте Джон опять вернулся домой сильно не в духе.

– Они приняли Десять статей, – мрачно сообщил он. – Это план короля относительно Церкви Англии. Не могу поверить, что это случилось.

– Сядьте, муж мой, – сказала ему Кэтрин, наклоняясь поворошить угли в очаге. – Объясните, что это значит.

– Король хочет *очистить* Церковь, – фыркнул Джон. – Он желает избавиться от суеверий, как ему угодно выразиться. Отменяются празднования дней святых, паломничества и молитвы перед статуями. Его величество милостиво согласился сохранить мессы и доктрину о Реальном Присутствии⁷, кроме того, нас, как прежде, будут судить по вере и по добрым делам. Все-таки он не принял доктрину Мартина Лютера, что мы можем достичь Небес одной только верой.

– Значит, в сердце своем король остается католиком, – задумчиво проговорила Кэтрин.

– Полагаю, мы должны быть благодарны ему за эти маленькие попустительства, – проворчал Джон. – Однако инспектирование монастырей уже началось. Объясняется это необ-

⁷ *Реальное Присутствие* (Христа в евхаристии) – одна из проблем христианского богословия: каким образом плоть и кровь Иисуса присутствуют в таинстве евхаристии, реально или символически.

ходимостью оценить моральное состояние братии и финансовую устойчивость обитателей, но, помяните мои слова, Кромвель использует собранные сведения как предлог, чтобы закрыть их все. Кэтрин, с меня довольно. Когда парламент будет распущен на лето, мы вернемся домой. Совет Севера нуждается во мне.

Кэтрин предпочла бы остаться в Лондоне, чтобы быть в курсе захватывающих событий, которые происходили в парламенте, но ее место рядом с мужем, и она поедет с ним домой без всяких возражений, потому что не хочет давать ему ни малейшего повода подозревать, будто ее взгляды на жизнь все больше отклоняются в сторону от его взглядов.

В мае они вернулись в Снейп, где их ждали письма от Анны, Уилла и дяди Уильяма.

– О милосердное Небо! Королеву казнили! – воскликнула Кэтрин, в ужасе глядя на Джона.

– Что?

Она пробежала глазами письмо дяди Уильяма.

– Ее обвинили в прелюбодеянии с пятью мужчинами – один из них – ее родной брат – и в злом умысле на убийство короля. Я... Я ничего не понимаю.

Джон прочел письмо.

– Я слышал кое-что при дворе и в парламенте. Некоторые говорили, что у нее дурная репутация, другие – что она весьма вольно дарит свои милости. Но я посчитал это сплетнями. О ней много злословили. Может быть, паписты воспользовались случаем избавиться от нее, и хорошо.

Кэтрин никогда о таком не слышала, чтобы королеве Англии отрубили голову. Вот ужас! Разве можно в такое поверить?

Она распечатала письмо Анны. Оно было очень грустным. Анна любила королеву и разделяла ее реформаторское рвение, а теперь, подумала Кэтрин, потеряет место при дворе. Но нет. Оказалось, Анне по секрету сообщили: она останется и будет служить новой королеве.

Мы все знаем, кто это, потому что король уже какое-то время ухаживает за мистресс Джейн Сеймур, которая служила в качестве фрейлины вместе со мной. Если слухи не врут, она служила и королю так же усердно, как королеве. Она набожная католичка, и я боюсь, что реформы будут остановлены. Я уверена, это консерваторы при дворе выдумали обвинения против королевы, чтобы поставить вместо нее Джейн Сеймур. Сожги это письмо, дорогая сестра, как только прочтешь его.

С тяжелым сердцем Кэтрин показала его Джону, после чего бросила в огонь. Послание Уилла отправилось туда же, так как и он выражал в нем огорчение по поводу того, какой жестокий удар нанесло делу реформаторов падение Анны Болейн.

Новость о смерти королевы и поспешной женитьбе короля на Джейн Сеймур была главной темой разговоров во всех домах знати, где появлялась Кэтрин. Она слышала, как люди сплетничают об этом на рынке в Рипоне, и даже краем уха уловила в соборе спор священников о том, надуманны ли обвинения против бывшей королевы.

Джон не сомневался, что тут не обошлось без вмешательства Господа.

– Теперь у нас королева-католичка, благослови ее Бог!

Почти все соглашались с ним. Он был прав. На Севере мало кто поддерживал новые порядки.

В Лондон они вновь отправились в июне, чтобы Джон мог присутствовать в парламенте. Он надеялся, что в результате последних событий реформы недавнего времени отмечены в сторону, однако его радостного настроения хватило ненадолго.

– Ничего не изменилось, – буркнул Джон, войдя в дом и бросив шапку на скамью в холле. – Они упорствуют в своих безбожных начинаниях, невзирая на последствия.

Кэтрин налила мужу вина и протянула ему кубок:

– Вероятно, королева Джейн не пользуется таким влиянием, как королева Анна.

– Уверен, вы правы. Говорят, король выбрал ее, потому что она полная противоположность Анне. По общему мнению, Джейн Сеймур – маленькая мышка. От нее не услышишь ничего, кроме «да, Генрих» и «нет, Генрих», что бы ни сказал его величество.

Кэтрин задумалась. Два дня назад к ним приходил Уилл. Он обмолвился, что, когда амбициозные Сеймуры объединилась с Кромвелем и другими ради свержения Анны, Джейн участвовала в заговоре. Насколько серьезно она была в него вовлечена, никто не мог судить с уверенностью. И это вызвало у Кэтрин сомнения: что же на самом деле кроется за неприметной наружностью новой королевы? Вероятно, Джейн Сеймур играет вдолгую. Ее должны волновать религиозные вопросы, ведь она слыла очень набожной. Может быть, она понимала: когда у нее на руках будет сын, тогда и позиции ее укрепятся, а значит, появится возможность влиять на короля.

Кэтрин про себя вздохнула, вешая накидку Джона на крючок у двери. Они женаты уже два года, а никаких признаков беременности не наблюдалось, и вовсе не от недостатка супружеской близости. Джон оставался все таким же пылким любовником. В отличие от короля, наследник у него был, но общие дети, конечно, стали бы венцом их счастья. Они никогда не обсуждали это, и Кэтрин часто задумывалась, не испытывает ли ее муж внутреннего разочарования оттого, что жена никак не подарит ему ребенка.

Она принялась массировать плечи сидевшему на стуле супругу, чтобы помочь ему расслабиться.

– Король женат всего несколько недель. Пусть пройдет какое-то время.

Однако Джон никак не мог отвлечься от своих печальных мыслей.

– С меня довольно, – сказал он. – Меня тошнит от этих лордов, жалко лепечущих, как прекрасны реформы короля, и от себя самого, не смеющего рта раскрыть. Думаю, нам лучше уехать домой. Акт о престолонаследии издан, трон передан детям королевы Джейн. Дочь покойной королевы объявлена незаконнорожденной, как и леди Мария.

Кэтрин мысленно пожалела бедняжку Елизавету, которой было... Сколько? Года два? Несчастливая малышка сурово наказана за грехи своей матери.

– Да, нам лучше поехать домой, – согласилась Кэтрин.

Ей вдруг захотелось оказаться как можно дальше от двора.

Север кипел от недовольства, и это было очевидно всякому. На постоянных дворах и в домах, где останавливались Кэтрин и Джон по пути назад, люди были обозлены. У церквей и на рынках собирались стихийные сходки, подстрекатели пламенными речами разжигали в людях негодование. Каждый встречный имел свое мнение. Как и Джон, многие надеялись, что теперь все будет как в те времена, когда король еще не порвал с Римом. Перемены нанесли удар по самым основам повседневной жизни англичан. Дошло до того, что никто не знал, можно ли и дальше молиться святым, совершать паломничества или даже дозволено ли им принимать причастие.

– Нам нужна определенность, – заявил Джон, сев во главе семейного стола в Снейпе в первый вечер по возвращении домой. – Король нарушил естественный порядок вещей. Люди тревожатся о безопасности своих душ.

У Кэтрин не было ответа. Она не думала, что король рискнет потерять лицо, вернувшись под пастьерский надзор Рима, и втайне поддерживала его решимость избавить английскую Церковь от суеверных практик и злоупотреблений. Зачем просить святых о заступничестве, если можно обратиться к самому Господу? Об исчезновении из церквей статуй святых Кэтрин тоже не сожалела. Господь приказал: «Не сотвори себе кумира», – так что в этом отношении она

была заодно с королем. Однако в большинстве окрестных церквей священники и паства не хотели расставаться с дорогими их сердцам статуями.

Ропот недовольных становился все громче. Джон слышал его всякий раз, встречаясь со своими соседями и арендаторами.

– Они все верные подданные, – говорил он дома. – Никто не желает свержения короля. Люди хотят лишь восстановления старой веры, сохранения монастырей и устранения негодных министров вроде Кромвеля. Без его пагубного влияния король скорее прислушался бы к своему народу. Но эти реформисты, они кормят его ложью... – И он, сердитый, пошел умыться перед обедом.

А вот Кэтрин принятые королем меры казались мудрыми и необходимыми. Она не могла представить себе ни одного правителя, который с радостью выслушивал бы критику своих решений, подсказанных учеными и совестливыми людьми. Неудивительно, что говорили, будто его милость стал в последнее время чрезмерно обидчивым и раздражительным, особенно если учесть, что он горевал о своем юном сыне, бедном герцоге Ричмонде, который, как сообщил ей Уилл, в конце июля внезапно умер. По общему мнению, король был человеком умным, хорошо образованным и искушенным в вопросах теологии. Кэтрин не сомневалась, что он обладает нужными знаниями для принятия верных решений по вопросам религии. Однако свои мысли она держала при себе.

Как-то раз, ближе к концу сентября, Джон вернулся из Рипона в большом возбуждении.

– Распускают не одни только монастыри, – сказал он Кэтрин. – Церкви тоже планируют позакрывать. Мои друзья из городского совета слышали, что королевские порученцы объедут с инспекцией все церкви на Севере. Ей-богу! – Джон стукнул кулаком по столу. – Этот король – антихрист! Он покончит с религией и отправит нас всех в ад!

– Вы точно знаете, какова цель приезда этих посланцев короля? – спросила Кэтрин, находя сообщение мужа невероятным. – Может быть, они едут проверить, соблюдаются ли в церквях новые законы.

– Да, ровно так же, как они сделали в монастырях, – набросился на нее Джон. – А теперь закрывают их один за другим. Только самые мелкие обитатели, так нам сказали, но, помяните мое слово, в конце концов их уничтожат все до единой. И король присвоит себе церковные богатства.

Кэтрин не показала мужу письмо Уилла, в котором тот говорил про опасения его милости, что монастыри – это рассадники папизма. Она понятия не имела, обоснованы ли эти страхи, а вот то, что монахи привержены старому порядку, не подлежало сомнению.

Джон расхаживал взад-вперед, топая каблуками по плитам пола.

– Когда монастыри закроют, мы увидим на улицах монахов и монахинь. Кто станет поддерживать бедняков, лечить больных, содержать школы? Кто сохранит книжное знание, которое вам так дорого? Кейт, это нужно остановить! Здешние люди желают прекращения реформ. В воздухе носятся разговоры о восстании.

– А кто возьмется останавливать все это? – спросила Кэтрин. – Вы хотите подняться против короля? И рискнете подвергнуться аресту за измену? Помните о том, что делают с изменниками, Джон! Подумайте о детях, которых могут лишиться наследства. И обо мне! – Она вдруг заметила, что в мольбе заламывает руки.

Муж молчал. Он стоял к ней спиной, и Кэтрин не могла прочесть выражения его лица.

– Подумайте о ваших арендаторах и обо всех, кто от вас зависит, Джон. Вы для них хороший хозяин. Лучшего они никогда не найдут. Прошу вас, проявите рассудительность, прежде чем решиться на какой-нибудь отчаянный поступок. Вы и правда считаете, что слеплены из того же теста, что и мученики?

Джон повернулся к ней, хмурясь, и спросил:

– Вам безразлична ваша вера, Кейт? Вы будете спокойно смотреть, как ее попирают и предписывают нам новые порядки?

Вопрос мужа ошеломил Кэтрин. Посмеет ли она сказать ему, что разделяет подходы короля к вопросам религии?

– Конечно нет, – сказала она. – Вера для меня – все, но и вы тоже, и мне бы не хотелось, чтобы вы рисковали, особенно когда нам неизвестно доподлинно, правдивы ли эти слухи насчет посланцев короля. Нет, Джон, люди должны обратиться с прошением к его величеству и взывать, чтобы он, в своей отеческой милости, прислушался к их тревогам.

– Когда это Генрих Тюдор прислушивался к кому-нибудь? – бросил ей в ответ Джон. – Он не отступится от своих эгоистических планов, а остальные пусть выкарабкиваются, как могут!

Кэтрин оставила этот спор и пошла сказать повару, что пора подавать обед. Атмосфера за столом была напряженная. Джон напоминал разъяренного быка, готового броситься на первого встречного. Джек сидел молча, и даже Маргарет, обычно разговорчивая, притихла. Кэтрин попыталась завести разговор, но никто не поддержал ее. Когда настал момент подняться из-за стола, она с радостью скрылась в своей комнате. Джон не пошел за ней. Никогда еще он не бывал в таком дурном расположении духа.

В начале второй недели октября к ним заехал близкий друг Джона, лорд Редмэйн из замка Хэрвуд, расположенного милях в тридцати к югу от Снейпа.

– Приветствую! – сказал он. – Я еду в замок Миддлхэм и в другие места, чтобы поднять тревогу. Вы знаете, что в Линкольншире началось восстание?

Кэтрин и Джон изумленно уставились на него.

– Боже правый, как это вы не слышали колокольного звона оттуда?! – продолжил лорд Редмэйн. – Все началось в Лауте. Один викарий призвал паству к восстановлению старой религии и убедил начать протесты. Его послушались, и скоро все окрестные городки бунтовали. Королю отправили петицию. Расплата наступила быстро. Не прошло и десяти минут, по крайней мере так казалось, как в Линкольншир вступила королевская армия под предводительством герцога Саффолка. За пару недель восстание было подавлено.

Джон недовольно присвистнул. Кэтрин не смела взглянуть на него, понимала, что прочтет на его лице не высказанное вслух: «Я же вам говорил».

– Видите, Кэтрин, чем оборачивается отправка петиций королю! – воскликнул Джон.

Лорд Редмэйн с любопытством взглянул на нее, но ничего не сказал. Они угостили его вином, и он отправился дальше.

– Слушайте меня впредь, – более мягким тоном произнес Джон, когда супруги вошли в дом с крыльца.

Кэтрин кивнула:

– Вы были правы. – Ей хотелось, чтобы отношения между ними наладились.

Уилл вместе с войском герцога Саффолка пришел на Север и прислал Кэтрин письмо с рассказом о произошедшем:

Мы разбили бунтовщиков. Они плохо подготовились. Я был в Лауте и Хорнкасле, производил надзор за повешениями. Смерть собрала обильный урожай заблудших душ. Думаю, люди теперь подумают дважды, прежде чем восставать против короля.

Три дня спустя их среди ночи разбудил Уолтер Роулинсон, управляющий Джона.

– Прошу прощения, милорд, но прибыл аббат из Жерво и просит встречи с вами.

– Какого черта ему понадобилось?! – проворчал Джон, вставая и надевая ночной халат.

– Он говорит, это срочно, милорд.

Когда мужчины спустились вниз, Кэтрин выскочила из постели и тоже быстро накинула халат. Ей нужно знать, что происходит. Она бросилась вслед за мужем и застала его в холле, в обществе высокого монаха в накидке с капюшоном.

– Милорд, я молю вас дать мне убежище, – слегка задыхаясь, говорил монах. – У ворот аббатства Жерво собрались сотни вооруженных людей. Они пришли час назад и потребовали, чтобы мы вместе с ними встали на защиту старой религии и монастырей. Некоторые мои монахи загорелись идеей, так как боятся закрытия обители, хотя до этого пока не дошло. Но мне отвратительно послушание королю. Я запер ворота гейтхауса и убежал через потайную дверь рядом с конюшнями. Я летел сюда как ветер. Да простит меня Господь, я оставил своих братьев, и это будет выглядеть так, будто я их бросил, но мне нужно было найти подмогу. Бунтовщики настроены решительно. Боюсь, они станут искать меня.

– Не бойтесь, отец аббат, – без колебаний ответил ему Джон. – У меня есть мыза недалеко отсюда. Она стоит на отшибе, так что никто не вздумает соваться туда. Мой управляющий проводит вас. Вам нужно взять с собой еды.

– Я позабочусь об этом, – сказала Кэтрин и торопливо ушла на кухню, где сложила в корзину холодное мясо, несколько кусков пирога с голубятиной, яблоки, хлеб, сыр и вино.

Они поступали правильно. Насилием и угрозами не решить никаких проблем. Давая убежище человеку, который боялся, что его принудят к восстанию против короля, они могли заслужить только королевское одобрение.

Аббат с благодарностью взял корзину:

– Благослови вас Господь, миледи, и вас, милорд. Я не забуду вашей доброты. По крайней мере, если они явятся сюда, вы будете готовы.

Уолтер и аббат оседлали коней и ускакали в ночь. Кэтрин и Джон смотрели им вслед.

– Что мы будем делать, если они придут? – спросила Кэтрин; появление бунтовщиков казалось ей неизбежным.

– Мы тоже запрем перед ними двери, – мрачно ответил Джон. – Это одно из преимуществ жизни в замке.

Больше Кэтрин заснуть не удалось. Она лежала в постели и напряженно прислушивалась, не раздадутся ли стук копыт или голоса. Но было тихо. На следующий день она занималась своими обычными делами, то и дело поглядывая в окно и чутким слухом стараясь уловить любые тревожные звуки.

В полдень, когда они только-только закончили обедать, появился молодой монах.

– Милорд, миледи, – сказал он, сильно картавя на йоркширский манер, – прошу прощения за беспокойство, но не показывался ли у вас наш аббат? Нам нужно, чтобы он вернулся в обитель. Бунтовщики грозят, что сожгут ее, если он не явится, и настроены весьма воинственно. Они требуют от него клятвы, что он поддержит их. Прошу вас, помогите, милорд!

Джон сперва заколебался, но потом быстро проговорил:

– Думаю, я знаю, где укрылся ваш аббат, – объяснил монаху дорогу и отправил его туда. – Пусть он убедит своего аббата вернуться, – сказал Джон, обращаясь к Кэтрин. – Господу известно, я так же горячо желаю восстановления старых порядков, как и эти бунтари, но восставать против короля – чистая глупость. Посмотрите, что случилось с Линкольнширом.

– Только бы они не явились сюда, – нервно проговорила Кэтрин.

Больше супруги ничего не слышали ни про аббата, ни про сожжение монастыря Жерво, а потому решили, что настоятель вернулся в обитель и дал клятву.

Три дня прошли без всяких происшествий. Джон отправился по делам в Рипон и взял с собой Кэтрин. В рыночной толчее она невольно прислушивалась к разговорам и заметила некое общее волнение. Люди говорили кто возбужденно, кто с опаской, и именно там она впервые услышала имя – Роберт Аск, причем оно было на устах у многих. Встретившись с Джоном на постоялом дворе, где они оставили лошадей, Кэтрин спросила мужа, слышал ли он об этом человеке.

– Слишком много раз сегодня, – ответил тот. – Кажется, он поднимает весь Йоркшир на борьбу за старую веру. Но протест будет мирный. Они называют это Благодатным паломничеством.

– Как бы они его ни называли, это восстание, – сказала Кэтрин, садясь на лошадь и выезжая вслед за Джоном со двора.

– Да, именно так отнесется к этому король.

– И тот сброд у Жерво вовсе не был настроен протестовать мирно. Тоже мне паломничество!

Когда они вернулись в Снейп, их ждал Уолтер.

– Милорд, пришло известие из Жерво. Аббат вернулся, а эти сволочи избili его и заставили принести клятву.

– По крайней мере, он сможет сказать королю, что у него не было выбора, – заметил Джон и перекрестился.

– Милорд, – продолжил Уолтер, – вскоре после этого сюда прибыли несколько джентльменов. Все они ранены и просят убежища. Я не посмел отказать им, потому как один из них сказался вашим знакомым, миледи, и добавил, что он королевский сборщик налогов.

– Полагаю, это сэр Уильям Аскью, – сказала Кэтрин, вспоминая свой визит в Стэллингборо шесть лет назад, когда ей привиделся ночной кошмар. – Джон, вы помните, я вам рассказывала, что он друг лорда Боро, и у него была чудесная дочь. – Она повернулась к Уолтеру. – Что случилось с этими джентльменами?

– Думаю, они сами вам расскажут, миледи.

Это и правда оказался сэр Уильям, с ним были трое его помощников. Кэтрин тепло приветствовала его и представила Джону, который велел подать вина, заметив:

– Судя по вашему виду, вам всем это необходимо.

И верно: одежда у них была испачкана кровью, заляпана грязью, у всех ссадины, у кого где, и синяки под глазами. Один лишился зуба, у другого был сломан нос. Кэтрин послала Маргарет за горячей водой и полотенцами и приказала двум своим горничным промыть мужчинам раны. Когда это было исполнено, гости начали рассказ.

– На нас напали, когда мы отправились выполнять свои обязанности, – сообщил сэр Уильям. – Эти негодяи сказали, что не станут платить налоги и тем поддерживать религиозную политику короля. Они избili нас, похитили собранные к тому моменту деньги и сбежали. Нас запросто могли убить. Милорд, прошу у вас прощения за то, что мы явились сюда, но я с большой приятностью вспоминаю леди Латимер и, боюсь, взял на себя смелость полагаться на это.

– Мы вам очень рады, сэр Уильям, – с улыбкой ответил Джон, подливая гостю вина.

– Приятно видеть вас даже при таких обстоятельствах, – поддержала мужа Кэтрин. – Как ваша семья?

По лицу сэра Уильяма пробежала тень.

– Наша старшая дочь Марта не так давно умерла, упокой Господь ее душу. Это был тяжелый удар. Она должна была выйти замуж за одного местного джентльмена, сэра Томаса Кайма. Теперь его супругой станет ее сестра Анна. – Он нахмурился. – Ей только что исполнилось пятнадцать.

– Она рада, что займет место Марты? – спросила Кэтрин, ощущая, что тут что-то неладно. Последовала пауза.

– Анна понимает, что этот брак поможет мне финансово, так как приданое Марты невозвратное. Но мне пришлось ее уговаривать.

Кэтрин подумала: «Интересно, какую форму приняли эти уговоры?»

– Но теперь она согласна?

– Да, миледи. Думаю, что так.

– Сэр Уильям, вы бывали при дворе в последнее время? – спросил Джон.

– Я был в числе присяжных во время суда над королевой Анной.

– Что вы думаете по поводу доказательств? – поинтересовалась Кэтрин, стремясь получить побольше информации.

– Нет сомнений, что по ней плачет ад, – ответил сэр Уильям. – Дело против нее было разобрано в деталях, со всем тщанием.

Кэтрин все равно не могла понять, почему королева, так горячо поддерживавшая реформы и с достойной удивления легкостью добивавшаяся своих целей, вела столь беспорядочную личную жизнь. Одно противоречило другому.

– Королева Джейн – очень милосердная леди, – продолжил сэр Уильям. – Такой контраст с той, прежней. Леди Мария выразила схожее мнение, когда я заезжал к ней летом.

«Раз сэр Уильям в хороших отношениях с леди Марией и почитает королеву Джейн, значит он держится католической веры», – заключила Кэтрин.

– Вы слышали о Роберте Аске? – спросил сэр Уильям, обращаясь к Джону.

– Да, больше, чем мне хотелось бы, – ответил тот, мрачно поджав губы.

– Он мой родственник, хотя я с ним никогда не встречался, а теперь и вовсе постараюсь держаться от него подальше. Этот человек – глупец, к тому же опасный.

– Проблема в том, что он благочестивый глупец, а такие хуже всех, – заметил Джон. – Он не понимает, что, хотя сам движим принципами, открывает шлюзы мятежникам всех мастей.

– Вы поступите правильно, если не станете примыкать ни к кому, – сказал сэр Уильям, а его помощники согласно закивали. Потом он встал. – Мы должны поблагодарить вас за доброту и отправиться дальше.

– Оставайтесь у нас на ночь и отдохните, – предложила Кэтрин.

– Благодарю вас, дорогая леди, но я хочу вернуться в Линкольншир до того, как там вспыхнет восстание.

От соседа из замка Рипли, сэра Уильяма Инглби, Джон вернулся весьма озабоченный.

– Инглби, может, еще и молод, но хорошо информирован. Он сказал, что два дня назад Роберт Аск вступил в Йорк во главе десяти тысяч человек и после мессы в соборе заставил всех принести составленную им клятву – Клятву достойных людей, как он ее назвал, и все дружно поклялись. Она обязывает защищать Католическую церковь, охранять короля и его наследников, изгонять дурных советников и радеть о восстановлении истинной религии и монастырей. Кейт, это путь к гражданской войне. Они собираются идти маршем на Лондон под знаменем с Пятью ранами Христа. – Джон начал расхаживать по комнате. – Бог знает, я против отмены старой веры, но это восстание, не меньше, и я не уверен, что мне следует его поддержать.

Кэтрин задрожала. Она никогда не решилась бы высказать мужу свои личные взгляды на это дело; в конце концов, жена должна слушаться супруга и быть преданной ему. Более того, она любила Джона и хотела, чтобы он остался целым и невредимым, а значит, нужно убедить его не примыкать к мятежникам, не участвовать в их изменнической авантюре, способной нанести удар по делу реформ.

– Не вмешивайтесь в это, муж мой, – сказала Кэтрин. – Вспомните, как жестоко было подавлено восстание в Линкольншире. Эти люди подвергают опасности свои жизни и могут лишиться всех средств к существованию.

Было видно, что Джон колеблется.

– Верно, Кейт, но речь идет о спасении наших душ и сохранении привычного образа жизни.

Кэтрин разгорячилась:

– Заботьтесь о безопасности своей души, и пусть эти глупцы разрушают собственные жизни! Молю вас, Джон, не впутывайтесь в это дело! Вы можете потерять все, и где тогда окажемся я и дети?

– Мне могут не оставить выбора, Кейт, – пробормотал он и одним глотком осушил кубок вина. – Инглби говорит, что паломники, как они себя называют, являются в дома джентльменов и, застав их врасплох, как аббата из Жерво, требуют присоединиться к ним.

– Если они покажутся здесь, им придется иметь дело со мной! – заявила Кэтрин с уверенностью, которой вовсе не ощущала, понимая, однако, что из них двоих внутренней силы, пожалуй, больше у нее.

Страшнее всего, что, если мятежники придут к ним, Джон, скорее всего, сдастся, так как он поддерживал их идейно. Вопрос состоял в том, окажется ли для него долг чести более важным, чем жена, дети, титул, собственность и даже жизнь. Однажды он говорил, что спасение души для него важнее всех благ земных, но насколько сильно в нем это убеждение? Кэтрин молилась, чтобы его основательность не подверглась проверке на прочность.

Через несколько дней, когда земля покрылась ковром из пожелтевших листьев и с востока задул холодный ветер, мятежники явились в Снейп. Тут не было ни гейтхауса, ни рва, чтобы остановить их. К дому подошла разношерстная шайка человек в пятнадцать: большинство, судя по одежде, работники с ферм, двое с виду напоминали писарей; на рукавах у каждого – эмблема с вышитым знаком Пяти ран Христа, и все вооружены – кто кинжалом, кто копьем, кто вилами.

Кэтрин заметила их из окна своего маленького кабинета, потом раздался стук железного молотка в дубовую входную дверь, послышались шаги Уолтера, который торопливо пошел открывать, и она поспешила за ним в холл. Джон уже был там. По его лицу было ясно, что он опознал незваных гостей.

– Это банда мятежников, – сказал Джон.

– Открыть? – Уолтер мрачно глянул на него.

– Окликните их и спросите, что им нужно.

– Скажите, что милорда нет, – встряла Кэтрин; сердце у нее бешено колотилось. – Не пускайте их внутрь. Неизвестно, что они сделают. Они угрожали расправой аббату, помните?! – Она задрожала.

– Тише, любимая, – сказал Джон. – Просто спросите их, чего они хотят, Уолтер.

В дверь снова постучали, на этот раз более настойчиво.

– Кто вы и чего хотите? – громко произнес Уолтер.

– Мы паломники во имя Господа и хотим поговорить с лордом Латимером.

– Его светлости нет дома! – визгливо крикнула Кэтрин. – Он уехал в Лондон.

– У нас другие сведения, – раздался в ответ мужской голос.

– Да! Да! – загорланили другие. – Пусть покажется!

В этот момент внизу лестницы появились бледные Джек и Маргарет.

– Что происходит? – спросил Джек.

– Я боюсь! – воскликнула Маргарет и прильнула к Кэтрин в поисках защиты.

– Это мятежники. Они хотят, чтобы ваш отец присоединился к ним, – тихо объяснила Кэтрин и приложила палец к губам. – Я сказала, что он в Лондоне.

Джек посмотрел на нее с оттенком уважения.

Посыпались удары в дверь.

– Откройте! Покажитесь, лорд Латимер!

– Уходите! – Кэтрин придала голосу властности. Она – леди Латимер и не позволит запугивать себя жалкой кучке мужланов!

– Мы не уйдем, пока его светлость не выйдет и не присоединится к нам в нашем правом деле. Он старой веры, как мы, и должен нас поддержать. Нам нужны вожаки вроде него.

– Болваны! – крикнула Кэтрин. – Король не потерпит вашего бунтарства. У вас нет никаких шансов на победу. Вы погибнете сами и нас всех погубите. А теперь перестаньте запугивать женщин и детей и уходите.

– Мы знаем, что его светлость здесь! – заорал какой-то мужчина. – Неужели он такой трус, что прячется за женской юбкой?

Рука Джона потянулась к кинжалу.

– Не открывайте дверь, отец! – заверещала Маргарет, чем вызвала новый град ударов в дверь. Кэтрин зажала девочке рот, но было поздно.

– Теперь мы знаем, что вы там! Откройте дверь, милорд, или мы подожжем дом со всех сторон!

– Вы можете пройти через служебное крыло и воспользоваться боковой дверью, сэр, – понизив голос, сказал Уолтер.

– И позволить им сжечь дом? Нет, я должен встретиться с ними, – ответил Джон. – Открывайте дверь.

– Нет! – в один голос вскрикнули Кэтрин и Маргарет, а несколько слуг, собравшихся в холле посмотреть, что за шум, ретировались на кухню. Джек тоже явно хотел скрыться.

– Джек, заberi Маргарет наверх, и оставайтесь там! – приказал Джон, и тот утащил плачущую сестру прочь.

– Все будет хорошо, – крикнула ей вслед Кэтрин, а потом упрекнула себя за то, что обманула ребенка, ведь ничего хорошего, разумеется, не предвиделось. Но им всем важно сохранить самообладание.

По кивку Джона Уолтер отворил дверь.

– Быстро же вы вернулись из Лондона! – сострил один из бунтарей.

Джон расправил плечи и сурово глянул на него:

– Если бы ваша жена, приводя разумные доводы, умоляла вас не откликаться, вы поступили бы так же, мой добрый друг.

– На кону стоит бессмертие наших душ, милорд! – возразил мужчина с копной черных волос, самый крикливый из всех, наверное главарь. – Какие разумные доводы можно привести против их спасения? Мы восстали за святое дело...

– И пользуетесь нечестивыми методами, запугиваете людей! – брякнул Джон.

– В таких случаях говорят: цель оправдывает средства, – вмешался в разговор один из писарей.

– Я не стану препираться с вами, милорд Латимер, – сказал черноволосый. – Вы пойдете с нами. Мастеру Аску нужны такие вожаки, как вы. Другие лорды уже присоединились к нам – Дарси, Констебли, Перси и Невиллы в наших рядах, большинство из них вам родня, я полагаю.

– Нет! – отрезал Джон. – Я не пойду с вами.

– Похоже, у вас нет выбора, – ответил ему вожак шайки и переложил из руки в руку кинжал, а потом с головы до ног окинул взглядом Кэтрин, стоявшую на крыльце позади мужа. Она обмерла, поняв, что у него на уме. – Если вы будете упираться, мы можем прибегнуть к кое-каким методам убеждения. Или вы присоединитесь к нам. Выбирайте сами.

Джон, должно быть, тоже заметил похотливый взгляд негодяя, брошенный на Кэтрин.

– Нет нужды убеждать меня. Я пойду. Дайте мне только собрать кое-какие вещи. Уолтер, прикажите, чтобы оседлали моего коня и положили в седельные сумки провизии.

Кэтрин силилась сдерживать слезы. Нельзя допустить, чтобы ее считали слабой женщиной, но она очень боялась за Джона, которого тащили Бог знает куда и принуждали ввязываться в опасное дело.

Он повернулся к ней:

– Если со мной что-нибудь случится, помните, я умер за веру. Но говорите всем, кто бы ни спросил, что я не по своей воле был вовлечен в этот мятеж, а был заставлен угрозами, против своего желания и вопреки голосу разума.

– Нельзя ли побыстрее? – буркнул черноволосый.

Джон пошел наверх. Паломники даже отравили вместе с ним одного из своих – проследить, как бы он не сбежал. Кэтрин с каменным лицом ждала на крыльце, твердо решив сохранить достоинство. Внутри у нее все клокотало и царило полное смятение; она была убеждена, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Наконец Джон спустился, взял ее руку, поцеловал и сказал:

– Следите за Снейпом и детьми ради меня. Да благословит и укрепит вас Господь!

– И вас тоже, – отозвалась Кэтрин и прильнула к нему на прощание. – Возвращайтесь ко мне поскорее. И прошу вас, не рискуйте.

Она чувствовала, что в этом может на него полагаться: Джон частенько неодобрительно отзывался о молодых людях, склонных к героизму.

Позвав детей вниз, Кэтрин стояла вместе с ними на крыльце и смотрела, как ее супруг уезжает вместе с мятежниками. Она пыталась унять разбушевавшиеся в сердце ужасные предчувствия и сжимала кулаки, чтобы сохранить контроль над эмоциями. Увидит ли она еще когда-нибудь своего Джона? Рядом с ней неудержимо рыдала Маргарет.

Через несколько часов гонец доставил письмо из Торнтон-Бриджа, и Кэтрин заплакала. Кэт умерла. Уильям был безутешен, а как же иначе, если он потерял супругу, прожив с ней всего одиннадцать месяцев. Девушка, помолвленная с сыном Кэт Уолтером, повесилась, никто не знал почему, и вся радость от нового брака обернулась глубокой печалью. Бедняжка Кэт не смогла бороться с лихорадкой и умерла.

Кэтрин просто не верилось. Она встала на колени в часовне и молилась так, как давно уже этого не делала. Церковь учила, что самоубийцы совершают смертный грех и никогда не попадут на Небо, но Кэтрин нравилось думать, что милостивый Господь навечно соединит двух этих несчастных женщин.

Ужасно было не знать, где Джон и что происходит. Через несколько дней Кэтрин отважилась поехать в Рипон, вдруг удастся что-нибудь разузнать там. Но никто не мог ей ничего сказать.

Она написала отцу Катберту, сообщила ему о случившемся и попросила держать ухо востро, не появятся ли какие-нибудь известия о Джоне. Ответ привезли только через неделю, но и в нем не было никаких сведений, потому что отец Катберт затворился в своем замке Норем далеко на севере из страха, что мятежники заставят и его присоединиться к ним. Отец Катберт писал:

Король посылал меня на юг, но я рискнул вызвать его неудовольствие и принял решение остаться здесь. Он явно не представляет, какова ситуация в Дареме и Йоркшире.

Кэтрин начала уже терять рассудок от беспокойства, когда – наконец-то! – получила письмо от Джона. Его отвезли в замок Понтефракт, который Роберт Аск и лорд Дарси сделали своей штаб-квартирой. Последний, в отличие от Джона, очевидно, не испытывал сомнений по поводу участия в мятеже. Под его орлиным взором Джон и его братья, которых паломники тоже забрали с собой, принесли Клятву достойных людей.

От меня требуют, чтобы я стал одним из вожаков их восстания. У меня не было выбора, так как в случае отказа они грозили убить меня. Я открыто заявил, что не поддерживал и не поднимал этого мятежа. Я хочу, чтобы все знали: меня принудили к участию в нем.

Дальше он сообщал, что в Понтефракте собралось порядка сорока тысяч мятежников и ему поручили возглавить людей из Ричмондшира и Дарема.

Мы должны идти в Лондон, чтобы подать прошение королю. Предводители мятежников рассчитывают, что его величество прогонит своих дурных советников и откажется от реформ. Бедные, наивные глупцы! Но я молюсь, чтобы нам удалось добиться своих целей, потому как неудача будет фатальной. Да смилостивится Господь над всеми нами!

«Эти люди безумны или глупы? – мысленно задавалась вопросом Кэтрин. – Они что, не знают короля? Неужели и правда собрались бороться с человеком, который не покорился папе и основал собственную Церковь? С тем, кто отправил на плаху сэра Томаса Мора и праведного епископа Фишера за отказ дать клятву о признании его верховным главой созданной им Церкви? Этот монарх явно не проявит снисхождения к тем, кто противится его желаниям. Они, должно быть, просто потеряли разум».

Через неделю Кэтрин получила тревожное письмо от дяди Уильяма:

При дворе известно, что Ваш супруг примкнул к мятежникам. О нем и других лордах, которые с ним заодно, говорят как об изменниках. Его королевское величество намерен мстить; он говорит, что не позволит подданным диктовать ему условия. Он послал на Север герцога Норфолка с армией. Уилл там. Сопротивление будет сломлено.

Худший ночной кошмар Кэтрин обращался в реальность. Она не могла унять дрожь. У нее не было сомнений, что Джона сочтут предателем и его ждет участь обвиненных в измене. Кэтрин никогда не видела, как казнят изменников – ее вообще тошнило от казней, – а вот Уилл видел и, хотя не вдавался в кровавые подробности, сказал достаточно, чтобы она смогла с содроганием представить ощущение удушья, которое возникает у человека, повешенного, но вынуженного из петли полумертвым; мучительную боль, когда нож врезается в живот, внутренности вываливаются из тела и, если это мужчина... Боже правый, только бы этого не случилось с Джоном, милым Джоном, который был таким хорошим мужем и отцом и вовсе не собирался никого предавать.

Кэтрин бродила по замку как призрак, страшаясь прибытия вестника или, хуже того, вооруженных людей. Если мертвые могли возвращаться в мир живых, ее дух когда-нибудь вернется в эти комнаты и будет блуждать по залам, заламывая руки, как делала сейчас она.

Неужели ее тоже арестуют, посчитав сообщницей? Уолтер заявит о ее невиновности, но поверят ли ему? Только этой мыслью о заступничестве управляющего Кэтрин и утешалась, чтобы сохранять видимость спокойствия ради Маргарет, которая сильно скучала по отцу и беспокоилась за него. Джек вернулся в свое привычное состояние обиженного недовольства всем и вся, но Кэтрин понимала, что причина этого – тревога. Джеку было шестнадцать, почти мужчина. Слава Богу, мятежники не забрали с собой и его!

Кэтрин кипела ненавистью к паломникам и к вере, которую они защищали. Разве Христос одобрил бы их поведение – угрозы, отказ понять, что Его путь – это не путь насилия? Предполагалось, что протест будет мирным, но пока происходившее меньше всего напоминало ненасильственное сопротивление. Кэтрин все сильнее проникалась убеждением о необходимости реформирования религии. К чему защищать старый порядок, прогнивший до самого основания? Начало было положено, и прекрасно. Зачем переводить часы назад?

Она искала убежища в молитвах и своем Часослове. Господь, наверное, устал от ее назойливых просьб. Как бы ей хотелось самой читать Библию на английском. Ее знания латыни хватало для понимания службы в церкви, но как же все эти бедные безграмотные люди, для которых слова священника на мессе – это просто набор звуков, не имеющих никакого смысла? Для них религия действительно была тайной! И тем не менее мятежники стремились отстоять свое право на невежество. Это непостижимо!

Когда пришло еще одно письмо от Джона, у Кэтрин едва не подкосились колени от облегчения. Больше всего муж хотел знать, в порядке ли она и дети. Сам он здоров. Мятежники поручили ему вести переговоры с герцогом Норфолком в Донкастере.

Я с ним немного знаком и считал его солдафоном, почти начисто лишенным сострадания, но он понял, что я действовал против своей воли, так как по завершении переговоров с глазу на глаз сказал, что заступится за меня перед королем. По правде, я плохо представлял интересы мятежников, поскольку слишком хорошо понимал, что армия герцога стоит лагерем под Понтефрактом. Однако герцог был настроен миролюбиво. Обещал, что король рассмотрит требования паломников и независимо от того, будут они выполнены или нет, мы все получим прощение, так как его величество знает, что наша тревога идет от сердца, и хочет избежать кровопролития. Таким образом мы заключили соглашение, и мастер Аск велел всем расходиться по домам. Скоро я буду с вами. А до тех пор да хранит вас Господь!

Письмо не принесло Кэтрин успокоения. Его содержание слишком сильно расходилось с тем, что сообщил ей дядя Уильям. Возможно ли, что король изменил мнение? Или просто понял, что мятежники превосходят числом всю его прекрасную армию? Ей хотелось верить, что Джон получит прощение, но что-то подсказывало: слишком легко оно было обещано.

1 ноября Кэтрин сидела за столом у окна и просматривала принесенные Уолтером счета, когда услышала стук конских копыт. Встав, она увидела Джона и его оруженосца, скакавших к дому. Кэтрин слетела вниз по лестнице, зовя Джека и Маргарет, распахнула дверь и бросилась обнимать мужа, свесившегося с седла.

– О муж мой, как я рада вас видеть!

Маргарет приплясывала вокруг отца, ожидая поцелуя. Даже Джек улыбался. Они ввели Джона в дом и усадили за стол на козлах. Кэтрин сняла с мужа накидку и шапку, приказала подать вина со специями. Джон пил его и рассказывал о событиях, произошедших с того момента, как его забрали мятежники. Через какое-то время Маргарет наскучили разговоры о клятвах и перемириях, и она убежала играть. Джек, жадно внимавший отцу, обратился к нему:

– Если вам снова придется идти к мятежникам, сэр, я хочу быть с вами. – В его глазах горела огнем жажда битвы.

– Нет! – отрезал Джон. – Я не допущу, чтобы мой сын рисковал своим будущим, восставая против короля.

– Но паломники не восстают против короля, только против его дурных министров и затеянных ими реформ. Вы сказали, что король готов прислушаться к их просьбам. Он обещал простить вас.

Джон замаялся.

– А это означает, что паломникам больше незачем будет собираться, – быстро проговорила Кэтрин.

– Но если они соберутся, я хочу пойти с вами, отец! – Джек начинал сердиться; щеки его пылали.

– Я сказал нет! – рявкнул Джон. – И покончим с этим.

– Я пойду. Я убегу из дому! Не хочу, чтобы со мной обращались как с маленьким! – вспылил Джек.

– Тогда перестань вести себя как маленький! – крикнул Джон вслед затопавшему прочь сыну.

– Он успокоится, – вздохнув, произнесла Кэтрин. – Джек очень переживал, пока вас не было. – Внутренне она обрадовалась, что они, оставшись одни, могут говорить открыто, и наполнила кубки себе и мужу. – Удивительно, что вы так быстро получили прощение, – осмелилась заметить Кэтрин.

– Если оно станет реальностью, в чем я сильно сомневаюсь, – отозвался Джон, и у его жены похолодела кровь. – Герцог не мог ни повернуть войска назад, ни сразиться с нами: у него

не было кавалерии, а мы собрали весь цвет Севера. Норфолк, вероятно, понимал, что слабость его войска всем очевидна, потому и предложил всем прощение, чтобы люди разошлись. Кейт, они просто выгадывают время. Это еще не конец. Расплата неминуема. Надеюсь, герцог заступится за меня, как и обещал. Не хотелось бы, чтобы король считал меня виновным в измене. Но никуда не деться от того факта, что я присоединился к паломникам, вел переговоры с их стороны и фактически противостоял своему соверену.

Ровно так же думала и Кэтрин. Ее злило, что Норфолк так бойко пообещал всем прощение, вероятно, чтобы нанести удар в другой раз. Это дало королю время собрать более крупные силы.

К удивлению Кэтрин, прощение Джона, подписанное и с монаршей печатью, доставили меньше чем через две недели. Правда, формулировка звучала зловеще.

– Он обвиняет меня в содействии краху королевства и успеху наших давних врагов шотландцев, которые могли воспользоваться мятежом, чтобы напасть на английские границы, – читал Джон. – Судя по этим словам, король глубоко оскорблен. И он предупреждает, что впредь с любыми мятежами будет разбираться самолично, приведет армию для подавления злостных бунтовщиков и повергнет их в величайшее смятение.

– О Джон, вы должны проявлять осторожность! – воскликнула Кэтрин.

– Думаете, я не дорожу своей шкурой? – отозвался он и обнял ее.

Джон не пробыл дома и трех недель, когда получил письмо от Роберта Аска, в котором тот настоятельно призывал его вместе с лидерами паломников участвовать в совещании в Йорке. Они получили ответ от короля, и он требует обсуждения.

– Не ездите! – взмолилась Кэтрин. – Не вмешивайтесь в это дело снова. В прошлый раз вам повезло получить прощение. Но теперь все может обернуться иначе.

Лицо Джона посерело.

– Выбора нет, – сказал он. – Меня предупредили: если я их брошу, последуют ответные меры.

– Ответные меры последуют, если вы этого не сделаете! – бросила ему Кэтрин.

– Это не новое восстание, любимая, просто совещание. Я бы хотел услышать, что думает король. Своего врага нужно знать в лицо!

Не обращая внимания на протесты Кэтрин, Джон уехал, оставив ее раздираемой дурными предчувствиями. Каждый день она часами простаивала на коленях, молясь о возвращении мужа или получении новостей о нем. Когда прибыл отправленный Джоном гонец, Кэтрин выхватила у него пакет и тут же вскрыла его. Сердце у нее замирало, когда она читала послание супруга.

Похоже, король сильно сожалел о том, что даровал прощение паломникам. Он прислал своих людей передать им, что считает удивительной неблагодарностью то, что они, будучи его подданными и долгое время пользуясь его отзывчивостью и готовностью выслушивать прошения от всех людей и возмещать ущерб жалобщикам, попытались устроить восстание, вместо того чтобы обратиться к нему с просьбой.

Его величество подвергает сомнению наше здравомыслие и поражен проявленной к нему этим бунтом неблагодарностью, особенно со стороны людей благородных вроде меня, – писал Джон так, словно король выражал недовольство лично им. – Он дивится на своих дворян, которые терпят проходимца вроде мастера Аска и посвящают его в наши дела. По его мнению, с которым согласны близкие к нему лорды при дворе, мы опорочили свою честь собственной глупостью. – (Кэтрин легко могла представить себе реакцию Джона на эти слова.) – Тут все в большом смятении и не знают, как на это отвечать. На следующей неделе состоится новое совещание в Понтефракте. До тех пор я останусь в Йорке.

– Нет! – вслух произнесла Кэтрин. – Возвращайтесь домой!

– С вами все в порядке, миледи? – спросила Бесс, жена Уолтера, которая вошла в холл с парой кроликов на ужин.

Кэтрин мысленно встряхнула себя. Нельзя демонстрировать слабость на глазах у слуг.

– Все прекрасно, – с улыбкой сказала она.

Джона Кэтрин не видела почти до самых Йолетид. Между тем в своих письмах он обнадеживал ее: кажется, появилась надежда, что все уладится, и пусть она не переживает. Кэтрин, конечно, переживала.

Он приехал домой в тот момент, когда слуги и дети украшали холл зелеными ветвями, а по замку разливались ароматы рождественских пряностей, жареного мяса и фруктовых пудингов.

– Папа! – крикнула Маргарет, подбежала к нему, раскинув руки, и обняла.

– Джон! – Кэтрин бросила плести венка и тоже поспешила навстречу мужу. – Скажите мне, все хорошо?

Тот улыбнулся ей:

– Король согласился на наши условия!

– О Боже мой... – У нее не было слов. Такого она ожидала меньше всего. – Расскажите мне.

Кэтрин оторвала Маргарет от Джона, и они с мужем ушли в кабинет, где он занимался делами поместья, подальше от царившего в холле гомона.

– Ну? – спросила Кэтрин, которой не терпелось услышать новости. – О, простите меня, я должна была послать за каким-нибудь угощением для вас.

– Это подождет. – Он положил ладонь на ее руки. – Когда мы встретились в Понтефракте, мастер Аск предложил нам составить список того, чем мы недовольны. Туда попало все, как вы понимаете: необходимость возвращения к Риму, сохранение монастырей, объявление законной наследницей леди Марии, освобождение духовенства от непосильных налогов, увольнение и наказание Кромвеля и его сообщников, которые попрали законы королевства и поддерживали еретиков. И еще мы попросили, чтобы парламент заседал в Йорке и королеву короновали там же. Я высказал мнение, что ни одно из этих требований не обрадует короля и он разгневется, однако Аск все равно отправил список герцогу Норфолку. Мне казалось, что мы играем в кости с судьбой, а потому я хотел узнать, как могут расценить наши действия в моральном отношении и с точки зрения закона. Мне было известно, что архиепископ Ли в Йорке, а он абсолютно преданный королю человек. Мы пригласили его на свое совещание, но он не приехал. Я предложил спросить у него, существуют ли условия, при которых подданные могут законно восставать против своего короля, и мастер Аск сказал, чтобы я ехал к нему в церковь на следующее утро и задал этот вопрос. Я и поехал.

– О Джон! – выдохнула Кэтрин. – Неужели?

– Мне хотелось получить ответ, – честно ответил он.

– Но вас могли обвинить в подстрекательстве к измене!

– Это теперь дело прошлое, любимая. Когда я приехал, архиепископ не стал разговаривать со мной, и я оставил ему записку с объяснением, зачем приезжал. Но, читая проповедь с кафедры, он заявил, что никакой верный подданный не возьмет в руки оружия без позволения короля. Некоторые паломники, находившиеся в церкви вместе со мной, закричали на него, так что другие священники поскорее увели архиепископа в ризницу и заперли дверь.

Кэтрин ужаснулась. Когда новость об этом дойдет до короля...

Джон погладил ее по щеке:

– Не нужно так беспокоиться, любимая, еще рано. На этой неделе герцог Норфолк вызвал нас в Донкастер и сказал, что король поручил ему издать новое прощение и сообщить нам, что парламент будет заседать в Йорке, где рассмотрит наши требования, и коронация королевы

пройдет там же на Троицу. Я ездил с мастером Аском получать общее прощение от герцога, и мы выразили ему благодарность от лица всех паломников. Потом Норфолк велел нам разъезжаться по домам, а мастера Аска попросил отправиться на юг, в Лондон, так как король пригласил его провести Рождество при дворе в качестве гостя.

Кэтрин старалась выглядеть довольной, но на сердце у нее было беспокойно. Король вовсе не согласился выполнить просьбы паломников, он сказал только, что их рассмотрит парламент. Изобразив, будто дает оппонентам то, о чем они просили, король хитро вынудил мятежников распустить свое войско. «Ох, как же доверчив мой Джон!» – вздохнула про себя Кэтрин.

– Опасность миновала, – сказал он, – и мы можем спокойно жить дальше. Время, проведенное с паломниками, было очень тяжелым и опасным, но оно осталось в прошлом, и я благодарю за это Бога.

Кэтрин хотелось бы в это верить. Джон всех их поставил на грань катастрофы, когда поехал бросать вызов архиепископу. Оставив мужа переодеваться из дорожного костюма в домашнее платье, Кэтрин пошла распорядиться насчет еды. Она пыталась подавить внутреннюю тревогу, велела себе собраться и ради детей не подавать виду, ведь их ждало Рождество.

В продолжение праздников, которые они отмечали очень бурно, так как Джон сказал, что у них есть повод хорошенько повеселиться, Кэтрин не оставляли мрачные мысли. Она не могла отделаться от страхов и избавиться от стоявших перед глазами картин того, как Джона разделяют на эшафоте или ее саму, убитую горем, вместе с детьми вышвыривают из Снейпа, а на их будущее ложится пятно вечного позора из-за проступка ее мужа.

Джону нужно как-то отмежеваться от мятежников, иначе люди начнут думать, будто он действовал с ними заодно, не по принуждению. Может, дядю Уильяма или Уилла, который ходил против бунтовщиков с армией, удастся убедить, чтобы они выгородили Джона перед королем? У его милости нет причин сомневаться в их преданности. Оба всем сердцем приняли недавние реформы, дяде Уильяму даже поручили надзор за роспуском монастырей в Нортгемптоншире. Но, вероятно, лучше всего будет, если Джон обратится к королю лично. Крайне важно дать понять его величеству, что он действовал не по собственной прихоти.

В Двенадцатую ночь, когда Джон размяк от вина и они наконец улеглись в постель, Кэтрин повернулась к нему, и вдруг из ее глаз хлынули слезы. Все скопившиеся в душе страхи изливались наружу вместе с ними.

Джон не рассердился.

– Я понимаю, Кейт, – сказал он, обнимая ее. – Вы говорите разумно. Я отправлюсь в Лондон и помирюсь с королем.

Он уехал в январе. Кэтрин много дней в тревоге ждала вестей.

Через две недели она получила письмо. Джон находится в Стамфорде, возвращаясь в Йоркшир, и заедет по делам в Малтон, прежде чем появится дома. Скоро он будет с ней.

«Быстро же он обернулся», – подумала Кэтрин, садясь в холле на скамью с высокой спинкой, чтобы прочесть остальное.

С королем Джон не виделся. Он добрался до Хартфордшира, где его нашел королевский вестник и передал, что ему приказано ехать на север и послужить его величеству в Шотландских марках⁸, так как имелись опасения, что шотландцы извлекут для себя пользу из недавней смуты в королевстве и вторгнутся в Англию. Он обязан сделать доклад лорду-смотрителю марок как можно скорее.

⁸ Шотландские марки – область на границе Англии и Шотландии, которая в Средние века регулярно подвергалась набегам и разорению.

Это хорошая новость. Значит, его милость все еще доверяет мне. Когда я остановился на постоялом дворе в Стамфорде, то получил письмо от сэра Уильяма Фицуильяма. Он поговорил обо мне с королем и убедил его, что я примкнул к паломникам не по своей воле.

«Да благословит Господь сэра Уильяма Фицуильяма!» – подумала Кэтрин, вставая, чтобы снова взяться за дневную работу. Может быть, на этом их злоключения, связанные с мятежом, закончатся?

Глава 10

1537 год

Обед завершился, и дети скрылись в своих комнатах. Кэтрин взяла в руки книгу и уютно устроилась в кресле, намереваясь урвать сладкое мгновение покоя и насладиться чтением. На улице завывал ветер, и сидеть в теплой гостиной рядом с потрескивавшим в очаге огнем было очень приятно.

Она не провела так и десяти минут, когда услышала на дворе крики. Вскочив и выглянув в окно, Кэтрин задержала дыхание, увидев толпу человек в двадцать, которая собралась у замка. Судя по виду этих людей, они были сильно раздражены.

– Выходи, предатель! – кричали они. – Изменник! Продажная шкура! Покажись! – Некоторые при этом потрясали кулаками, другие размахивали оружием, вилами или косами.

Задрожав от страха, Кэтрин спустилась в холл, где увидела Джека и Маргарет: они уже сбежали вниз по лестнице.

– Возвращайтесь наверх и оставайтесь там! – велела детям Кэтрин самым строгим тоном, какой ей удалось придать своему голосу.

– Мачеха, в отсутствие отца хозяин здесь я. Я с ними разберусь, – сказал Джек, однако, несмотря на внешнюю браваду, голос у него дрожал.

– Твой отец никогда не простит мне, если я допущу это, – сказала Кэтрин, но Джек не сдвинулся с места, а шум за дверью все усиливался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.